

всѣмъ установленнымъ на сей случай правиламъ (выбору въ совѣтъ) и тогда получалъ по ней окладъ, сохраняя и пенсію¹⁾.

Въ 1833 году получали пенсіи слѣдующіе преподаватели и чиновники Харьковскаго университета, ихъ вдовы и дѣти: Курдюмовъ 539 р., вдова учителя музыки Кона—100 р., Ольденборгеръ 346 р. 50 к., дѣти Туранскаго 181 руб. 49¼ коп., Фесенко 297 руб., бывший профессоръ *Стойковичъ*—990 р., *Борзенко*—1960 р., *Тимковскій*—990 р., учитель Беккеръ—247 р. 50 к., *Книгина*—500 р., *Срезневская*—990 руб., *Филомафитская*—1000 руб., *Ванноти*—396 руб., г-жа *Пильмеръ*—500 руб., г-жа *Дрейсиъ*—396 р., *Куницкая*—480 р., *Дьячкова*—400 р., *Кальдау*—158 р. 40 к., дочь *Деявина*—495 р., дѣти *Осиновскаго* 500 р., вдова Беккеръ—100 руб. Всѣ эти пенсіи выдавались изъ специально предназначенной для этого по штату суммы²⁾. Всего выходило 11566 р. 90 к. (не считая единовременныхъ пособій).

Тяжело было однако вслѣдствіе общаго кризиса матеріальное положеніе даже такихъ отставныхъ профессоровъ, которые получали полную пенсію и имѣли, состоя на службѣ, нѣкоторые дополнительные доходы. Въ этомъ можно убѣдиться, напримѣръ, изъ прошенія проф. Шумлянскаго, которое онъ подалъ Министру Народнаго Просвѣщенія. „Позвольте, Ваше Сіятельство, покорнѣйше васъ просить взглянуть на послужной мой списокъ при департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія имѣющійся и принять во уваженіе состояніе человѣка, въ службѣ состоярѣвшагося и не имѣющаго до сихъ поръ въ виду ничего, кромѣ одной невзрачной, къ счастью непродолжительной будущности.

Въ 1811 году представленъ былъ я отъ университета г. Министру на утвержденіе меня въ званіи заслуженнаго профессора, но мнѣ было отказано, потому что уставомъ предписано прослужить до такого наименованія 25 лѣтъ; университетъ же и самъ считалъ себя тогда только 7 лѣтъ отъ роду. Ясно, кажется, что таковое постановленіе сдѣлано не для насъ русскихъ, служившихъ до вступленія въ университетъ по другимъ учебнымъ мѣстамъ одинъ другого болѣе. Таково однако было рѣшеніе г. Министра, повергнувшаго стараго слугу въ крайнее уныніе и притомъ въ возрастѣ, ободренія требующемъ. Но этого еще не довольно было для усиленія моего прискорбія: шесть лѣтъ продолжаю служеніе наряду съ бывшими моими по медикохирургической академіи учениками, кои и были здѣсь профессорами. Это обстоятельство и пріятно для меня, и больно; больно потому паче, что они недавно

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 3372/208.

²⁾ Ibid, Д. правл. № 3372/208.

произведены, оставивъ черезъ то стараго своего профессора позади себя безъ всякаго награжденія, слѣдовательно, явно въ пренебреженіи. Совѣсть моя толкуетъ однако, что я такой обиды не заслужилъ и тѣмъ менѣе, что я всегда стоялъ за честь университета, чѣмъ и приобрѣлъ для себя притѣснителя. Справедливо впрочемъ, что чины не льстятъ уже сѣдой головѣ, и то однако правда, что безвинно оплеванный ветеранъ всякаго сожалѣнія достойнѣе, который притомъ давно и крѣпко терпитъ съ семействомъ по недостаточному нынѣ окладу и при долгахъ. Кому подъ 70 лѣтъ, тотъ вѣрно имѣетъ нужду въ покоѣ, слѣдовательно, въ отставкѣ съ полной пенсіей и, по трудности временъ, съ квартирными деньгами, но который безъ предварительнаго единовременнаго за 48 лѣтъ службы приличнаго денежнаго награжденія никакъ не можетъ ея просить.

Ваше Сіятельство! На семъ единственно остановились всѣ мои желанія; помогите безпомощному коликъ возможно, исполненному къ особѣ вашей глубочайшаго высокопочитанія (Харьковъ, 31 марта, 1817 г.)¹⁾.

Министръ не счелъ возможнымъ удовлетворить просьбы Шумлянского о выдачѣ единовременной награды и обращеніи въ пенсію квартирныхъ денегъ, а только исхлопоталъ ему полную пенсію.

Еще болѣе печально было положеніе нѣкоторыхъ преподавателей, уволенныхъ безъ пенсіи.

Грустное впечатлѣніе производитъ эпилогъ дѣла, производившагося въ Правленіи университета, о выдачѣ послѣдняго жалованья адъюнкту Болгаревскому, удаленному, какъ мы знаемъ, изъ университета за его строптивый характеръ. Это былъ очевидно, бѣднякъ, ничего не имѣвшій. Декану своего факультета Книгину онъ написалъ слѣдующее письмо: „получивъ при увольненіи моемъ изъ университета паспортъ для проживанія, обращаюсь къ Вамъ, какъ къ декану съ покорнѣйшей просьбой объ исходатайствованіи мнѣ свидѣтельства по службѣ моей въ университетѣ равно и о выдачѣ по день моего увольненія, т. е. по 2-е число октября прошедшаго года причитающагося мнѣ жалованья и квартирныхъ денегъ. Извѣстная мнѣ *сострадательность* ваша къ бѣдствующимъ невинно обнадеживаетъ меня совершенною увѣренностью, что Вы не откажете мнѣ Вашимъ въ семъ дѣлѣ пособіемъ“ (20 января 1817 г.). Другое письмо Болгаревскій написалъ ректору Т. Θ. Осиповскому. „Я надѣюсь, что Вы уже получили рапорты о сдачѣ фармацевтической лабораторіи и о возвращеніи книгъ въ Библіотеку. Кажется мнѣ, что теперь уже нѣтъ причинъ содержать меня подъ смотрѣніемъ“.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. пов. № 402/20.

полиціи. Покорѣйше прошу Васъ сообщить полицмейстеру, дабы мнѣ не было препятствія отлучиться на короткое время для свиданія со своими родными. Признаюсь Вамъ откровенно, что я *нуждаюсь во вседневномъ пропитаніи*, почему нетерпѣливо ожидаю совершеннаго своего отпуска и прошу Васъ не задержать меня до глубокой осени". Правленіе выдало причитавшіеся ему 86 р. 91¹/₄ к.¹⁾—очевидно, его единственный и послѣдній ресурсъ.

Гдѣ и какъ устроился Болгаревскій, мы не знаемъ; а печальной памяти ректоръ Стойковичъ сумѣлъ добиться и пенсіи, и чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и занять должность по министерству внутреннихъ дѣлъ (члена непремѣннаго присутствія департамента государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій). Умеръ онъ въ 1832 г. оставивъ вдову и 2-хъ дѣтей. Сынъ его Януарій пожертвовалъ бібліотеку своего отца въ 1835 г. Одесскому лицее²⁾.

Сумѣлъ заблаговременно составить себѣ состояніе и Шадъ, уволенный безъ пенсіи и тщетно добивавшійся ея въ теченіе многихъ лѣтъ. При удаленіи изъ Харькова, онъ вошелъ въ правленіе въ 1816 г. съ ходатайствомъ объ утвержденіи его духовнаго завѣщанія. „Даль я, писалъ онъ тамъ, женѣ моей полную довѣренность распоряжаться моими вещами по законамъ Россійской Имперіи, такъ какъ мнѣ вѣрно немедленно выѣхать изъ государства. Но это распоряженіе должно быть таково, чтобы ни у меня, поколь живу, ни у моихъ дѣтей не было ничего отнято. Чтобы отвратить всякій могущій произойти объ этомъ споръ, я объявляю волю мою слѣдующимъ образомъ: такъ какъ здоровье мое такъ ослаблено, что я нахожусь ежедневно въ опасности умереть, и сей долгій и безпокойный путь, предприемлемый по повелѣнію справедливѣйшаго и человеколюбиваго Императора, еще болѣе представляетъ мнѣ опасности, то я объявляю, что если что со мною по человечеству случится, то все мое имѣніе послѣ моей смерти должно быть раздѣлено на три части, такъ чтобы одну треть получила жена моя, другую—сынъ, третью—дочь. Такъ какъ я совершенно увѣренъ, что я или насильственною, или естественною смертію въ дорогѣ умру, то поручаю университету, членомъ котораго я былъ и *для пользы и чести котораго трудился денно и нощно*, это важное дѣло, приближаясь къ смерти, надѣясь, что если нѣкоторые при жизни моей все къ гибели моей сдѣлали, то по смерти моей по крайней мѣрѣ примирится съ наилучшею женою моею и моими дѣтьми. Относительно меня ничего не пужно, но я желаю по крайней мѣрѣ, чтобы послѣ моей смерти

¹⁾ Харьк. универ. архивъ. Д. Правл. № 1171/53.

²⁾ Арх. М. Н. Пр. № 6005/159.

оказана была справедливость тѣмъ, коихъ я оставляю и кои мои суть навсегда^а.

Правленіе постановило передать это духовное завѣщаніе для законнаго разсмотрѣнія въ Слободско - Украинское губернское правленіе¹⁾.

Положеніе самого Шада въ матеріальномъ отношеніи за границей было весьма печальное, особенно въ послѣдніе годы его жизни. Почетитель Харьковскаго учебнаго округа А. А. Перовскій офиціально удостовѣрялъ въ 1828 году, что онъ видѣлъ заграничей 70-ти-лѣтняго старика Шада въ очень плачевныхъ обстоятельствахъ, и считалъ справедливымъ назначить ему единовременно 10000 р. и затѣмъ выдавать по 1000 руб. ежегодной пенсіи: онъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Іенѣ, но жалованья не получалъ²⁾.

Обращаетъ на себя вниманіе наше большое число профессоровъ, уволенныхъ безъ прошенія въ отставку: Шадъ, Болгаревскій, Нельдехенъ (въ 1818 г.), Осиповскій, Васильевъ и Венедиктовъ; по старости или по совершенно разстроенному состоянію здоровья съ пенсіей сами вышли — Борзенковъ, Затеplinскій, Шумляинскій, Еллинскій; по столкновенію съ университетскимъ начальствомъ безъ пенсіи Брандейсъ; вышли добровольно — Чановъ, Склабовскій, Золотаревъ; умерли — Книгинъ, Шильгеръ, Делявинъ, Ванноти (1 февр. 1819 г.), Дрейсигъ (30 іюня 1819 г.), Каменскій (9 августа того же года), Срезневскій (12 сент. того же года), Гонорскій (14 авг. того же года), Успенскій (10 мая 1820 г.) Богородицкій (20 февр. 1826 г.), Дудровичъ (25 мая 1830 года) Куницкій (29 іюля 1831 г.), Филомафитскій (6 апр. того же года), Дьячковъ (6 сент. того же года); Даниловичъ и Цыхъ перевелись въ Кіевскій университетъ, Дегуровъ въ Петербургскій.

Представимъ теперь краткія данныя о бытѣ, нравахъ и нравственномъ вліяніи профессоровъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Частной жизни нѣкоторыхъ изъ нихъ мы коснемся только въ такой мѣрѣ, въ какой она отражалась, прямо или косвенно, на ихъ преподавательской и научной дѣятельности. Едва ли нужно доказывать, что и подобные факты не могутъ быть опущены въ трудѣ, программа котораго захватываетъ всѣ стороны стараго университетскаго быта. Во всѣ моменты университетской жизни профессора имѣли нравственное вліяніе на своихъ слушателей и мѣстное общество, и историкъ долженъ попытаться опредѣлить хотя приблизительно силу этого вліянія;

¹⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Д. правл. № 1170/53.

²⁾ Д. И. Батаалъ — Удаленіе проф. И. Е. Шада, X. 1899 г., стр. 139—140.

а оно находилось въ связи съ общимъ нравственнымъ уровнемъ профессорской среды, съ большимъ или меньшимъ числомъ положительныхъ или отрицательныхъ въ этомъ отношеніи личностей. Для Харьковскаго университета не прошли безслѣдно частныя коммерческія предпріятія его ректора Стойковича, занимавшагося продажею контрабанднаго вина; равнымъ образомъ не оставалась безъ результатовъ положительная дѣятельность такихъ чистыхъ людей, какъ Рижскій или Осиповскій.

Долго останавливаться впрочемъ на этомъ мы не будемъ, а представимъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ примѣровъ, основанныхъ на достовѣрныхъ источникахъ.

Въ 1-мъ томѣ своего труда мы пользовались для біографіи Г. П. Успенскаго воспоминаніями его сына, относившимися къ первымъ годамъ его профессуры. Приведемъ теперь выдержки изъ нихъ, относящіяся къ самому послѣднему періоду его жизни. Рисуя домашнюю, частную и семейную жизнь своего отца, В. Успенскій вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ ключъ къ уясненію перемѣны въ его характерѣ, отразившейся весьма замѣтнымъ образомъ и на его ученой дѣятельности, и на отношеніи его къ учащейся молодежи. „До сихъ поръ учебная звѣзда отца моего, говоритъ В. Успенскій, свѣтила ярко по съ появленіемъ въ нашемъ домѣ племянницы моей матери, звѣзда эта начала блѣднѣть. Періодъ памятный въ моей студенческой жизни!—Въ этой пожилой, некрасивой дѣвушкѣ не было ничего особеннаго, кромѣ бойкости, услужливости и проворства. Объявивши, что пріѣхала на короткій срокъ, чтобы только поцѣловать дорогую тетиньку, какъ наивно выражалась она, эта гостья безцеремонно водворилась у насъ навсегда, прибрала къ рукамъ все хозяйство, а потомъ и все семейство. Отецъ мой, не имѣвшій никогда сближенія съ женскимъ обществомъ, поставилъ себя, съ самаго начала въ почти-тельное предѣ ней отношеніе, поэтому она скоро завладѣла его довѣріемъ такъ, что безъ ея рѣшенія ничего не дѣлалось. Не только относительно экономіи, которою она управляла безотчетно, и относительно насъ, отодвинутыхъ въ глубину картины, но ея совѣтъ спрашивался и на все, что относилось къ матери и самому отцу. И повело же это обаяніе къ дурному, потащило оно все семейство къ гибели и втокнуло самого отца въ преждевременную могилу! Смерть его отняла у тѣснаго круга тогдашнихъ ученыхъ неутомимаго дѣятеля науки, опытнаго педагога, зоркаго наставника и вѣрнаго товарища.

Добрый отецъ, слѣпо довѣрившись дурному человѣку, навелъ тѣнь на свои послѣдніе годы, на тѣ годы, которые въ апогеѣ его заслуженной извѣстности должны бы были свѣтлѣй и ярче. Все шло обычнымъ

порядкомъ и постороннему казалось, что ничего не измѣнилось въ нашемъ домашнемъ быту: также рано вставалъ мой отецъ и поздно ложился, также точенъ былъ онъ въ отправленіи должности. Но въ самомъ дѣлѣ было не такъ. Правда, вставалъ отецъ, какъ и всегда, очень рано и ложился поздно, но занятія его прерывались непрерывными приходами къ нему племянницы. На должность отправлялся отецъ мой всегда аккуратно, но возвращался домой ранѣе прежняго и часто раздосадованный, чего не бывало прежде. Въ домѣ повидимому, тоже было, но мы, дѣти, были разрознены, запуганы и не смѣли пикнуть. Еще скучнѣй, еще пустыннѣй стало у насъ въ домѣ; но отцу примѣтно повеселѣло; онъ рѣже вздыхалъ, легче вдумывался, церковное пѣніе и молитвенныя восклицанія прекратились. Скоро онъ такъ привыкъ къ племянницѣ, что если ея долго не было съ нимъ, онъ звалъ ее. Это быстро вело къ преобладанію ея въ домѣ надо всѣми и къ вліянію надъ нимъ самимъ. Переходъ отца къ новому порядку иногда пробуждалъ въ немъ сожалѣніе о прежнемъ, повергалъ его въ тоску, бездѣйственность и уныніе. Но это бывало вначалѣ. Тетка была лишена свободы и не могла безъ ея вѣдома выходить изъ своихъ комнатъ; съ матерью заточалась и сестра моя. Я былъ отлученъ отъ отца, при которомъ долго слылъ кабинетною принадлежностью; за неповиновеніе новой главѣ, я лишенъ былъ его ласкового слова и бездокладнаго къ нему входа. Скоро и гости появлялись рѣже, и просители обратились къ другимъ вліятельнымъ людямъ. Жертва, за жертвой падали мы отъ ея жала. Первой жертвой сдѣлалась бѣдная сестра моя, отданная за Куницкаго, только что прибывшаго изъ Москвы на кафедру греческаго языка. Человѣкъ этотъ, явившись въ Харьковъ, никого не имѣлъ знакомыхъ, кромѣ тѣхъ попутчиковъ, съ кѣмъ пріѣхалъ изъ Москвы; Куницкій вошелъ въ нашъ домъ ученый, но бѣдный до пролетаризма и стиснутый его тисками до жалости. Бѣднякъ искалъ опоры и пріюта. Моему отцу пріятнымъ казалось, что къ нему прямо обратился, въ немъ одномъ искалъ ученый москвитянинъ; но я и братъ непривѣтливо обходились съ нимъ. Мать и сестра едва-ли болѣе разу видѣли его. И вдругъ, къ общему всѣхъ удивленію, сестрѣ было объявлено, что этотъ господинъ—нареченный ея женихъ и что ему уже дано слово за нее. Озадаченная дѣвушка не пришла еще въ себя отъ испуга, какъ начались приготовленія къ свадьбѣ и вскорѣ потомъ совершился бракъ. Много ли было данныхъ къ составленію супружескаго благополучія молодыхъ? Нисколько! Они не только имѣли разныя о всемъ понятія, объяснялись неодинаковымъ языкомъ, неодинаково чувствовали, не одно видѣли впереди, но они скоро поняли, что ошиблись, обманулись, сведены поневолѣ, почти насильно

и потому отвернулись одинъ отъ другого. Мужъ пренебрѣтъ неразвитою женой, жена оскорбилась насмѣшливостью мужа. Отецъ не замѣчалъ переменъ и ласкалъ зятя и дочь. Это показалось Фіонѣ опаснымъ для ея самовластия: она задумала удалить ихъ. Ей удалось это чрезвычайно легко: стоило внушить довѣрчивой женщинѣ, что причиной холодности мужа—незавидное помѣщеніе ихъ во флигелѣ подъ глазами отца, что пора имъ имѣть свою собственность, что непременно отецъ отдѣлитъ ихъ, какъ только о томъ они оба попросятъ его. Легковѣрная дочь приняла этотъ совѣтъ, считая его за искренній и своевременный, а потому упростила мужа написать письмо къ отцу объ отдѣлѣ. Между тѣмъ Фіона работала противъ нихъ, напѣвая отцу о непочтительности зятя, о нерасположеніи его къ женѣ, о ея увлеченіи имъ и отдаленіи отъ родителей, и наконецъ объ ихъ дерзкомъ замыслѣ требовать обѣщаннаго отдѣла. Естественно, что отецъ встревожился и приготовился къ отпору: и какъ только несчастная дочь начала говорить объ этомъ и подала письмо мужа, то онъ прогналъ ее, запрети показываться къ себѣ на глаза. Слѣдствіемъ этого была опасная продолжительная болѣзнь сестры, полное охлажденіе къ ней мужа и начало его гибельнаго пристрастія къ вину. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ замужества сестры, умерла моя мать, умерла скорострѣжно въ запертой Фіоною комнатѣ... Смерть ея развязала Фіону: она дѣйствовала уже настойчиво, грубо. Но это самое пробудило въ отцѣ осмотрительность: онъ увидѣлъ свою оплошность. Опять принялся за вздохи, молитвы и кабинетную замкнутость. Цѣлые дни проходили, Фіонѣ не отворялась дверь кабинета, и только при встрѣчѣ съ отцомъ она успѣвала задерживать его на нѣсколько словъ. Но это не могло исправить испорченнаго. Главной порчей дѣлу отца было то, что наши домашніе учителя—студенты знали всю замкнутость нашу, разносили о ней молву съ прибавленіями и, наводя густую тѣнь на имя отца, вызывали недовольныхъ. Ихъ разсказамъ помогли отказы посѣтителямъ и нетерпѣливость съ просителями; то и другое устраивала злая женщина, а оно вызывало ропотъ и пасквили. Отецъ досадовалъ, недугъ его усиливался отъ раздраженія и доводилъ до такой усидчивости въ замкнутомъ на ключъ кабинетѣ, что часа по два и по три онъ не выходилъ оттуда. А это—то и нужно было Фіонѣ: къ ней лились друзья монахини, уносили и увозили большіе узлы съ бѣльемъ, платьемъ и разными вещами. Отецъ не наблюдалъ за этимъ, давно хозяйство вышло изъ его рукъ, а если когда и видѣлъ такую выгрузку изъ кладовыхъ, то вздыхалъ, молчалъ, но не давалъ замѣтить, что видѣлъ. Промышленность эта длилась болѣе году, по самую его кончину. Куда и кому передавали услужливыя инокини земное стяженіе, которое такъ

усердно стягивали у насъ, и никогда узнать не могъ. Вернулись къ отцу прежнія скорбныя дни его, вернулись со страшнымъ наростомъ. Заныло страдальческое сердце, затомилась благородная душа ученаго мужа. Крушило его своеволие хищницы, крушило отчужденіе любимыхъ студентовъ и холодность товарищей, крушили подбрасываемыя пасквили; каррикатурность ихъ обижала, мучила его. Бѣдникъ силился поправить это обращеніемъ къ прежней своей дѣятельности, неутомимо работалъ въ кабинетъ, неупустительно выполнялъ обязанности по службѣ; но ничто не помогало: онъ оставался одинокимъ и терзался. Между тѣмъ, внутренняя борьба въ моемъ отцѣ, ослабляя въ немъ книжную духовность, вызывала наружу прежде незамѣтныя черты его характера. Въ постоянной мрачности духа, въ досадѣ на самого себя, неподкрѣпляемый дружбой и преданностью, тревожимый домашнимъ разгромомъ, онъ уже не нравственно дѣйствовалъ на окружающихъ, но былъ ихъ грозой. Доказательствомъ этому служить поведеніе тогдашнихъ казеннокоштныхъ студентовъ подъ его инспекціей, ненавлекшее на себя во все время прежде ни самомаѣйшей укоризны, и боязнь своекоштныхъ быть призванными къ объясненію предъ строгаго инспектора. Бѣда, бывало попасться къ нему, какъ говорили, на исповѣдь! Самый процессъ такой исповѣди называли мытьемъ головы. И въ самомъ дѣлѣ, въ поту, а верѣдко и въ слезахъ выходилъ отъ него кающійся. Появленіе отца, особенно внезапное, наводило что-то похожее на панику: каждый встрѣчный старался охорошиться или укрыться.

Не могу навѣрное сказать, когда именно отецъ мой получилъ почетный титулъ заслуженнаго профессора; знаю только, что онъ ему былъ очень пріятенъ. Тогда титулъ этотъ былъ дыковинный: только двое носили это отличие—мой отецъ и другой профессоръ въ Казанскомъ университетѣ. Намъ же дѣтямъ казалось, что и на насъ онъ распространяетъ славу учености и мы гордились имъ, какъ личнымъ преимуществомъ. Я вѣренъ до самоотверженія исторической истинѣ, и не боюсь насмѣшекъ за свою прошлую несмѣтливость.

Далеко было еще до запада моему отцу, но обстоятельства ускорили закатъ его. Въ лѣта силы и здоровья его закаркалъ могильный воронъ на кровлѣ нашего дома; и сбилось скоро черное предвѣщаніе. За нимъ вѣлѣдъ шли и другія. Ежедневными гостями отца моего сдѣлались Федоръ Никитичъ Еллиинскій и Василій Сергѣичъ Комлишинскій; одинъ вольнопрактикующій докторъ, другой профессоръ университета. Утромъ и вечеромъ они бывали у насъ и засиживались по нѣскольку часовъ. Ни я, ни братъ въ это время не входили въ кабинетъ безъ зова, и то только для полученія приказаній. Посѣщенія ихъ были зловѣщи;

отецъ день отъ дня становился задумчивѣй и грустнѣй, падалъ духомъ, ходилъ повѣся голову. Намъ мучило предчувствіе, мы ждали чего-то страшнаго, не могли ничѣмъ развлечься и безъ видимой причины плакали навзрыдь. Мѣсяца два продолжалось такое непонятное состояніе нашего духа; но вотъ заболѣлъ отецъ и заболѣлъ тяжело. Врачемъ его постоянно былъ тотъ же Еллинскій. Видя бесполезность его рецептовъ, мы отважились умолять отца пригласить другого доктора, изумился мученикъ просьбѣ плачущихъ дѣтей, но согласился и черезъ жившаго у насъ студента И. И. Савина былъ приглашенъ достойнѣйшій профессоръ и докторъ Иванъ Дмитріевичъ Книгинъ. Но было уже поздно: при второмъ визитѣ, въ одинъ и тотъ же день, онъ предложилъ созвать консилиумъ и послать за духовникомъ. То и другое немедленно исполнено тѣмъ же Савинымъ. Теперь уже не темное предчувствіе, а ясное сознаніе грозящей бѣды и видимо неотвратимой заставляло насъ плакать. Сидя поочередно съ братомъ надъ страдальцемъ, мы заливались слезами, подавая лѣкарство; дыханіе его слабѣло, прерывалось. Силы оставляли больного; онъ гасъ, какъ гаснетъ догорающая свѣча. Давно онъ ничего не ѣлъ и уже съ трудомъ глоталъ лекарство, и безъ посторонней помощи не могъ шевельнуться.

Превосходный изъ соборныхъ священниковъ, протоіерей Андрей Прокоповичъ, всегдашній духовникъ нашей семьи, восторженно любимый нами, навѣщалъ безнадежно больного въ предсмертные дни и вливалъ въ него утѣшеніе вѣры. При всемъ изнеможеніи, больной ловилъ слова своего мудраго утѣшителя, онъ насыщалъ себя его бесѣдой, запасался въ дальній путь его наставленіями. Я весь тогда превращался въ слухъ, и теперь еще помню его слова, сказанныя въ предпоследнее посѣщеніе. „Смерти нечего бояться, ея нѣтъ и быть не можетъ,—говорилъ Прокоповичъ: живъ Творецъ нашъ, должны быть живыми и мы. Рожденіе наше есть путь ко гробу; гробъ—колыбель, въ которой тѣло проспитъ долго и безсмертной душѣ привидятся сладкіе сны и, по милосердію вѣчнаго Бога, она призовется къ дѣйствительной жизни, и жизнь ея освѣтитъ Спаситель міра. Здѣшняя смерть наша есть наше счастье, потому что съ нею прекращается ноша креста и начнется жизнь небесная. Никакіе грѣхи не отлучаютъ отъ Искупителя, не лишаютъ блаженства безсмертія. Вѣра во Христа улаживаетъ тернистую тропу нашей земной жизни, а убѣжденіе въ милосердіи, Его ведетъ насъ въ царствіе небесное. Убѣждайтесь, Гавріиль Петровичъ, убѣждайте свой разумъ въ милосердіи Сына Божія, и смѣло, съ полной надеждой, зовите Иисуса Христа. Онъ уже близъ васъ.... зовите же Его всей силой души зовите!...“ Слеза за слезой выкатывались изъ потухающихъ глазъ уми-

рающего, и онъ съ улыбкой усиливался призывать имя Спасителя. Добродѣтельный пастырь горячо молился и благословлялъ умирающаго, самъ заливаясь слезами. Наступило 2-е мая 1820 года. Ярко блестяло солнце; ароматенъ былъ майскій Харьковскій день. Но не для насъ красовалось солнце, не для насъ разливался ароматъ въ воздухѣ: мы стояли у постели умирающаго отца... Безмолвно, едва движимой рукой благословлялъ онъ каждого изъ насъ подносимымъ образомъ, и въ ту же минуту закрывалъ глаза. Сестра и мужъ ея были съ нами. Черезъ пять минутъ онъ тихо, безъ содроганія уснулъ на вѣки...

Полиція и многіе изъ университетскихъ, часа за два, до катастрофы, группировались на площади и у подъѣзда дома. Въ данную минуту все хлынуло въ домъ и густо наполнило комнаты.

Похороны совершались съ обычной церемоніей. Университетъ выдалъ деньги на погребеніе; дома же оказалось всего-на-всего не болѣе двадцати рублей ассигнаціями и мѣдью. По возвращеніи съ кладбища, намъ сказали о назначеніи опекунами предсмертныхъ друзей (?) покойника: Еллинскаго и Комлишинскаго. Въ этотъ же день они осмотрѣли, а на утро описали все имущество. Въ кладовыхъ оказалось немного бѣлья, старое платье и пустые сундуки, въ кабинетѣ—книги и бумаги. Опекуны убрали въ большую связку много писемъ и разныхъ бумагъ и увезли съ собой. Зачѣмъ и по какому праву это сдѣлано ими, необъяснено; необъяснилось и то, какія были забраны ими бумаги. Домъ отворили, а ключи отъ пустыхъ сундуковъ, пустыхъ шкатулокъ и шкаповъ опекуны взяли къ себѣ. Прошелъ день. Меня перевезли на житье въ въ домъ опекуна Комлишинскаго, гдѣ я полгода бѣдствовалъ такъ ужасно, что принужденъ былъ оставить университетъ и очертя голову бросился въ невѣдуюмую мнѣ ни мало военную службу. Домъ сначала отдали въ наймы, а потомъ продали; садъ тоже перешелъ къ новому владѣльцу. Я забылъ сказать, что Куницкіе уже жили въ своемъ собственномъ домѣ, купленномъ для нихъ отцомъ, незадолго до его болѣзни.

Куда дѣвались бумаги, захваченны опекунами, и что въ нихъ было, я не знаю; но у насъ, (у меня и у сестры) не осталось ни одного листка, написаннаго рукой отца, не осталось никакого документа и ни одного письма, писаннаго къ нему. Слѣдъ существованія этого ученаго человѣка уничтоженъ, и только его сочиненія и переводы, его имя въ спискѣ педагоговъ и слабыя воспоминанія новыхъ служителей науки о немъ, какъ объ ученомъ минувшаго полустолѣтія, свидѣтельствуютъ о Г. П. Успенскомъ. Библіотеку и миндѣ-кабинетъ отца продали враздробь. Движимость и недвижимость его пошли въ чужія, неизвѣстныя руки. У меня отъ всего его имущества остался только портретъ его, очень вѣр-

во снятый. Назади портрета крупно написано печатнымъ шрифтомъ: „Императорскаго Харьковскаго университета заслуженный профессоръ и кавалеръ Гавріилъ Петровичъ Успенскій родился 8-го іюня 1765 году. (Внизу) Картина писана съ натуры въ августѣ мѣсяцѣ 1819 года, рисовальнымъ учителемъ при Орловской Губернской Гимназіи Григорьемъ Ивановымъ Корнѣевымъ“.

Въ тридцатыхъ годахъ, бывши въ Харьковѣ, я поставилъ на гилѣ родителей деревянную колонну съ высѣченною надписью; сверху свѣтился посеребренный шаръ съ крестомъ; могилу оправилъ дерномъ. На другой день уже небыло на памятникъ посеребренного шара и креста. Съ тѣхъ поръ я не видалъ Харькова. Быть можетъ, дожди и вѣтры размыли и разнесли насыпь съ могилы ученаго мужа; быть можетъ, она давно занята другимъ жильдомъ и никому уже не придется увидеть ее и поклониться ей! Оправдываются слова псалмѣвца: „Человѣкъ—таже трава: жизнь его подобна полевому цвѣтку—отцвѣтетъ, развѣется вѣтромъ и никто не отыщетъ его мѣста!“¹⁾

Таковъ былъ въ своей частной жизни Г. П. Успенскій, одинъ изъ наиболѣе выдающихся профессоровъ Харьковскаго Университета. Мы видимъ, что неблагопріятныя условія его семейнаго быта отразились самымъ рѣшительнымъ образомъ на его научной, преподавательской и административной дѣятельности и въ концѣ концовъ привели его къ преждевременной кончинѣ. Вообще можно сказать, что приведенныя воспоминанія рисуютъ намъ образъ одного изъ типичныхъ дѣятелей того времени, вводятъ насъ въ тогдашнюю университетскую жизнь и въ значительной степени восполняютъ наши свѣдѣнія о той эпохѣ. Безъ подобныхъ матеріаловъ мы не имѣли бы яснаго и отчетливаго представленія о дѣятеляхъ тогдашней университетской жизни.

Благопріятный отзывъ о Г. П. Успенскомъ дается и въ одномъ современномъ документѣ, опубликованномъ В. П. Срезневскимъ. „Характеръ сего человѣка, говорится тамъ, былъ неутомимая дѣятельность. По множеству должностей, имъ занимаемыхъ въ одно время, велико казалось, не ожидать опущенія;—и однакоже Успенскій всегда былъ очень въ исполненіи должностей своихъ. Въ обращеніи онъ былъ болѣе, чѣмъ разумно строгъ съ подчиненными и прямо по русски пріятливъ съ равными себѣ. Онъ не былъ гениемъ ни въ какой части наукъ, но во всѣхъ показывалъ здравый умъ“²⁾.

Въ аналогичномъ документѣ находится слѣдующая характеристика И. Е. Срезневскаго. „И. Е. Срезневскій въ обхожденіи былъ съ ва-

¹⁾ Ворон. гуд. мѣл. 1863 г. №№ 30—32.

²⁾ Отчетъ о 45-мъ присужденіи награды графа Уварова С.Пб. 1901, стр. 212.

ностью привѣтливъ, въ разговорахъ убѣждающъ и пріятель, въ чувствахъ и вѣрѣ истинный христіанинъ; образованію юношества посвящалъ себя болѣе по доброй склонности души своей, нежели по долгу; и потому многихъ сдѣлалъ признательными навсегда къ истиннымъ своимъ благодѣяніямъ. Онъ однакожь доказалъ собою истину, превосходно изложенную въ его грамматикѣ критики и рѣчи о различіи дарованія въ людяхъ, что здоровое состояніе тѣла нашего есть необходимое условіе для совершенства душевныхъ талантовъ. Неумѣренныя занятія при самомъ началѣ его образованія посѣяли въ немъ сѣмя болѣзни; неудачная потомъ служба и разныя огорченія въ жизни произрастили это сѣмя до того, что онъ при концѣ жизни своей еще почти въ предѣлахъ мужества не только не могъ управлять ума своего, но и въ самыхъ приверженныхъ къ нему рождалъ горестное желаніе, чтобы разстроенное и изможденное тѣло его освободило отъ тяжкихъ узъ своихъ безсмертный духъ. Онъ скончался въ 1819 г. 12 сентября на 50-мъ году своей жизни; оставилъ послѣ себя жену и троихъ дѣтей, коимъ благодѣтельное правительство опредѣлило въ награду 20 лѣтней службы его безбѣдное состояніе ¹⁾.

Аттестаціи же учебнаго начальства не всегда совпадали съ дѣйствительными заслугами университетскихъ дѣятелей. Едва ли не самую блестящую аттестацію заслужилъ отъ попечителя проф. Пауловичъ—а между тѣмъ въ дѣйствительности это былъ и слабый профессоръ, и слабый ученый, и съ большими слабостями человѣкъ. Попечитель просилъ Министра о назначеніи ему кромѣ полной пенсіи еще денежной награды въ 5000 р. и чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ своемъ представленіи о немъ писалъ: „объ отличномъ служеніи Пауловича неоднократно свидѣтельствовалъ я какъ бывшему Министру Народнаго Просвѣщенія, такъ и Вашему Высокопревосходительству, и предмѣстники мои равномѣрно свидѣтельствовали о томъ же. Рѣдкая и безпримѣрная (?) честность Пауловича извѣстна всѣмъ членамъ университета: онъ пользуется такой же репутаціей и у всѣхъ жителей г. Харькова и всѣми сословіями достойно уважаемъ. Неутомимость, усердіе и дѣятельность въ исправленіи обязанностей въ его преклонныя лѣта всегда были предметомъ удивленія; должность непремѣннаго заสдателя Правленія столь многотрудная съ 1827 года по настоящее время неослабно, честно и благородно имъ была исполняема. Во время службы своей исполнялъ многія постороннія должности безъ всякаго вознагражденія“ ²⁾

¹⁾ Ibidem, стр. 215.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1943, 126.

Сообщая о своемъ представленіи Пауловичу, Попечитель ему писалъ: „мнѣ остается съ прискорбіемъ о потерѣ дня службы столь достойнаго и отличнаго профессора, каковымъ привыкъ признавать Васъ, изъяснить вамъ за достохвальное, отличное и на истинномъ благородствѣ чувствъ основанное служеніе ваше, мою искреннюю благодарность, прося покорнѣйше не забывать того, который навсегда сохранить къ вамъ любовь и уваженіе и который дорого цѣнитъ вашу къ нему приязнь и доброе расположеніе“ ¹⁾

Пауловичъ при отставкѣ получилъ полную пенсію и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

А въ извѣстныхъ намъ воспоминаніяхъ студента—современника г. Н. мы находимъ совсѣмъ иной отзывъ о Пауловичѣ.

„Много забавныхъ анекдотовъ говорится тамъ, сохранилось о Пауловичѣ, о его странностяхъ, тупоуміи и крайней разсѣянности; въ этихъ разсказахъ найдется, конечно, не малая доля вымысловъ, но все они свидѣтельству о томъ, что какъ въ обществѣ, такъ и въ университетскомъ кругу Пауловичъ не пользовался особеннымъ уваженіемъ. По увольненіи своемъ изъ университета онъ продолжалъ службу при Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ въ должности члена Совѣта завѣдывалъ экономическою частью заведенія. Добившись чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Пауловичъ скоро потомъ оставилъ и эту службу. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ отправился онъ за границу, побывалъ въ Парижѣ и Лондонѣ и возвратился оттуда неузнаваемымъ щеголемъ и франтомъ. Его сѣдую голову украсилъ черноволосый завитой парикъ; такіе же черные бакенбарды, искусно прилаженные, стягивали морщины его старческаго лица. Все это, виѣстъ съ костюмомъ, сшитымъ по послѣдней модѣ, вызывало невольную улыбку, а иногда и колкіи остроты надъ неумѣстными желаніями старца преобразиться въ юношу. Съ тѣхъ поръ Пауловичъ сталъ нерѣдко являться во всѣхъ частныхъ и общественныхъ собраніяхъ, и всѣ усилія его направлены были къ тому, чтобы втереться въ высшіе слои общества или въ кругъ такъ называемой мѣстной аристократіи, гдѣ, конечно, встрѣчали и провожали его только язвительными шутками и насмѣшками. Спусти два или три года, Пауловичъ снова собрался путешествовать, но отправился уже не на западъ, а на востокъ, не въ Европу, а въ Азію,—побывалъ въ Египтѣ и Палестинѣ. По возвращеніи оттуда, онъ напечаталъ записки о своемъ путешествіи; но изданіе это представляетъ не болѣе, какъ компиляцію изъ сочиненій другихъ туристов,

¹⁾ Ibidem.

изложенную при томъ тяжелымъ слогомъ, съ фразами и оборотами, несвойственными русскому языку, и весьма не занимательную по своему содержанію. На каждой страницѣ читатель приходитъ къ сознанію, что Пауловичъ говоритъ съ чужихъ словъ, о томъ, чего самъ не изслѣдовалъ и не наблюдалъ съ надлежащею точностью и внимательностью—чего, быть можетъ, даже и не видѣлъ. Изданіе Пауловича о его путешествіи осталось мертвымъ капиталомъ, не только залежавшимся у нашихъ книгопродавцевъ, но быть можетъ, уже и выброшеннымъ ими, по своей мертвечинѣ и затхлости; да едва ли и въ самую пору его появленія, нашелся хоть одинъ читатель, который имѣлъ-бы терпѣніе прочитать его отъ начала до конца“.

„Замѣчанія о Лондонѣ“ (1846 г.), „Замѣчанія объ Италіи“ (1857 г.), „Замѣчанія объ Италіи и объ островахъ Сициліи и Мальтѣ, преимущественно же о Неаполѣ и окрестностяхъ его (1861 г.) составляютъ три объемистыхъ тома, изъ коихъ первый посвященъ Харьк. ген. губ. кн. Долгорукову, второй—Харьк. ген. губ. Кокошкину, третій—Харьковскому дворянству.

У профессора Гулака Артемовскаго *Н.* отмѣчаетъ стремленіе къ ораторскимъ приемамъ и непомѣрное честолюбіе. „Никакихъ ученыхъ трудовъ, говоритъ онъ, профессоръ по себѣ не оставилъ, кромѣ нѣсколькихъ рѣчей, произнесенныхъ имъ при торжественныхъ актахъ и напечатанныхъ въ университетскихъ изданіяхъ. Впрочемъ профессоръ охотно говорилъ рѣчи и при разныхъ другихъ случаяхъ. Я помню одну изъ такихъ рѣчей, которую произнесъ онъ послѣ молебствія, которымъ сопровождалось у насъ ежегодно открытіе новаго учебнаго курса. Рѣчь эта произвела весьма хорошее впечатлѣніе на слушателей. Приведу здѣсь начало или вступленіе, сохранившееся въ моей памяти, чтобы познакомить читателей съ округленною періодическою рѣчью профессора, которую онъ такъ любилъ и которая иногда доходила у него до излишней высокопарности. Вотъ этотъ отрывокъ. „Благородные юноши! Подкрѣпивъ силы наши отдохновеніемъ, мы снова начинаемъ годичное поприще полезныхъ и мирныхъ занятій нашихъ и полагаемъ краеугольнымъ камнемъ ихъ теплыя молитвы къ Тому, безъ благодатной помощи Котораго никакія начинанія человѣческія не увѣнчиваются успѣхомъ. Симъ торжественнымъ дѣйствіемъ зависимости свидѣтельствуемъ мы, съ одной стороны, явное безсиліе нашей природы, съ другой—высокія надежды на благость Небеснаго промысла—надежды, неугасимыя въ душѣ смертнаго и часто претворяющія скудельныя изваянія бранныхъ рукъ человѣческихъ въ адамантовые памятники славы и безсмертія“. Не помню дальнѣйшаго продолженія этой рѣчи, но вся она была написана въ такомъ же складѣ.

Артемовскому много вредила его административная дѣятельность. Какъ человѣкъ до крайности честолюбивый, онъ всю жизнь свою гонялся за почестями, чинами и знаками отличій. Кромѣ университета, онъ состоялъ на службѣ при Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, въ должности члена, заведывающаго учебною частію. Каждый день, и иногда по нѣскольку разъ, посѣщалъ онъ это заведеніе“.

„Профессоръ Дудровичъ, говоритъ Н., заслужилъ общее уваженіе не только своимъ преподаваніемъ, но и своею личностью, отличавшеюся высокимъ нравственнымъ характеромъ. Давно уже овдовѣвъ (едва ли не въ первой молодости) онъ велъ уединенную, почти отшельническую жизнь. Писатели всѣхъ вѣковъ и народовъ были лучшими его друзьями. Рѣдко являлся онъ въ обществѣ, и мы не знаемъ даже, кто изъ профессоровъ принадлежалъ къ числу его ближайшихъ друзей и пріятелей, хотя всѣ они относились къ нему съ особеннымъ уваженіемъ. Андрей Ивановичъ Дудровичъ былъ католикъ; но каждый воскресный день и праздникъ его можно было встрѣтить въ нашей православной церкви, гдѣ съ начала и до конца церковной службы не прекращалась и ни чѣмъ не развлекалась его благоговѣйная молитва. Католики еще не имѣли тогда въ Харьковѣ своей собственной церкви и, сколько мнѣ помнится, польскій ксензъ появился въ нашемъ городѣ весьма не задолго до смерти профес. Дудровича. Сперва онъ отправлялъ богослуженіе въ одномъ изъ частныхъ домовъ, и потомъ для католическаго костела отведено было помѣщеніе въ одномъ изъ университетскихъ зданій, которое занимаютъ теперь музей и кабинеты. Между профессорами и студентами университета было тогда немало католиковъ. Лѣтомъ, въ то время, когда мы готовились уже къ экзамену изъ естественнаго права, разнеслась вѣсть о тяжелой болѣзни профессора Дудровича. Онъ былъ тогда уже ректоромъ университета. Съ каждымъ днемъ положеніе больного дѣлалось все хуже и хуже. При одинокой жизни и недостаткѣ прислуги, нельзя было ожидать, конечно, надлежащаго ухода и присмотра за страдальцемъ, уже непокидавшимъ постели. Ближайшіе знакомые изъ профессоровъ и другихъ лицъ, навѣщавшихъ больного, а можетъ быть и медики, принимавшіе искреннее въ немъ участіе, убѣдили Андрея Ивановича переѣхать въ университетскую клинику. Но и здѣсь онъ не получилъ никакого облегченія; ничто не подавало надежды на его выздоровленіе. Говорили, что у больного сдузилось горло до того, что онъ не могъ принимать никакой пищи и его кормили однимъ только молокомъ. Болѣзнь эту приписывали нѣкоторые пристрастію къ трубкѣ, которую въ прежнее время не выпускалъ онъ въ продолженіи дѣлаго дня. Въ доказательство того, какъ любили сту-

денты своего профессора и ректора и съ какимъ сочувствіемъ относились къ его болѣзни, приведу я замѣчательный фактъ. Когда вѣсть объ опасномъ и почти безнадежномъ положеніи больного разнеслась въ университетскихъ аудиторіяхъ, то вслѣдъ за тѣмъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней, студенты всѣхъ факультетовъ явились въ городской соборъ и просили духовенство отслужить молебствіе о выздоровленіи заболѣваго. Трогательно было видѣть всю эту многочисленную сходку, молившуюся съ неспритворнымъ благоговѣніемъ и усердными коленно-преклоненіями. Сцена эта вызвала слезы у многихъ изъ присутствовавшихъ при богослуженіи. Но Богу не угодно было продлить жизнь страдальца и, спустя нѣсколько дней послѣ того, онъ скончался. Тѣло его было перенесено въ торжественный залъ университета, гдѣ устроенъ былъ католическій алтарь, богато и роскошно украшенный, а затѣмъ, въ день отпѣванія, совершены были заупокойная обѣдня и погребальный обрядъ. Не мало надгробныхъ рѣчей произнесено было надъ прахомъ усопшаго. Тѣло его сопровождали до могилы не только профессора университета и студенты всѣхъ факультетовъ, но и воспитанники всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній г. Харькова. Въ стройной процессіи участвовали также высшіе чины мѣстной администраціи и всѣ сограждане, которымъ усопшій болѣе или менѣе извѣстенъ былъ своею примѣрною жизнію. Впослѣдствіи, иждивеніемъ профессоровъ и студентовъ университета, на его могилѣ воздвигнутъ былъ скромный, но красивый памятникъ.

Придумали и эпитафію, которая подала однакожъ поводъ къ разногласіямъ. Одни предлагали написать: „такъ жилъ, какъ училъ“; а по мнѣнію другихъ, та же самая мысль была бы выражена еще сильнѣе въ надписи: „такъ училъ, какъ жилъ“. Всѣ эти мелочи доказываютъ однакожъ, насколько дорога была для всѣхъ память объ усопшемъ. Не разъ впослѣдствіи посѣщалъ я его могилу на такъ называемомъ нѣмецкомъ кладбищѣ, общемъ для лютеранъ и католиковъ, но признаюсь не помню теперь—та ли, или другая надпись явилась на надгробномъ памятникѣ. Не даромъ распространился я такъ о незабвенномъ профессорѣ своемъ А. И. Дудровичѣ. Онъ принадлежалъ къ числу такихъ преподавателей, въ которыхъ большой недочетъ оказывался тогда въ Харьковскомъ университетѣ.

Въ этой характеристикѣ личность Дудровича несомнѣнно идеализирована. Въ первой главѣ настоящаго труда мы приводили факты, рисующіе Дудровича, какъ профессора—человѣка, съ отрицательной стороны. Будучи ученикомъ Шада, онъ примкнулъ къ новому мистическому направленію, проводившемуся сверху, и сдѣлался покорнымъ

орудіємъ въ рукахъ Каріѣвыхъ. Авторъ приведенныхъ выше воспоминаній не зналъ его съ этой стороны, ибо въ 1828 году, когда онъ вступилъ въ университетъ представителей мистицизма тамъ уже не было. Можно впрочемъ также предполагать, что свою личную жизнь А. И. Дудровичъ устроилъ такъ, что проповѣдь духовнаго начала, религиозно-нравственныхъ идей паходила въ то время у него въ соотвѣтствіи съ нею. Этимъ объясняется и глубокое уваженіе, которое питала къ нему учащаяся молодежь.

Памятникъ, поставленный ему этою молодежью и профессорами на Нѣмецкомъ кладбищѣ, сохранился доселѣ. Онъ представляетъ изъ себя чугунное сооруженіе съ такими же колоннами; въ серединѣ его пустота и тамъ помѣщается чугунная ваза съ короной и инициалами А. Д.

Ясно читаются слѣдующія надписи на памятникѣ на русскомъ языкѣ.

„Воздвигнуть въ 1836 году на мѣстѣ, гдѣ покоятся смертные останки ректора Императорскаго Харьковскаго университета, философіи доктора, умозрительной и опытной философіи профессора, Колежскаго Совѣтника и кавалера Андрея Ивановича Дудровича, родившагося въ 1783 году, предавшаго, по совершеніи въ мірѣ земнаго поприща, духъ въ руцѣ Создателя своего 25 мая 1830 г. Иждивеніемъ его почитателей“.

Затѣмъ ниже: „Жилъ такъ, какъ училъ“.

По бокамъ: „Возжелѣніе премудрости возводитъ къ царству Вѣчному“;

Блаженни умирающіе о Господѣ; да почіютъ отъ трудовъ своихъ; дѣла ихъ ходятъ вслѣдъ съ ними“.

Во всякомъ случаѣ А. И. Дудровичъ выдѣлялся изъ среды другихъ тогдашнихъ профессоровъ нравственнымъ вліяніемъ своей личности на учащуюся молодежь.

Проф. А. Ѳ. Павловскій былъ также выдающеюся въ нравственномъ отношеніи личностью. По словамъ Чирикова „онъ отличался оригинальной прямою и былъ уважаемъ за независимое и рѣзкое, всегда правдивое высказываніе своего мнѣнія. Этотъ чудакъ—философъ, погруженный въ свою математику, будучи назначенъ инспекторомъ студентовъ, не затруднился защитить ихъ отъ преслѣдованій за вольнодумство, въ чемъ и успѣлъ у попечителя Филатѣева; а другой разъ, когда его защита не удалась, отказался отъ инспекторства“¹⁾.

¹⁾ Харьковскій историческій архивъ. Рукописныя замѣтки Г. С. Чирикова о профессорахъ Харьк. университета.

О проф. Блументаль далъ прекрасный отзывъ его ученикъ по Харьковскому университету знаменитый лейбъ-медикъ Ф. С. Цыцуринъ прїѣхавшій въ 1876 г. въ Москву на 50-ти лѣтній юбилей своего бывшаго учителя. Онъ такъ обрисовалъ его характеръ. „А. И. Блументаль былъ превосходнымъ наставникомъ и любимѣйшимъ нашимъ профессоромъ. Отношенія наши къ нему были самыя дружескія. Мы, студенты, почитали его какъ даровитаго профессора, и обожали, какъ гуманнаго и добрѣйшаго человѣка, всегда готоваго помогать намъ во всѣхъ нашихъ нуждахъ и нравственною, и матеріальною поддержкою“ ¹⁾

Добрую память о себѣ оставилъ и проф. Книгинъ. „Императорскій Харьковскій университетъ, говоритъ біографъ его проф. М. А. Поповъ, признавая громадную пользу, которую принесъ ему проф. Книгинъ своимъ трудомъ и преподаваніемъ въ теченіе его службы въ Харьковѣ, благодаря чему многіе изъ его учениковъ впоследствии вышли отличными докторами и профессорами, избралъ его *единогласно* почетнымъ членомъ и по утвержденіи избранія высшимъ начальствомъ въ полномъ присутствіи Совѣта 31 августа 1829 года поднесъ ему на это званіе дипломъ“. То же уваженіе къ нему ярко обнаружилось и на похоровахъ (въ 1830 г.). Надобно было видѣть, говоритъ корреспондентъ „Сѣверной Пчелы“, искреннее участіе въ отданіи послѣдняго долга при погребеніи Книгина, участіе, съ коимъ сопровождали его тѣло до кладбища жители всѣхъ сословій горсда Харькова, чтобы судить, до какой степени любимъ и уважаемъ былъ здѣсь И. Д. Книгинъ. При жизни часто скрываются, по различнымъ обстоятельствамъ, наши чувства даже и къ великимъ людямъ; смерть обнаруживаетъ ихъ—и достойному воздается достойная честь“ ²⁾.

Проф. Ванноти пользовался повидимому общимъ уваженіемъ при жизни, какъ университетскій дѣятель, и это уваженіе нашло себѣ выраженіе въ некрологахъ, вызванныхъ его кончиною. Мы остановимся поэтому подробно на содержаніи этихъ некрологовъ, тѣмъ болѣе что они дадутъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ *общее* понятіе о надгробныхъ рѣчахъ того времени. Конечно, при этомъ необходимо имѣть въ виду, что *laudationes funebres* нерѣдко заключаютъ въ себѣ субъективный элементъ. Проф. Архангельскій напечаталъ „Жизнеописаніе Я. О. Ванноти, гдѣ между прочимъ говоритъ. „Послѣдуя за симъ почтеннымъ мужемъ въ его общественной ученой и домашней жизни, видимъ въ немъ примѣрнаго человѣка. Какъ гражданинъ, онъ свято соблюдалъ

¹⁾ Тоже и тамъ же съ ссылкой на ст. газ. „Новое Время“ 1879 г. № 1075, 25-го февраля.

²⁾ Зап. Имп. Харьк. универ., 1900, 2-я стр. 38—39.

всѣ обязанности къ начальству, къ своимъ сочленамъ и къ низшимъ, руководствуясь во всѣхъ своихъ поступкахъ строгими правилами нравственности, съ отминою ревностью проходилъ онъ званіе свое, не побуждаясь къ тому ожиданіемъ особеннаго возмездія. Ни болѣзненное его состояніе само по себѣ, ни присоединившіяся къ тому убѣжденія страшившейся за жизнь его нѣжной супруги и совѣты его доброжелателей не могли удерживать его стремленія къ исполненію должности, какъ скоро онъ чувствовалъ себя хотя нѣсколько къ тому способнымъ. Такъ онъ съ послѣднимъ напряженіемъ силъ явился въ средѣ ораторовъ въ торжественномъ Собраніи университета ¹⁾. Въ совѣщаніяхъ общественныхъ, сохраняя надлежащее уваженіе и доброе расположеніе къ своимъ сочленамъ, подавалъ мнѣнія, одною справедливостію внушныя, сопровождая ихъ кротостію и человѣколюбіемъ. Языкъ его никогда не изрекалъ жестокаго приговора; изъ устъ его не вылетѣло ни одного слова, обиднаго для чести ближняго; руки его не осквернены принятіемъ несправедливой корысти. Дѣланіе добра другимъ было его утѣхою. Какъ врачъ, помогая другимъ въ болѣзняхъ, являлъ рѣдкое безкорыстіе. Къ сожалѣнію многихъ, собственная его долговременная болѣзнь лишила ихъ столь безопаснаго врачевателя. Въ обращеніи любезная простота и пріятность растворяла бесѣды его; добросердечіе его, сіявшее въ его взорахъ, изливалось со словами изъ устъ его.

Взирая на него какъ на ученаго человѣка, находимъ въ немъ счастливое, столь многожелаемое соединеніе доброты сердца съ превосходствомъ дарованій. Такое соединеніе тѣмъ болѣе драгоцѣнно въ глазахъ нашихъ, чѣмъ чаще случается намъ видѣть блестящія способности, какъ острый мечъ въ рукахъ умоизступленнаго. Обширность его свѣдѣній равнялась съ превосходствомъ его дарованій, не могла положить предѣла его прилежанію къ наукамъ. Что я говорю? Самыя мученія болѣзни не удерживали его отъ ученыхъ занятій: часто глубокая полночь застигала его въ безмолвной съ музами бесѣдѣ; читая какое либо хорошее сочиненіе, удовлетворявшее его просвѣщенному

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ: достойно даже удивленія то, что онъ, имѣвъ и въ здоровомъ состояніи весьма тихій голосъ, взялъ на себя произнести рѣчь въ торжественномъ Собраніи университета, едва имѣя слова къ обыкновенному разговору. Когда онъ по причинѣ болѣзни своей не могъ самъ писать свою рѣчь, то, лежа въ постели, диктовалъ; а за писаря служила ему добродѣтельная его любящая и имъ любимая подруга. Преодоливъ съ неимоверными усиліями всѣ затрудненія со стороны болѣзни при сочиненіи рѣчи, предлежало ему еще затрудненіе со стороны слабости голоса—и онъ нѣсколько дней передъ сказываніемъ рѣчи носилъ на горлѣ иластѣрь. И въ семь успѣлъ такъ, что сверхъ чаянія всѣхъ знавшихъ его произнесъ рѣчь довольно длинную очень явственно и довольно громко, но чего стоило ему такое напряженіе?

вкусу, онъ радовался во страданіяхъ своихъ. Такъ сладостны науки для тѣхъ, которые получили къ нимъ вкусъ. Рано приключившаяся болѣзнь не дала ему времени отличиться искусствомъ врачеванія въ здѣшнемъ краѣ. Но онъ не менѣе того отличался въ леченіи самого себя. Болѣе 9 лѣтъ тому назадъ, какъ одинъ изъ первыхъ здѣшнихъ докторовъ, знавшій его болѣзнь, предсказывалъ ему смерть черезъ два часа; но нашъ страдалецъ, къ удивленію всѣхъ, разными средствами поддерживалъ свою жизнь до сего времени. Къ чести его дарованій и, думаю, благоразумія отнести должно и то, что онъ въ короткое время успѣлъ въ русскомъ языкѣ столько, что могъ имъ правильно говорить и писать, въ чемъ превзошелъ почти всѣхъ здѣшнихъ подобныхъ ему иноземцевъ. Но что всего болѣе возвышаетъ цѣну любознанія и привлекаетъ уваженіе къ великимъ свѣдѣніямъ, то это чистая, не сжигаемая тщеславіемъ любовь къ наукамъ, то это прелестная скромность не терпящая ни малѣйшаго самохвальства, тѣмъ болѣе всемѣрнаго, хотя и со вредомъ чести сверстниковъ сопряженнаго, выставленія своихъ свѣдѣній. Съ такимъ благороднымъ чувствомъ умножилъ и такимъ отличіемъ украсилъ свои званія Ванноти. Принявъ во вниманіе его неискательность славы, долговременную болѣзнь и недостатокъ способовъ, легко простимъ умершему то, что онъ при такихъ дарованіяхъ и свѣдѣніяхъ, немного издалъ въ свѣтъ своихъ сочиненій. Впрочемъ малочисленность ихъ замѣняется великою пользою, какую изъ нихъ извлечь можно... Что касается до изустныхъ его наставленій, то они были совершенно удовлетворительны; методъ его былъ основателенъ и легокъ; изложеніе естественно и ясно; языкъ чистъ и плавенъ.

Такими безцѣнными качествами сердца и ума онъ привлекъ себѣ ото всѣхъ любовь и уваженіе, которыми сопровождали его до самой могилы.

Весьма справедливо замѣчаніе, что дабы узнать человека, каковъ онъ есть по своей природѣ, надобно смотрѣть въ домашней его жизни... Достоинъ уважаемый нами мужъ велъ себя въ обществѣ какъ дома и дома какъ въ обществѣ—вездѣ подобенъ самому себѣ. Добрымъ не казался только, но былъ, супругъ—самый вѣрный, отецъ—до крайности чадолубивый, хозяинъ—благоразумный, господинъ—милостивый.

Смерть его была смерть праведника. Онъ умеръ такъ тихо, что стоявшая подлѣ него супруга, съ нимъ спокойно разговаривавшая, того не примѣтила; умеръ, какъ уснулъ. (2 февраля 1819 г. на 46-мъ году жизни). Нелестное уваженіе къ нему засвидѣтельствовано было при его погребеніи. Члены университета собрались на другой день въ его домъ—тамъ совершенъ былъ надъ нимъ священный обрядъ отходя-

щимъ отъ міра сего. Студенты, движимые одною благодарностію къ наставнику ихъ и благопріемъ своимъ, испросили позволеніе нести тѣло покойнаго на плечахъ до самой могилы—болѣе 2-хъ верстъ. Ни холодъ—необыкновенный въ здѣшнихъ мѣстахъ, ни увѣщанія начальника университета и профессоровъ медицины не могли отклонить ихъ отъ этого усердія; въ однихъ мундирахъ несли они гробъ въ сопровожденіи погребальной колесницы своими руками, и, проливая искреннія слезы сожалѣнія, опустили брѣнные останки покойнаго въ землю. При такомъ усердіи всякая погребальная церемонія, сколь бы ни пышва была, теряетъ цѣну и не стоитъ описанія“.

Приведенное „жизнеописаніе“ отличается, какъ мы видимъ, богатствомъ фактическаго содержанія и рисуетъ намъ типъ профессора, не выдѣлявшагося изъ общаго уровня своей среды въ научномъ отношеніи, но преданнаго своей наукѣ, добросовѣстно относившагося къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ, а главное безупречно честнаго человѣка съ добрымъ сердцемъ и деликатнымъ характеромъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ профессорамъ иностранцамъ, которые усвоили себѣ русскую рѣчь и вошли въ интересы русской общественной жизни. Всѣ повидимому и любили этого кроткаго, мягкаго, больного человѣка—его товарищи и чуткая къ добру молодежь.

Рѣчь при погребеніи говорилъ Филомафитскій и она въ противоположность „жизнеописанію“ мало содержательна, ибо имѣетъ предметомъ своимъ назиданіе. Здѣсь проводится мысль, что въ больномъ, слабомъ тѣлѣ почившаго былъ великій, бодрый духъ. „Болѣзнь истощала физическое бытіе его, кажется, самымъ лютымъ образомъ; но кто видалъ уныніе или скорбь на блѣдномъ лицѣ его? Не сопровождала ли улыбка внутренняго спокойствія голосъ его, едва, едва отъ истощенія силъ слышимый? Былъ ли онъ виновенъ въ опущеніи должности, хотя даже нерѣдко напоминали ему о необходимомъ отдыхѣ? Примѣтенъ ли былъ когда нибудь въ немъ образъ мрачныхъ, всѣмъ недовольныхъ мыслей, необходимый почти у всѣхъ спутникъ болѣзней? Употребилъ ли онъ дарованія ума своего на что нибудь другое, кромѣ образованія юношества, его части вѣрнѣннаго? Въ совѣтахъ вашихъ, подавая голосъ, уклонился ли онъ отъ пути чести и правды?“

Въ заключеніе Филомафитскій высказывалъ желаніе, чтобы правительство обезпечило семью того, „который изъ отдаленныхъ предѣловъ отчизны своей принесъ съ собою дарованія свои въ Россію и во всю жизнь употреблялъ ихъ на образованіе юношества и, можетъ быть, пожертвовалъ первымъ на землѣ благомъ—своимъ здоровьемъ—образованію другихъ“.

Нельзя не порадоваться, что справедливая, безпристрастная оцѣнка заслугъ иностранца нашла себѣ такое яркое и полное выраженіе въ русской профессорской средѣ. Ваниоти былъ уже одинъ изъ немногихъ профессоровъ, вызванныхъ изъ заграницы при основаніи Харьковского университета и оставшихся въ составѣ тогдашней профессорской коллегіи.

Третій некрологъ имѣетъ стихотворную форму и принадлежитъ Райдаровскому. Вотъ его текстъ.

„И съ тобой мы разлучилися,
 Мужъ, достойный вѣчной памяти!
 И съ тобою не увидимся,
 Не разставшись прежде съ міромъ симъ!
 Пусть жестока смерть взяла отъ насъ
 Прахъ твой бранный; но сильна ль она
 Вмѣстѣ съ тѣломъ умертвить твой духъ?
 Солнце правды не вечернѣя!
 Неужели смерть, смерть лютая,
 Перервавши жизни нить его,
 Прекратила и достоинства,
 Украшавшія стезю его
 Въ мірѣ семъ печальномъ, горестномъ?
 Нѣтъ! любитель правды—доблести
 На всегда въ душѣ признательной
 Сохранить воспоминаніе
 О тебѣ, отшедшій въ лучшій свѣтъ!
 Нѣтъ! Друзья тобой любимые
 Не престанутъ изъ юдоли сей
 Возывать къ тебѣ и въ горняя,
 Прославляя твою вѣрность къ нимъ!
 Нѣтъ! товарищи, съ которыми
 Ты служилъ жрецомъ во храмѣ музъ,
 Не забудутъ никогда тебя.
 Чтожъ скажу я о тѣхъ юношахъ,
 Кои, пробудясь на утрѣ,
 Притекутъ, чтобъ спросить тебя
 О своихъ недоумѣніяхъ?
 Притекутъ, но съ сокрушеніемъ
 Узрять, что уста, вѣщавшія,
 Гдѣ сокровище познаній ихъ,
 Не промолвятъ ни полъ слова къ нимъ!

Зри ихъ горестъ ты сердечную
Кромѣ сей душевной дани ихъ
Ничего не принесутъ тебѣ.
Но и симъ ли облегчать они
Скорбь души осиротѣвшія?
Стоятъ супруги, плачъ дѣтей твоихъ
Безпрестанно будетъ имъ твердить:
Кто образовалъ вашъ юный умъ,
Тотъ содѣлалъ васъ несчастными
Преждевременной кончиною¹⁾.

Какъ видимъ отсюда, это чистая проза въ стихахъ, лишенная художественнаго значенія и искренняго чувства.

Въ томъ же 1819-мъ году умеръ другой профессоръ медицинскаго факультета и также иностранецъ по происхожденію Дрейсигъ. И его нравственныя черты, по некрологамъ, выступаютъ въ благопріятномъ свѣтѣ. Онъ скончался отъ нервной горячки (обычная болѣзнь въ тогдашнемъ Харьковѣ), а до того времени пользовался хорошимъ здоровьемъ, велъ умѣренную и нравственную жизнь. „Онъ былъ медикъ и если не снискалъ громкой славы своимъ лѣченіемъ, то приобрѣлъ любовь и незабвенную память своимъ добродушіемъ, безкорыстіемъ. Богатый и бѣдный равно находили въ немъ помощь и утѣшеніе. Нигде, ни полночь, ни самое ненастное время не удерживали его отъ чело-вѣколюбивой должности—посѣщать больныхъ. Если кому не могъ дать врачебной помощи, то усердіемъ и утѣшеніемъ заставлялъ позабывать о болѣзни. Къ сожалѣнію, онъ худо зналъ русскій языкъ—и это можетъ быть было причиною, что въ лѣченіяхъ своихъ не имѣлъ онъ обширной практики. Что-жъ касается до познаній его, какъ профессора медицины, то по признанію его товарищей, университетъ не скоро будетъ имѣть ему равнаго. Погребеніе его сопутствуемо было всѣмъ городомъ, всѣми состояніями, всѣми званіями. Одинъ 80-лѣтній старикъ, не выходившій изъ дому нѣсколько лѣтъ вышелъ проводить тѣло медика, его пользовавшаго, и въ горести истинной желалъ себѣ смерти—лишь бы остался живъ благодѣтель страждущаго отъ тѣлесныхъ недуговъ чело-вѣчества. Всѣ чиновники университета присутствовали при его погребеніи, а медицинскіе студенты не отходили изъ дому его въ продолженіе трехъ послѣднихъ дней его жизни“.

Проф. Архангельскій произнесъ надгробную рѣчь, въ заключеніе которой, обращаясь ко вдовѣ почившаго, сказалъ: „мы всѣ—весь градъ

¹⁾ Украинскій Вѣстникъ 1819 г. февраль, стр. 226—238, 221—228, 217—219.

сей, вся сія страна, раздѣляемъ съ тобою печаль твою; мы въ полной мѣрѣ чувствуемъ, коль ты несчастна! Но да облегчится печаль твоя общемою печалью; да утѣшишься ты искреннимъ о тебѣ сожалѣніемъ. Ты лишилась друга, но усердныя молитвы облагодѣтельствованныхъ имъ низведутъ на тебя благословеніе и покровъ Небеснаго Отца за нѣжную твою супружескую любовь. Онъ умеръ, но память о немъ вѣчно жить будетъ въ благодарныхъ душахъ нашихъ. Отъ рода въ родъ передавать будемъ достопамятное имя его. Посѣщая гробъ его, будемъ напоминать о немъ дѣтямъ нашимъ, скажемъ имъ: здѣсь хранится драгоцѣнный прахъ добродѣтельнаго человѣка, прахъ друга нашего, благодѣтеля нашего, спасителя жизни нашей; оросимъ слезами могилу его—и дѣти наши украсятъ ее цвѣтами. Таковъ пребудетъ памятникъ твой, о мужъ безсмертный!“¹⁾

Въ томъ же 1819 году умерло еще и двое профессоровъ русскаго происхожденія—Каменскій и Гонорскій.

Первый умеръ въ Кіевѣ также отъ нервной горячки. Некрологъ отмѣчаетъ его разнообразную кромѣ профессуры служебную дѣятельность въ университетѣ (былъ секретаремъ Совѣта, инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ, членомъ училищнаго комитета, визитаторомъ и непремѣннымъ засѣдателемъ въ Правленіи). Повидимому это былъ типъ искуснаго практическаго дѣятеля. Таковымъ онъ былъ уже и въ Казани, гдѣ началась и преждевременно прервалась его профессорская служба, соединявшаяся также съ хозяйственною дѣятельностью²⁾. Былъ также членомъ трехъ ученыхъ обществъ. Но въ особенную заслугу некрологъ ставитъ ему воспитаніе его собственныхъ дѣтей: старшая дочь его помѣщала свои произведенія на страницахъ „Украинскаго Вѣстника“, старшій сынъ окончилъ университетъ³⁾. О Раз. Тим. Гонорскомъ въ рѣчи, составленной Борзенковымъ, говорится слѣдующее. Страсть къ наукамъ, въ особенности языкамъ и изящной словесности надрывала его здоровье, но горестъ о потерѣ его усугубляется также тѣмъ, что у него были превосходныя нравственныя качества; любезность характера, скромность въ обращеніи, *уваженіе къ начальству*, нѣжность въ дружбѣ и привязанность къ родственникамъ, однимъ словомъ, чистота души и невинность нравовъ⁴⁾.

Полную противоположность представлялъ Паки де-Совиньи, о которомъ ходило много анекдотовъ у современниковъ и который былъ общимъ посмѣшищемъ у молодежи.

¹⁾ Укр. Вѣстникъ 1819 г., іюль, стр. 97—102.

²⁾ Н. Булича. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго универ. I. К. 1887 г., стр. 146—161.

³⁾ Укр. Вѣст. 1819-й, августъ, 239—240.

⁴⁾ Укр. Вѣстникъ 1819-й годъ, августъ, 240—244.

Ф. О. Рейгардтъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ о немъ слѣдующее. „Было ему лѣтъ подь 60, худощавый, ростомъ 2 арш. 12 вер.; выступалъ прямо, какъ аршинъ проглотилъ, величаво и медленно. Вздумалъ онъ жениться и по публикаціи его въ Парижскихъ газетахъ о желаніи въ соотечественницѣ найти подругу жизни, на вызовъ его прѣзжаетъ алчущая любви много лѣтъ *m-lle Laure*, росту не полныхъ 1½ арш., съ предлиннымъ скорбленнымъ носомъ. Обрядъ вѣнчанія русское духовенство—католическаго еще не было въ Харьковѣ—не соглашалось совершить, но одинъ догадливый батюшка, чтобы не упустить предложенный хорошій кушъ, согласился, поставивъ ихъ въ парѣ, прочитать молебенъ о здравіи его Совиньи и дѣвицы Лавры. Изъ всего молебна они только и поняли нѣсколько разъ повторенныя ихъ имена и были вполне довольны и съ благодарностію приняли поздравленія батюшки и пожеланія имъ добраго здоровья. Любо было видѣть эту вполне другъ другомъ довольную счастливую чету. Трогательно было даже видѣть ихъ торжественно шествующихъ по улицамъ всегда подь ручку; она въ широчайшей соломенной шляпѣ, осѣняющей ея улыбающуюся сладостно фізіономію, вмѣсто мантии окутанную турецкою пестрою шалью, связанною на шеѣ маленькимъ платочкомъ. Она быстро семенила маленькими ножками и подпрыгивала, чтобы поспѣть за журавлинымъ шагомъ своего супруга, съ гордостью выступающаго въ жилетѣ, сшитомъ собственными руками его *chère Laure* изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, въ родѣ старинныхъ одѣялъ, и даже лѣтомъ окутаннаго шерстянымъ шарфомъ, вывязаннымъ несравненной подругой жизни“.

Конечно, во всемъ этомъ не было еще ничего дурного — были только забавныя странности, по всей вѣроятности, преувеличенныя современниками. Можно сомнѣваться, напримѣръ, чтобы Паки де-Совиньи дѣйствительно принялъ молебенъ за вѣнчальный ритуалъ.

Гораздо болѣе серьезное значеніе имѣеть вполне пренебрежительное отношеніе къ нему студентовъ, съумѣвшихъ правильно оцѣнить его вольнодумство.

„Однажды на кафедрѣ онъ, говоритъ Ф. О. Рейгардтъ, рассказывая о своемъ *chère patrie*, вздумалъ доказывать разницу въ опѣнкѣ заслугъ человѣка *En France et en Russie*. Въ послѣдней она, по его мнѣнію, выказывается чинами, а не личнымъ достоинствомъ. *En Russie*, говоритъ онъ, уже по наружному виду, осанкѣ и тону можно догадаться о высокомъ или маломъ чинѣ каждого человѣка. Это свое мнѣніе онъ начинаетъ доказывать такъ: сначала начинаетъ говорить самымъ тихимъ, униженнымъ голосомъ, въ то же время едва поднимая изъ за кафедры голову—это губернский *Secrétaire*. Затѣмъ голосъ нѣсколько

повышается, голова приподнимается—коллежскій *Secrétaire*; титулярный совѣтникъ, коллежскій ассесоръ изображается такъ, что онъ привстаетъ и поднимаетъ на нѣсколько нотъ голосъ, затѣмъ онъ встаетъ, подымаетъ голову, выпрямляется, все повышая голосъ постепенно при статскомъ и дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ; наконецъ, тайный совѣтникъ задираетъ голову совсѣмъ назадъ и произносится названіе этого чина самымъ грубымъ, повелительнымъ голосомъ. Каждый чинъ аккомпанируется подобающе ему миною подобострастія или горделиваго сознанія своего достоинства“. Въ то время въ Россіи дѣйствительно доходило до смѣшного увлеченіе чинами; Паки де-Совиньи могъ осмѣивать это увлеченіе; но онъ это дѣлалъ въ такой шутовской формѣ, которая вызывала смѣхъ не только надъ осмѣиваемымъ имъ явленіемъ, но и надъ нимъ самимъ.

„Одного только не могъ себѣ, до самаго выхода въ отставку, онъ объяснить, говоритъ Ф. О. Рейгардтъ, почему всякій разъ, когда онъ входилъ въ аудиторію, заставлялъ онъ на доскѣ мѣломъ нарисованную свинью съ задравшимъ въ крендель хвостомъ—и благо ему!“ Однажды студентъ объяснилъ ему это, какъ наглядное поясненіе лекціи зоологіи—и онъ удовлетворился этимъ“¹⁾.

У Паки де-Совиньи, по свидѣтельству Н. И. Костомарова, частные уроки имѣли видъ правильно организованнаго беззащѣннаго взяточничества, хорошо извѣстнаго и остальнымъ товарищамъ его по факультету, на которыхъ, такимъ образомъ, ложится тѣнь въ попустительствѣ. „Такъ какъ этотъ наставникъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, по старому обыкновенію своему не преподавалъ никакой науки, а только либеральничалъ въ аудиторіи, то трудно было кому бы то ни было сдавать экзаменъ изъ преподаваемаго имъ предмета. *Заведено было*, что предъ экзаменомъ студенты ходили къ нему на домъ брать „лесоны“ и платили за каждый по красенькой (10 р. асс.); и я отправился къ нему брать лесонъ. Профессоръ даетъ мнѣ свою собственную исторію литературы и заставляетъ меня прѣчитать одну страничку, гдѣ помѣщалась рубрика „*De la litterature francaise Sous Henri IV*“. Я прочелъ и далъ ему красенькую. „*Bien, monsieur; vous aurez optime*“. Но я замѣтилъ ему, что „*optime*“ для меня мало, что для меня нужно „*eminenter*“, потому что если я получу изъ нѣсколькихъ предметовъ *optime* (*optime*—очень хорошо, *eminenter*—превосходно), то мнѣ не дадутъ степени кандидата; я же не надѣялся получить *eminenter* изъ греческаго языка. Профессоръ на это сказалъ: *pour l'eminenter il faut prendre encore une*

¹⁾ Харьковскій Сборникъ, вып. 1-й, стр. 27—28.

leson". Я далъ ему еще одну красненькую. Паки де-Совиньи заставилъ меня прочесть тоже самое, что я только что читалъ, и общалъ поставить *éminentement*; но когда я пришелъ на экзаменъ и былъ вызванъ, Паки де-Совиньи перепуталъ мою фамилію съ фамиліею другого студента и спросилъ меня „*De la littérature française en général*". Я приостановился, а профессора, члены факультета, *знавшіе продолжки француза*, поняли въ чемъ дѣло и начали закрывать себѣ рты отъ смѣха. Студенты, сидѣвшіе на скамьѣ сзади меня, также смѣялись. Наконецъ, постоявши немного молча, я началъ говорить ему задаваемый мнѣ условно урокъ о литературѣ при Генрихѣ IV. Паки де-Совиньи, какъ видно не догадываясь, остановилъ меня и замѣтилъ, что я говорю не то; я не обращая вниманія, продолжаю заученное и въ заключеніе профессоръ хотѣлъ писать мнѣ *optime*, но деканъ факультета, *знавшій все это*, шепнулъ ему на ухо, и французъ только тогда понялъ свою ошибку и записалъ мнѣ *éminentement*, насмѣшивши и профессоровъ и студентовъ¹⁾.

Въ виду предстоявшаго въ Кіевѣ открытія университета Св. Владиміра туда устремились нѣкоторые изъ профессоровъ Харьковскаго университета. Мы знаемъ уже, что въ Кіевъ долженъ былъ перейти Н. И. Еллинскій. Теперь, благодаря письмамъ, адресованнымъ къ состоявшему при попечителѣ Кіевскаго учебнаго округа чиновникомъ Зимовскому, мы узнаемъ подробности о переходѣ туда Даниловича и Цыха. Такъ какъ въ письмахъ этихъ содержатся кое какія данныя о личности названныхъ профессоровъ, то мы въ примѣчаніяхъ воспроизводимъ текстъ ихъ. Здѣсь же только замѣтимъ, что особенно характерны письма экспансивнаго Цыха, который вылился въ нихъ, со страннымъ смѣшеніемъ положительныхъ и отрицательныхъ чертъ. Ему и жалъ разставаться съ Харьковомъ, но здѣсь же онъ прибавляетъ, что жалѣтъ ему приходится только о нѣсколькихъ друзьяхъ, а не о Харьковскомъ обществѣ. Онъ очень заинтересованъ богатствомъ библіотеки Кіевскаго университета, но въ тоже время говоритъ, что готовъ читать свой предметъ, съ какой угодно точки зрѣнія и т. п.²⁾. Любопытно и сознание

¹⁾ Литературное наслѣдіе. Спб., 1890, стр. 25—26.

²⁾ Зимовскому Цыхъ писалъ такъ.

„Я получилъ письмо Ваше, въ которомъ сообщаете мнѣ о желаніи Егора Ѳеодоровича имѣть меня въ числѣ профессоровъ университета Св. Владиміра.—Знаю, что я обязанъ этимъ Вамъ, ибо самому Е. Ѳ. лично я неизвестенъ и никто, кромѣ Васъ, не могъ рекомендовать меня ему. Вы меня чувствительно обязали, и я приношу Вамъ за то искреннюю мою благодарность.—Я отвѣчалъ Егору Ѳеодоровичу, что согласенъ перейти въ университетъ Св. Влад., если Министръ утвердитъ меня при переходѣ моемъ въ званіи экстр.-ординарнаго профессора съ жалованьемъ по нолому уставу, со времени вступленія въ должность. Я бы, конечно, желалъ быть утвержденнымъ прямо

въ ординарные профессора, но коль этого нельзя получить без докторской степени, то я готовъ довольствоваться на первый разъ мѣстомъ экстр. профессора.—Впрочемъ если Егору Федоровичу угодно будетъ ходатайствовать за меня, какъ должно, то Министръ согласится, я думаю, на все. Держать экзаменъ на степень доктора я никакъ не рѣшаюсь; по нынѣшнимъ постановленіямъ это чрезвычайно трудно. Вамъ не предоставляю даже выбора отдѣла науки, какъ при экзаменѣ на степени магистра, а надобно имѣть равныя познанія во всѣхъ наукахъ факультета. Конечно, со временемъ можно приготовиться и къ такому экзамену, но это приготовленіе отвлечетъ меня отъ занятій по моей кафедрѣ. Кажется, что нынѣшній Министръ не слишкомъ строго придерживается этого постановленія; нѣсколько адъюнктовъ и экстр. профессоровъ утверждены въ званіи орд. пр., не имѣя не только докторской степени, но даже никакой ученой;—напримѣръ: Максимовичъ, Погодинъ утверждены въ семь званій за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, только всего магистры; Плетневъ и Шульгинъ не имѣютъ никакой ученой степени, а они опредѣлены въ С.-Петербург. университетъ прямо орд. профессорами; Крыловъ получилъ это званіе будучи только кандидатомъ; могу увѣрить васъ, что мнѣ хотѣлось бы этого званія совсѣмъ не потому, что съ нимъ соединенъ 7 классъ, а единственно для жалованья. Вы меня знаете: я человѣкъ совсѣмъ не честолюбивый, по крайней мѣрѣ рѣшительно не чиновлюбивый, а желалъ бы получать большое жалованье, чтобы не имѣть постороннихъ занятій и посвятить себя совершенно своей кафедрѣ и быть въ состояніи помогать несчастнымъ своимъ родственникамъ. Если бы я имѣлъ все это въ Харьковѣ, то никакъ бы не рѣшилъ оставить его. Впрочемъ послѣдняго условія я не полагаю, какъ выше сего сказалъ, въ числѣ неперемѣнныхъ: мнѣ только нужно мѣсто экстр. ордин. профессора и жалованье по новому уставу; но то необходимо нужно, и безъ сего я никакъ не оставлю Харьк. университета. О характерѣ и личныхъ достоинствахъ почтеннаго Егора Федоровича всѣ отзываются съ самой выгодной стороны! дай Богъ чтобы это было справедливо; въ противномъ случаѣ, напередъ Вамъ скажу, что я не уживусь въ Кіевѣ. Будь начальникъ строгъ и точенъ, сколько ему угодно; требуй отъ меня *благоразумно* все, что только не принадлежитъ къ моей должности—охотно готовъ повиноваться и исполнять его требованія; но если онъ навязываетъ на меня тягостныя какія нибудь постороннія занятія; если онъ обращается со мною унижительно; если онъ разсматриваетъ меня не какъ человѣка,—но какъ выючную скотину, долженствующую исполнять его капризы и прихоти—то этого я перенести не могу; въ такомъ случаѣ я готовъ пожертвовать всѣми своими выгодами, лишь бы только не сносить униженія и не быть пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ другого.—Что дѣлать? Не могу переродиться, передѣлать себя, хотя уже и потерялъ кое что черезъ это. Я предполагаю, что Вы вызываете меня въ Кіевъ для кафедры всеобщей исторіи; другой кафедры занимать постоянно я не желаю; временно могу взяться за лекціи латинской словесности, даже греческой для низшихъ курсовъ; но главное мое занятіе должна быть всеобщ. исторія. Я думаю, что Кіевъ богаче дѣлами, нежели Харьковъ, это необходимо для хорошаго преподаванія всякой науки, а тѣмъ болѣе всеобщей исторіи. Коль скоро Егоръ Федоровичъ доставитъ мнѣ всѣ учебныя пособия для моихъ лекцій, то я буду читать ихъ, какъ ему угодно—по какой угодно системѣ, въ какомъ бы то ни было объемѣ, съ какой хочеть точка зрѣнія; безъ книгъ же не найдетъ онъ во мнѣ хорошаго преподавателя, ибо это невозможно.—Прощайте, почтеннѣйшій, любезнѣйшій Егоръ Яковлевичъ! Извините меня, Бога ради, за глупость, несвязность, неаккуратность и обширность моего письма. Теперь я въ Екатеринославѣ у своего батюшки; дорогою простудился и теперь лежу почти въ постели и голова болитъ ужаснымъ образомъ. Прощайте, желаю Вамъ искренно всего добраго“.

Р. С. Вы не обратили вниманія на В. М. Черняева, профессора ботаники; онъ мастеръ своего дѣла. Нельзя ли я его переманить въ Кіевъ, почтеннѣйшій Егоръ Яковлевичъ! постарайтесь, Бога ради! (1833. 28 дек., Екатеринославъ).

Въ другомъ письмѣ онъ писалъ ему.

„Назадъ тому недѣлю графъ Панинъ получилъ отъ управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія officialную бумагу, въ которой Е. О. сообщаетъ помощнику попечителя, что онъ по представленію Е. О. утвердилъ меня въ званіи экстра-ординарнаго профессора при университетѣ Св. Владиміра. И такъ я не принадлежу болѣе Харьковъ! Позвольте поблагодарить Васъ снова, почтеннѣйшій Егоръ Яковлевичъ, за это мѣсто, ибо я совершенно увѣренъ, что обязанъ симъ первоначально Вамъ: не скажи Вы первый слова за меня Егору Федоровичу, онъ безъ сомнѣнія и не зналъ бы, что я существую на свѣтѣ. Мѣсто въ Кіевѣ, конечно, вдвое выгоднѣе харьковскаго,—я это вижу; однакоже, не смотря на то, больно разставаться съ родиною. Повѣрите ли, что когда мнѣ сказали о переводѣ моемъ въ первый разъ, я никакъ не могъ удержаться отъ слезъ, хотя это было въ присутствіи по крайней мѣрѣ 10 чел., а плакать въ наши лѣта не стыдно только наединѣ.—Впрочемъ скажу Вамъ откровенно, что мнѣ жаль разстаться не съ обществомъ харьковскимъ, котораго я не люблю и не почитаю (чтобъ не сказать слишкомъ оскорбительнаго на счетъ его), а съ нѣсколькими пріятелями, кои истинно для меня дороги! Не смотря на всѣ мои усилія перетянуть хоть одного или двухъ изъ нихъ въ Кіевъ, они никакъ не рѣшаются оставить Харьковъ—это разумѣется въ особенности о нашемъ добромъ, любезномъ Михаилѣ Ивановичѣ. Кромѣ его, у меня найдется здѣсь еще 2 или 3 добрыхъ пріятелей и я не могу привыкнуть къ мысли, что долженъ оставить ихъ.—Горе человѣку не семейному, когда онъ сколько нибудь чувствителенъ; семейному—другое дѣло: для него весь его психологическій, такъ сказать, міръ заключается въ его семействѣ,—и онъ равнодушно переѣдетъ изъ Харькова въ Иркутскъ, и изъ Иркутска въ Парижъ, лишь бы не разлучали его съ семьею. Что дѣлать? Я перехожу въ Кіевъ по расчетамъ разсудка, ибо не нахожу никакихъ выгодъ продолжать службу въ Харьковѣ и даже не вижу возможности жить приличнымъ образомъ, не измѣнивъ своимъ правиламъ. У кого снисходительная совѣсть или даже вовсе нѣтъ ея, тому и здѣсь хорошо и тепло.—Вы, конечно, не почтете, любезнѣйшій Егоръ Яковлевичъ, съ моей стороны хвастовствомъ, если скажу Вамъ, что за исключеніемъ десятка привилегированныхъ поддочковъ, по ремеслу, рыцарей подлости и шельмовства, всѣ служащіе, учащіеся въ университетѣ или имѣющіе какое нибудь къ нему отношеніе жалуютъ и очень жалуютъ о томъ, что я оставилъ Харьковъ. Никого не поразило это столько, какъ графа Панина. Объявляя мнѣ о семъ, онъ сказалъ: Боже мой, какъ я несчастливъ, что въ мое время Ник. Ив. и вы оставляете университетъ. Что дѣлать—отвѣчалъ я ему, рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше. Теперь жалуютъ, а прежде никто не подумалъ о томъ, чтобы доставить мнѣ какія нибудь выгоды.—Увѣдомьте меня, почтеннѣйшій Егоръ Яковлевичъ, къ какому времени именно долженъ я пріѣхать въ Кіевъ и когда начнутся лекціи въ университетѣ, равно какъ и о томъ: тотчасъ ли по пріѣздѣ моемъ буду получать и жалованье, хотя еще курсы и не начнутся, или съ начала лекцій. Пожелаю Вамъ всего добраго имѣю честь быть Вашимъ преданнымъ и покорнѣйшимъ слугою“.

Р. С. Увѣдомьте еще: какой мундиръ Кіевскаго университета; вмѣстѣ съ симъ пишу Е. О.

Даниловича, что ему пріятнѣе было бы жить съ русскими, чѣмъ съ поляками ¹⁾).

¹⁾ Попечитель велъ переговоры съ Даниловичемъ при посредствѣ Зимовскаго, который повидимому былъ слушателемъ его по Харьковскому университету. Въ отвѣтъ на сдѣланное ему отъ имени попечителя Зимовскимъ предложеніе Даниловичъ писалъ. „Чувствительно намъ благодаренъ за хорошее ко мнѣ расположеніе. Испытывалъ давно, сколь пріятно наставнику умѣть снискать дружбу своихъ благорасположенныхъ слушателей, нынѣ радуюсь сугубо, что и въ Харьковѣ подтверждается сіе столь лестное для меня убѣжденіе. Вамъ я безъ сомнѣнія долженъ благосклоннымъ ко мнѣ расположеніемъ Е. П. попечителя Кіевского учебнаго округа.

По здоровому Кіевскому климату, удобства сего мѣста для ученыхъ сообщеній, а преимущественнѣе по внутреннему моему убѣженію и вашему увѣренію, что служба съ попечителемъ есть бремя легкое и пріятное, я охотно соглашаюсь принять на себя прежнее званіе профессора правовѣдѣнія, ни малѣйше не сомнѣваюсь, что всѣ дальнѣйшія предположенія увѣнчаны будутъ желаемымъ успѣхомъ.

Обласканный столь славнымъ моимъ нынѣшнимъ начальствомъ, какъ-то Е. П. Сперанскимъ, М. А. Балугіанскимъ, пользуясь ласковымъ расположеніемъ Министра Народнаго Просвѣщенія и Товарища Министра Юстиціи гр. Панина, могъ бы я получить хорошее мѣсто въ столицѣ, еслибъ не утруждалъ меня климатъ и не прельщала къ казендрѣ старая привычка, а выстѣ съ нею желаніе окончить начатыя ученыя работы, съ которыми разстаться трудно. Возложенное на меня правительствомъ дѣло окончится рѣшительно въ истеченіи года, но могутъ уволить меня и скорѣе, по мѣрѣ надобности.

Испуганный деканскою должностію, которая навлекла на меня въ Харьковѣ столько непріятныхъ отношеній, гораздо охотнѣе принялъ бы я библіотечарскую должность, исправляемую въ Харьковѣ, и хранителя минцъ-кабинета, буде сіе возможно и сопряжено съ какимъ либо вознагражденіемъ.

Не худо было бы намекнуть съ вашей стороны попечителю объ употребленіи зависящихъ мѣръ къ полученію изъ Императорской публичной библіотеки дуплетовъ, коими она, по новымъ пріобрѣтеніямъ изъ Царства Польскаго, весьма обременена. По моему убѣженію, сіе не было бы трудно, а я въ качествѣ библіотекаря Харьковскаго, охотно посвятилъ бы мои услуги къ облегченію сего отдѣленія дуплетныхъ книгъ, что не очень легко, какъ я уже испыталъ, отдѣляя дуплеты для Финляндскаго университета.

Значительное число моихъ соотчичей въ Кіевѣ болѣе меня обзадачиваетъ, чѣмъ прельщаетъ; поляку гораздо удобнѣе жить между русскими, ибо между своими, при всей осторожности, можно попасть въ странныя подозрѣнія, навлекающія пропасть непріятностей.

Надѣясь, что вы не оставите и дальнѣйшаго ходатайства за меня у Е. П. при первомъ случаѣ, покорнѣйше прошу доставить мои подробнѣйшія свѣдѣнія, касающіяся Кіева и Лицея.

Если лицей поставленъ будетъ на степени высшаго училища, то не худо было бы предложить мѣсто профессора естественной исторіи Ивану Андреевичу Криницкому, экстраординарному профессору въ Харьковѣ, знаетъ его Николай Ивановичъ Еллинскій и Фишеръ изъ Москвы, ибо какъ кажется, г. Беккеръ не захочетъ переселяться въ Кіевъ“.

А вотъ что писалъ Даниловичъ попечителю: „какъ изъ письма Вашего Превосходительства къ Мих. Мих. Сперанскому, такъ съ отношенія къ нему же Министра

Проф. Т. Θ. Степановъ также хотѣлъ перейти въ Кіевскій университетъ и велъ по этому поводу переписку съ Зимовскимъ и попечителемъ. Побуждало его къ этому повидимому главнымъ образомъ желаніе получить ординатуру въ Харьковѣ; въ это время онъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ. Но въ тоже самое время онъ просилъ Харьковскаго попечителя Филатьева ходатайствовать въ Петербургѣ о предоставленіи ему должности ординарнаго профессора въ Харьковскомъ университетѣ. Ни то, ни другое желаніе Т. Θ. Степанова не осуществились: препятствіемъ къ переводу его въ Кіевъ послужило отсутствіе въ Кіевскомъ университетѣ кафедры политической экономіи, а на представленіи Филатьева Министръ начерталъ: еще рано; повременить до слѣдующаго года ¹⁾.

Народнаго Просвѣщенія, равноѣрно съ благосклонныхъ отзывовъ другихъ лицъ узналъ я всѣмъ, предпринятія касательно перемѣненія моего въ Кіевъ.

Толькое благодареніе преисполняетъ меня чувствомъ живѣйшей благодарности, которую изъяснять на всякомъ шагѣ моихъ дѣйствій, стремящихся къ пользѣ предстоящаго мнѣ поприща, будетъ свѣтлѣйшею моею жизнью обязанностію. Не тщеславіе ниже корыстолюбіе, а 20 лѣтній навыкъ къ учительскимъ занятіямъ, съ которыми разстаться трудно и, можно сказать, какое то предназначеніе побуждало меня предложить мои услуги Владимірскому университету. Коль скоро желаніе сіе съ помощью Всевышняго сбудется, не стану щадить всѣхъ съ моей стороны усилій, какъ для оправданія столь лестнаго обо мнѣ мнѣнія Вашего Превосходительства, такъ для пользы вновь учреждающагося заведенія. Не трудно отгадать счастливую будущность, славу и процвѣтаніе Высокомонаршими щедротами воздвигнутаго Владимірскаго университета, коль скоро всѣ оного попечители, будучи одушевлены Вашимъ Превосходительствомъ рвеніемъ и дѣятельностію, станутъ пешихъ о его благодѣ, о замѣщеніи кафедръ опытными наставниками, преимущественно же отъ умноженія его учебныхъ пособій. (6 августа 1833 г., Петербургъ).

Въ письмѣ Даниловича къ попечителю Кіевскаго учебнаго округа фонъ Брадде отъ 6-го ноября 1833 года Даниловичъ писалъ. „Данное В. П. порученіе г. Зимовскому узнать мое согласіе на предложеніе службы по званію профессора правовѣдѣнія въ Кіевскомъ лицей, преисполняетъ меня чувствительнѣйшей благодарностію за столь лестное и неожиданное ко мнѣ расположеніе. Зналъ по общему голосу, сколь служба подъ начальствомъ В. П. есть бремя легкое и пріятное и сверхъ того *привлекательный хорошии климатомъ и удобностию Кіева для ученыхъ сообщеній*, не могу не согласиться на предложеніе“. (Рук. отдѣл. Харьк. ист. фил. общ.).

¹⁾ Узнавъ, что Цыхъ переводится въ Кіевъ экстраординарнымъ, Т. Θ. Степановъ замѣчаетъ: „Боже мой! Какое счастье одному и другому. Цыхъ только что сдѣлалъ магистромъ, а вдругъ экстраординарный профессоръ. Я уже лѣтъ десять какъ магистръ, два года какъ экстраординарный профессоръ, когда я такъ много трудился, когда даже сдѣлался извѣстнымъ по своимъ трудамъ и публикаціямъ. Но обука плечью не перешибешь. Извѣстите, что если я поѣду къ вамъ въ званіи экстраординарнаго профессора, то буду ли имѣть особенную кафедру или на своей шеѣ буду имѣть ординарнаго?“. Въ другомъ письмѣ Т. Θ. Степановъ говоритъ такъ: „Очень радъ, что Владиміръ Францовичъ (Цыхъ) получилъ должную цѣну своихъ трудовъ и познаній.“

Въ общемъ повидимому нравственный уровень профессорской коллегіи понизился сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ. Сильное же вліяніе на это оказали тѣ стѣсненія академической свободы, о которыхъ мы подробно говорили въ 1-й главѣ настоящаго сочиненія. Тамъ же представлены были и факты, рисующіе печальное положеніе лицъ, стремившихся отстаивать эту свободу, и указывавшіе на личные интересы, лежавшіе въ основѣ дѣйствій людей, приспособившихся къ новымъ теченіямъ.

Столкновенія, ссоры и пререканія, къ сожалѣнію, имѣли мѣсто и въ изучаемый нами періодъ времени. Представимъ фактическія данныя о нѣкоторыхъ болѣе характерныхъ случаяхъ. Въ 1819 г. произошло столкновеніе у проф. Ланга съ правленіемъ университета. Самъ онъ видѣлъ причину его въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ нему тогдашнихъ членовъ правленія съ ректоромъ Осиповскимъ во главѣ. Но едва ли не вѣрнѣе будетъ искать ее въ борьбѣ, которая велась тогда между профессорами русскаго происхожденія и иностранцами. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Проф. Лангу нужно было поѣхать въ Петербургъ—и онъ испросилъ себя у совѣта 28-дневный отпускъ, который былъ ему предоставленъ всеми членами, за исключеніемъ двухъ—Каменскаго и Дрейсига, изъ коихъ послѣдній соглашался на него условно—если не восприимчивостію дѣловыя обязательства Ланга. Журналъ совѣтскаго постановленія былъ подписанъ въ слѣдующемъ засѣданіи, при чемъ Лангъ указалъ на день предположеннаго имъ отъѣзда, къ каковому правленіе должно было изготovitъ ему отпускъ. Однако это послѣднее затормозило выдачу отпуска на двухъ основаніяхъ: во 1-хъ, потому что, къ Лангу предъявлены были новые иски объ его долговыхъ обязательствахъ и во 2-хъ потому, что присутствіе его оказывалось необходимымъ по дѣлу директора училищъ Харьковской губерніи барона Эйбена (о безпорядкахъ и растратѣ суммъ). Не приводя въ исполненіе постановленія совѣта о выдачѣ отпуска, правленіе обратилось за разъясненіемъ двухъ указанныхъ выше обстоятельствъ къ прибывшему тогда въ Харьковъ попечителю, который отказалъ въ отпускѣ Лангу въ виду того, что его присутствіе было необходимо въ Харьковѣ для дачи показаній о баронѣ Эйбенѣ. Конечно, попечитель зналъ, что таково было желаніе правленія.

Я увѣренъ, что ему у васъ будетъ лучше. Впрочемъ и нашъ университетъ порадованъ графомъ Головкинымъ, умнымъ, образованнымъ, добрымъ попечителемъ. Но какія дальнѣйшія будутъ послѣдствія—Богъ знаетъ. Вашъ университетъ только что начинаетъ возражаться, а нашъ уже измокъ подъ дождемъ тысячъ непріятностей". (Рукописное отдѣленіе Харьковскаго историко-филологическаго общества).

Однако Лангъ, не получая въ назначенный ему срокъ отпуска отъ правленія, не зная, что это послѣднее передало его дѣло на разсмотрѣніе попечителю и полагая, что оно просто тормозить его изъ нерасположенія къ нему его членовъ—Осиповскаго, Клингина и Успенскаго, уѣхалъ въ Петербургъ безъ отпускнаго билета и передъ выѣздомъ написалъ жалобу на дѣйствія правленія въ совѣтъ. Въ этой жалобѣ онъ особенно подчеркивалъ то обстоятельство, что правленіе поступило незаконно, замедливъ съ приведеніемъ въ исполненіе совѣтскаго постановленія, ибо оно является только исполнительнымъ органомъ совѣта, и ему не принадлежитъ право произвольно измѣнять рѣшенія совѣта или противодѣйствовать ихъ исполненію; такъ какъ отпускъ былъ разрѣшенъ мнѣ, писалъ Лангъ, на законномъ основаніи и присутственнымъ мѣстомъ, закономъ установленнымъ, а отказъ правленія я считалъ незаконнымъ, то и рѣшилъ отправиться въ путь подъ защитою Божіею безъ всякаго увольнительнаго свидѣтельства; но такъ какъ меня въ качествѣ безпаспортнаго могутъ остановить въ пути и препроводить подъ карауломъ, какъ подозрительнаго человѣка въ Петербургъ или Харьковъ, то отвѣтственность за весь вредъ, который я могу претерпѣть, я возлагаю всецѣло на членовъ правленія.

Правленіе въ своемъ отвѣтѣ на эту жалобу ссылалось, во 1-хъ, на то, что рѣшеніе совѣта не было единогласно, во 2-хъ, на новыя долговыя обязательства Ланга разнымъ лицамъ и въ 3-хъ на необходимость его присутствія въ Харьковѣ для разъясненій по дѣлу Эйбена. Первый мотивъ нельзя признать состоятельнымъ, потому что дѣла въ совѣтѣ рѣшались по большинству голосовъ; второй мотивъ также не особенно убѣдителенъ, потому что членамъ правленія, присутствовавшимъ въ засѣданіи совѣта, было извѣстно о старыхъ долговыхъ обязательствахъ Ланга; наконецъ, едва ли справедливо было удерживать Ланга отъ необходимой для него, очевидно, поѣздки и по третьей причинѣ, ибо онъ скоро долженъ былъ вернуться, а слѣдствіе по дѣлу Эйбена не могло окончиться такъ быстро. Между тѣмъ правленіе и сообщило о самовольной отлучкѣ и долговыхъ обязательствахъ Ланга губернатору, и сдѣлало распоряженіе о невыдачѣ ему жалованья; однимъ словомъ, дѣйствовало повидимому не вполне безпристрастно и старалось раздуть проступокъ Ланга. Но Лангъ все таки, кажется, не заплатилъ за свой неосмотрительный образъ дѣйствій: черезъ 2 мѣсяца онъ вернулся благополучно въ Харьковъ и изъ дѣла не видно, чтобы онъ понесъ наказаніе за свою самовольную отлучку ¹⁾.

¹⁾ Харьк. Унив. архивъ. Дѣло правл. 1819 № 1461/71.

О взаимныхъ столкновеніяхъ профессоровъ другъ съ другомъ и о проискахъ ихъ у мѣстнаго учебнаго начальства говоритъ въ своей автобіографіи проф. Т. Ѳ. Степановъ.

„Пріѣхавъ въ Харьковъ, я встрѣченъ былъ съ чрезвычайной лаской попечителемъ, бывшимъ уже тамъ, и разными профессорами, даже Кронебергомъ, Пауловичемъ и Артемовскимъ-Гулакомъ. Ректоръ Еллинскій былъ со мной очень хорошъ, но онъ вскорѣ по неудовольствію съ попечителемъ, отказался отъ университета, и мѣсто его заступилъ опять Кронебергъ. Кронебергъ заискивалъ моего близкаго знакомства, потому вдругъ не знаю почему переѣхалъ ко мнѣ и сдѣлался моимъ врагомъ. Филатьевъ представилъ меня черезъ годъ въ орд. профессора, но не было успѣха. Вскорѣ онъ поступилъ въ сенаторы, попечителемъ былъ назначенъ вельможа—графъ Головкинъ. Съ нимъ пріѣхалъ чиновникъ по особымъ порученіямъ де-Роберти, бывший нѣкогда ученикомъ моимъ въ пансіонѣ своего отца, знакомый со мною по Петербургу, онъ меня весьма любилъ и уважалъ, отрекомендовалъ меня наилучшимъ образомъ графу, такъ что я это замѣтилъ при самомъ его пріѣздѣ. Кронебергъ хотѣлъ было уронить меня въ глазахъ графа, выставивъ будто я преподаю вмѣсто дипломатики, такъ названную въ прежнемъ Университетскомъ Уставѣ, дипломатію,—но онъ не имѣлъ объ этомъ достаточнаго понятія и тѣмъ показалъ только себя передъ графомъ съ дурной стороны.—Спустя годъ по представленію графа, вслѣдствіе представленія совѣта Университета, я получилъ званіе ординар. профессора. Графъ учредилъ временную комиссію для обрѣзизованія и рѣшенія старыхъ дѣлъ, сдѣлалъ меня членомъ ея вмѣстѣ съ двумя профессорами.—Въ это то время я только увидѣлъ въ себѣ способность и притомъ отличную къ гражданскимъ дѣламъ, способность, убитую во мнѣ въ Петербургѣ завистью и злостью Фомина. Я былъ ревностнымъ дѣятелемъ комиссіи и два важныхъ дѣла, запущенныхъ въ университетѣ, за которыя никто изъ профессоровъ не смѣлъ уже приняться, были наиболѣе рѣшены мною. Это стоило, можетъ быть, мнѣ части здоровья. Рѣшеніе сдѣлано было превосходно, министерство и Сенатъ вполне согласились съ нимъ. Три года продолжалась комиссія. Графъ видѣлъ ея трудъ, успѣхи. Онъ представилъ меня къ ордену Станислава на шею, но было отказано мнѣ по неимѣнію пряжки за безпорочную службу. Я получилъ только 1500 р. Но строго говоря, эта награда была ничтожна. Между тѣмъ я замѣшался въ большую распрю съ Кронебергомъ и частью съ другими профессорами, его поддерживавшими. Я былъ совершенно невиненъ въ дѣлѣ противу нихъ. Я могъ бы много повредить ему, но и старался отклонить только отъ себя бѣду, но никогда не имѣлъ намѣ-

ренія вредить ему, даже отклонилъ по одному дѣлу отъ него очень дурныя слѣдствія. Но кажется, онъ этому не довѣрялъ,—потерялъ мѣсто ректора, и навлекъ на себя сильное нерасположеніе графа—черезъ тайныя дѣйствія Артемовскаго-Гулака, съ коимъ также онъ былъ вѣчно въ несогласіи. Еслибы Кронебергъ продолжалъ со мною согласіе, съ перваго разу начатое, онъ могъ бы выиграть много. Полагаю, что главная причина ненависти его ко мнѣ была зависть его къ чрезвычайной репутаціи, которой я пользовался между студентами и въ публикѣ. Эта же причина возбудила противу меня и Артемовскаго-Гулака“.

Рѣшеніе дѣлъ о столкновеніяхъ, происходившихъ въ университетской средѣ, выпадало на долю правленія.

Характеренъ одинъ случай, когда помощникъ попечителя гр. Панинъ въ 1834 г. рѣзко разошелся въ мнѣніи съ правленіемъ и поставилъ вопросъ о чести университета, которая постановленіемъ правленія, по его мнѣнію, могла быть нарушена. Извѣстный ставленникъ попечителя Филатьева лекторъ Гренбергъ имѣлъ большіе долги, на уплату которыхъ положено было производить вычеты изъ его жалованья. И эти вычеты оказались столь значительны, что Гренбергу оставалась сумма, совершенно недостаточная на прожитіе. Тогда онъ возбудилъ ходатайство передъ правленіемъ о томъ, чтобы на жизнь ему оставляли половину жалованья (500 р.) и всѣ квартирныя (200 р.)—и правленіе предлагало уважить его просьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ передать всѣ дѣла о взысканіяхъ съ него въ гражданское вѣдомство. Гр. Панинъ положилъ на это слѣдующую резолюцію.

„Мнѣніе правленія не можетъ быть принято мною, потому что честь университета подверглась бы нареканію отъ моего согласія, и на просьбу Гренберга я такъ же не могу согласиться, потому что она противна закону“ ¹⁾. Если принять во вниманіе, что Гренбергу оставалось на жизнь всего 23 р. съ коп. въ мѣсяць—сумма совершенно недостаточная—то едва ли можно было посылать по адресу правленія столь рѣзкій упрекъ.

Къ этому нужно присоединить, что вообще обязанность разсматривать по существу частныя дѣла лицъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ университета, была очень непріятна и затруднительна для правленія. Въ 1815 году, на примѣръ, ему пришлось разрѣшать чисто семейныя и имущественныя неурядицы и дразги между учителемъ танцевальнаго искусства Штейномъ и его супругой, гдѣ они обвиняли другъ друга въ нанесеніи побоевъ, оскорбленіяхъ и т. п. Дѣло это окончилось примире-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ, Д. пом. № 1944/126.

ніемъ супруговъ, рѣшившихся жить отдѣльно по несходству характеровъ ¹⁾.

Другой разъ не только правленію, но и совѣту пришлось разсматривать дѣло о столкновеніи того же Штейна со ст. сов. помѣщицей Зайковской, обвинявшей его въ обидѣ словами. Изъ дѣла выяснилось однако, что обиды словами были взаимныя—и совѣтъ постановилъ дѣло прекратить ²⁾.

Приходилось правленію разсматривать 2 непріятныя денежныя дѣла, возбужденныя противъ профессора Нельдехена помѣщикомъ Екатеринославской губ. Новомосковского уѣзда Никономъ Андреевымъ и Ахтыр-скаго уѣзда Харьковской губ. Бразолемъ за то, что онъ взялъ авансомъ у перваго 1000 р., а у втораго 2000 р. на устройство винокуренныхъ заводовъ, ввелъ ихъ въ убытокъ и ничего не сдѣлалъ. Дѣло, по объясненію потерпѣвшихъ, имѣло видъ какъ бы обмана со стороны Нельдехена, ибо онъ выдавалъ себя за знатока дѣла и принималъ обязательство устроить такой заводъ, въ которомъ каждая 8-пудовая четверть пшеничной или ржаной муки могла бы дать 6 ведеръ лучшаго крѣпкаго вина; въ дѣйствительности же заводъ сталъ давать 2½ ведра слабаго вина ³⁾.

Но только что приведенныя факты, рисующіе столкновенія университетскихъ дѣятелей съ мѣстною средой, являются исключительными. Вообще же говоря, университетъ продолжалъ благотворнымъ образомъ воздѣйствовать на мѣстную среду, на мѣстное общество, на городъ Харьковъ и на весь край. Это вліяніе прежде всего, выражалось, конечно, въ томъ, что изъ университета выходили лица, получившія должную спеціальную подготовку по одной изъ четырехъ факультетскихъ группъ-наукъ — историко-филологи, физико-математики, юристы и врачи и занимали потомъ соотвѣтственныя должности въ краѣ и городѣ. Кромѣ того университетъ давалъ и общеобразовательную подготовку и, слѣдовательно, способствовалъ подъему умственнаго развитія общества, а это имѣло огромное вліяніе на подъемъ культуры въ краѣ. Существованіе университета въ Харьковѣ ставило въ особенно благоприятное положеніе по отношенію къ полученію высшаго образованія населеніе этого города и всего тяготѣвшаго къ нему района. А это было очень важно, если, какъ мы знаемъ, приходилось доказывать пользу высшаго образованія. Сознаніе важности и необходимости этого дѣла было слабо развито въ обществѣ, и если бы въ Харьковѣ не было

¹⁾ Ib. Д. правл. № 1050/47.

²⁾ Ib. Д. сов. 1818 г. № 18.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. пр. № 1211/57.

университета, то весьма незначительный процентъ молодыхъ людей, въ немъ обучавшихся, поѣхали бы учиться въ Москву или другой какой либо еще болѣе отдаленный пунктъ, въ особенности если принять во вниманіе тогдашніе трудные пути сообщенія. При господствовавшемъ тогда натуральномъ хозяйствѣ помѣщиковъ, доставлявшихъ весьма значительный процентъ учащейся молодежи въ университеты, и при дороговизнѣ денегъ, вопросъ о содержаніи студентовъ въ отдаленныхъ мѣстахъ имѣлъ немаловажное значеніе. Харьковъ же и безъ того являлся притягательнымъ центромъ благодаря своимъ ярмаркамъ. Теперь онъ превращается въ центръ высшаго образованія, науки, литературы, искусствъ и вообще культуры. Нахожденіе въ немъ университета увеличивало вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальное благосостояніе города и горожанъ. На содержаніе университета по штату отпускалась весьма значительная по тому времени сумма въ 130000 рублей, которая почти цѣликомъ оставалась въ Харьковѣ. Къ ней нужно присоединить хозяйственные, экономическія суммы, частныя, дополнительные доходы профессоровъ, стоимость содержанія своекоштныхъ студентовъ. Къ учащимся пріѣзжали ихъ родители, родственники, знакомые, дѣлали закупки, посѣщали театръ, концерты и т. п. Другіе пріѣзжали лѣчиться къ тогдашнимъ профессорамъ-медикамъ. Наконецъ, къ университету, а слѣдовательно, и къ Харькову тяготѣла масса преподавательскаго персонала всѣхъ учебныхъ заведеній огромнаго Харьковскаго учебнаго округа, непосредственно подчиненная университету и потому навѣдывавшаяся подчасъ и въ Харьковъ. Въ Харьковѣ, благодаря университету, развилась теперь журнальная дѣятельность, дававшая также нѣкоторый заработокъ — редакторамъ и типографамъ. Однимъ словомъ, значеніе университета для города Харькова и края было весьма велико и въ отношеніи научнообразовательномъ, и въ отношеніи экономическомъ.

Наконецъ, университетъ не остался равнодушнымъ и къ вопросу объ улучшеніи ужасныхъ санитарно-гигіеническихъ условій харьковской жизни.

Можно даже сказать, что вопросъ о санитарно-гигіеническихъ неудобствахъ г. Харькова по прежнему служилъ предметомъ особеннаго вниманія университета, который настойчиво указывалъ на нихъ и энергично хлопоталъ объ ихъ устраненіи передъ высшимъ начальствомъ. Такимъ образомъ, Харьковъ несомнѣнно былъ обязанъ нѣкоторымъ улучшеніемъ естественныхъ неблагопріятныхъ условій своего гигиеническаго состоянія Харьковскому университету. Послѣдній въ лицѣ своего медицинскаго факультета и его преподавателей выдвинулъ

на борьбу съ этими условіями цѣлое учрежденіе, обладавшее спеціальными знаніями въ этой области и высокимъ авторитетомъ въ глазахъ мѣстнаго общества, мѣстной администраціи и центральной власти. Хотя университету не удалось добиться всѣхъ предлагаемыхъ имъ улучшеній, но и его попытки все таки приносили свою долю пользы, потому что нарушали мирный сонъ обывателей, сжившихся съ санитарнымъ неблагоустройствомъ своего города и не считавшихъ его вреднымъ для здоровья и жизни. Въ 1827 году попечитель учебнаго округа Перовскій вошелъ съ представленіемъ отъ имени университета къ Министру Народнаго Просвѣщенія „о мѣстныхъ неудобствахъ города Харькова, приносящихъ много вреда университету“—и Министръ Народнаго Просвѣщенія съ своей стороны просилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы ходатайство университета, если возможно, было уважено. Ходатайство же это заключало въ себѣ рядъ пунктовъ. Университетъ просилъ, 1) уничтожить мельничную плотину, находившуюся въ самомъ городѣ на рѣчкѣ Харьковѣ, ибо тогда рѣчка эта, получивъ теченіе, сможетъ доставлять городу порядочную воду; 2) для уничтоженія чрезвычайной грязи на городскихъ улицахъ предписать мѣстному начальству позаботиться объ устройствѣ по возможности каменной мостовой; 3) перевести въ другія мѣста находящіяся близъ университета трактиры и шинки, такъ какъ ихъ запрещено по закону уstrанивать ближе 150 саж. отъ кадетскихъ корпусовъ; 4) загородить и сдѣлать непроѣзжей для публики часть университетской улицы, раздѣляющей университетскія зданія, такъ какъ въ силу оживленнаго движенія по ней нельзя установить надлежащаго порядка между учащимися; вмѣсто же нея проѣздъ можно устроить за университетскимъ зданіемъ черезъ большую площадь.

Министръ внутреннихъ дѣлъ запросилъ по этому дѣлу заключенія харьковскаго губернатора, а тотъ предложилъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе мѣстнаго комитета, образованнаго для уравниенія городскихъ повинностей. Въ 1832 году Министерство Народнаго Просвѣщенія еще не имѣло свѣдѣній о рѣшеніи этого дѣла и просило попечителя навести о немъ справки на мѣстѣ. Въ 1833 году тогдашній Харьковскій губернаторъ Мих. Ив. Каховскій сообщилъ, наконецъ, въ какомъ положеніи находилось это дѣло въ комитетѣ. По вопросу объ устройствѣ мостовыхъ было поручено собрать свѣдѣнія о камнѣ въ окрестностяхъ Харькова; объ исправленіи береговъ харьковскихъ рѣкъ и устройствѣ шлюзовъ поручено было составить соображенія и смѣту губернскому архитектору, но все это еще не было доведено до конца; по вопросу о переводѣ трактировъ и шинковъ получены были отзывы трак-

тирщиковъ и откупщика—почетнаго гражданина, коммерціи совѣтника Козьмы Кузина, которые указывали на могущіе произойти для нихъ убытки и спрашивали, на основаніи какихъ законовъ къ нимъ предъявляется подобное требованіе. Прошло еще два года—и въ 1835 году помощникъ попечителя гр. Панинъ обратился къ Харьковскому военному губернатору кн. Трубецкому съ просьбою сообщить ему, въ какомъ положеніи находилось это злополучное дѣло. Губернаторъ сообщалъ, что вопросъ о трактирныхъ заведеніяхъ восходилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, который однако не распространилъ требованіе закона о кадетскихъ корпусахъ на гражданскія учебныя заведенія, а оставилъ все по старому; что касается мостовыхъ, береговыхъ рѣкъ и шлюзовъ, то для изысканія средствъ для устройства ихъ были образованы въ Харьковѣ по указу Сената, комитетъ, который составилъ различные предположенія, имѣвшія быть представленными впослѣдствіи, когда увеличатся городскіе доходы, на утвержденіе высшаго начальства, по вопросу же о закрытіи Университетской улицы состоялись приговоры Дворянскаго и Купеческаго общества въ томъ смыслѣ, что это для города будетъ очень вредно. Въ 1837—1838 гг. Министерство Народнаго просвѣщенія снова *три раза* запрашивало Харьковскій учебный округъ о положеніи этого дѣла, но округъ однако не могъ добиться никакого отвѣта отъ мѣстнаго губернатора. Только еще черезъ два, три года нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ неудобствъ были устранены ¹⁾. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ 3-мъ томѣ своего труда.

Отсюда ясно видно, съ какими огромными затрудненіями приходилось бороться Харьковскому университету въ его стремленіи устранить вопіющіе недостатки городского неблагоустройства, вредно отзывавшіеся на самомъ ходѣ учебнаго дѣла, какъ медленно шло дѣло этого благоустройства, какую оппозицію оно встрѣчало въ мѣстной средѣ и какъ безсильна была здѣсь администрація, хотя бы она даже сочувствовала улучшеніямъ. Впрочемъ и здѣсь все таки оправдалась справедливость текста—толците—и отверзется вамъ! Въ концѣ концовъ университетъ добился замощенія камнемъ двухъ главныхъ улицъ Харькова.

Однимъ изъ средствъ сближенія университета съ мѣстнымъ обществомъ попрежнему служили университетскіе акты. Они отличались такимъ же характеромъ, какъ и въ первое десятилѣтіе существованія университета, какъ это видно изъ отчетовъ, которые были въ нашихъ рукахъ за 20 лѣтъ—съ 1815 по 1835-й годъ. По прежнему главною частію ихъ программы являются рѣчи, которыя впрочемъ не отлича-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло № 1914/122.

ются уже такимъ интересомъ содержанія, какъ прежде. Говорятся эти рѣчи попрежнему на разныхъ языкахъ, но русскій языкъ дѣлаетъ и въ нихъ все большія и большія завоеванія. Кромѣ рѣчей читались отчеты, знакомившіе съ важнѣйшими перемѣнами въ жизни университета; раздавались вновь вступившимъ студентамъ шпаги, исполнялись музыкальныя произведенія; присутствовавшимъ давалось угощеніе, вечеромъ была иллюминація и т. п. Бывали иногда и публичныя собранія, на которыхъ студенты читали рѣчи и разные сочиненія. Акты же собственно происходили 30 августа въ день тезоименитства Императора Александра I, послѣ молебствія, совершаемаго въ соборѣ. Стоимость угощенія по сравненію съ прежнимъ временемъ пубрики увеличилась: въ 1815 г. угощеніе 30 авг. обошлось въ 346 р. съ коп., 25 декабря 294 р. съ коп., въ 1818 г. въ 254 р. съ коп. и т. д. Характерно распоряженіе Министра Народнаго Просвѣщенія Шишкова о томъ, чтобы университеты, безъ особаго спеціальнаго всякій разъ разрѣшенія его, не печатали въ газетахъ извѣстій о своихъ торжественныхъ собраніяхъ ¹⁾. Этимъ, конечно, должна была ослабиться связь между университетами и мѣстнымъ обществомъ.

У профессоровъ существовало сознаніе великой пользы, принесенной Харьковскимъ университетомъ за 25 лѣтній періодъ его существованія обществу и краю и это сознаніе нашло себѣ ясное выраженіе въ актовой рѣчи, произнесенной 30 августа 1830 года. „Двадцать пять лѣтъ, говорилось тамъ, прошло отъ учрежденія сего храма наукъ, основаннаго въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ I-мъ на патріотическомъ приношеніи благороднаго дворянства здѣшней губ. Незначительно это время; не смотря однако на это, вліяніе нашего заведенія на образованность Украины и мѣстъ, ей сопредѣльныхъ, равно какъ и на народную промышленность нашего края, весьма ощутительно и очевидно. Сравнимъ только состояніе страны сей и самого города при началѣ текущаго столѣтія съ настоящимъ, бросимъ хотя бѣглый взглядъ на теперешнее юношество наше и сравнимъ, каково было оно въ то время, когда для образованія своего не имѣло настоящихъ богатыхъ способовъ, прислушаемся, наконецъ, къ безпристрастнымъ отзывамъ посѣтителей, послѣ продолжительнаго отсутствія возобновившихъ знакомство свое съ сею страной; все говорить въ пользу заведенія нашего. О великій монархъ, зиждитель сего храма наукъ, воззри на дѣла рукъ Твоихъ, благословляемые цѣлыми поколѣніями, виждь исполненіе благодѣтельныхъ Твоихъ предначерта-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 2334/126.

ний и внемли благодаренію страны, обязанной Тебѣ усовершенствованіемъ моральнаго своего бытія! И ты, доблестное дворянство Украинское, вѣрный исполнитель Царской воли, благотворители наши! Возрадуйтея плодами пожертвованій вашихъ! Заведеніе, воздвигнутое вашими щедротами, процвѣтаетъ; благотворное вліяніе его распространилось на Таврію, Кавказъ и Бессарабію; вездѣ водворяются науки; вездѣ музы соплетаютъ вамъ вѣнецъ безсмертія. Весьма назидательно было бы изобразить хотя вкратцѣ ходъ и постепенное образованіе сего университета со времени его открытія, изложить обстоятельства, иногда замедлявшія, иногда ускорявшія какъ собственное его возвышеніе, такъ и благотѣльное его вліяніе на народное благо; во университетъ предоставляеть разсмотрѣніе этого важнаго предмета другому случаю. Теперь же по возложенной на меня обязанности, имѣю честь предложить почтеннѣйшему собранію, доказавшему присутствіемъ своимъ живое участіе, принимаемое имъ въ судьбѣ этого заведенія, краткое обзорѣніе важнѣйшихъ происшествій и перемѣнъ, происшедшихъ въ продолженіи окончившагося учебнаго года какъ въ самомъ университетѣ, такъ и въ подвѣдомомъ ему округѣ“ ¹⁾

Къ сожалѣнію, болѣе подробнаго изложенія пользы, принесенной обществу и краю университетомъ за 25 лѣтъ его существованія, не послѣдовало.

Характерно обращеніе университета къ обществу на актѣ 1831 г., ибо здѣсь онъ формулировалъ свои патріотическія, образовательныя и воспитательныя цѣли. „Въ истекшемъ академическомъ году, равно какъ и въ предшествовавшихъ, Императорскій Харьковский университетъ, исполняя обязанности, уставомъ его и предписаніями начальства ему предначертанныя, постоянно старался соотвѣтствовать существенному своему назначенію, т. е.—доставлять юношеству, попеченіямъ и руководству его вѣренному, всевозможныя средства къ образованію себя и къ достиженію истиннаго просвѣщенія, въ знаніяхъ и добрыхъ нравахъ состоящаго. И потому главнѣйшимъ предметомъ дѣйствій университета было какъ улучшеніе учебной части и заведеній, служащихъ пособіями при преподаваніи наукъ, такъ и строжайшее вниманіе къ нравственности воспитанниковъ. Въ поощреніе учащихся юношей къ надлежащему прохожденію настоящаго поприща дабы по окончаніи его достойно могли явиться на поприще служенія отечеству и Царю русскому—имъ внушаемо было, подъ державой какого царя живутъ они и благоденствуютъ, какому царю служить готовятся. И дѣйствительно

¹⁾ Харьк. ун-в. Архивъ. Д. пов. № 1521, 87.

въ комъ не возгорится пламенное рвеніе къ добру и чести при созерцаніи высокаго примѣра добродѣтелей Великаго Монарха нашего? Какой примѣръ можетъ представить въ одномъ лицѣ такое едва постижимое сочетаніе доблестей: съ одной стороны величіе Самодержца обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи, съ другой—кротость и милосердіе чадолюбиваго отца; твердость, мужество и силу, движущую мановеніемъ своимъ миллионъ воиновъ—и миролюбіе и благость, успокаивающіе народы земли, приводимые въ трепетъ грознымъ величіемъ Россіи! Блаженъ народъ, покоящійся подъ сѣнію власти подобныхъ вѣнценосцевъ! Потщимся съ своей стороны и мы быть достойными его отеческихъ попеченій, чтя свято и вѣрно исполняя Его отеческія велѣнія, ибо въ сихъ велѣніяхъ запечатлѣнъ залогъ собственнаго нашего благополучія.

Успѣшному ходу академическихъ занятій весьма много способствовало присутствіе Его Превосходительства г. попечителя, вникавшаго лично во всѣ подробности управленія и распоряженій университета, попечителя, предложившаго и приведшаго въ исполненіе многія по всѣмъ частямъ улучшенія и своимъ ободреніемъ и наставленіями вливавшаго живѣйшую дѣятельность въ учащихъ и учащихся.

Въ заключеніе университетъ своею обязанностью считаетъ упомянуть и о томъ горестномъ, но неотвратимомъ обстоятельствѣ, которое въ истекшемъ году, хотя и не на долго, тѣмъ не менѣ имѣло однакожъ ощутительное вліяніе на обыкновенный ходъ академическаго ученія. Бѣдствіе эпидеміи, посѣтившее Украину и Харьковъ за годъ передъ симъ, понудило университетъ съ сожалѣніемъ прибѣгнуть къ прекращенію на нѣкоторое время преподаванія въ немъ публичныхъ лекцій. Сколь ни печальна была эта мѣра, при всемъ томъ самое *это* бездѣйствіе университета со стороны собственно теоретической учебной замѣнено было спасительной дѣятельностью его по медицинскому факультету со стороны истинно практической на пользу страждущаго человечества, и бѣдствіе это, постигшее край нашъ, и патріотическіе порывы, соединенные съ благороднѣйшею отважностью къ восторжествованію надъ гибельной эпидеміей со стороны почтенныхъ профессоровъ помянутаго факультета и ихъ достойныхъ учениковъ останутся навсегда незабвенными въ признательныхъ сердцахъ нашихъ согражданъ. Многіе изъ васъ, достопочтеннѣйшіе посѣтители, были признательными очевидцами того умиленнаго самоотверженія, съ которымъ эти молодые питомцы Эскулапа, едва сошедшіе съ ученическихъ скамей, не дорожа собственною своею жизнью среди всеобщей пагубы, стремились къ спасенію жизни своихъ соотчичей, руководимые духомъ любви къ отечеству, вѣрою въ Бога и совѣтами своихъ попечительныхъ

наставниковъ и воскрешали въ нѣдрахъ семействъ жизнь и сладостныя надежды жизни. Многіе изъ этихъ юныхъ спасителей страждущаго человѣчества, одержавъ торжество надъ лютою болѣзнію, опустошавшей этотъ городъ, безъ необходимаго отдыха, безъ надежды честолюбія или корысти, съ однимъ пламеннымъ упованіемъ на Промыслъ и радушіемъ къ ближнему, съ однимъ запасомъ знаній, пріобрѣтенныхъ ими въ этомъ святилищѣ наукъ, составлявшихъ все ихъ стяжаніе, понесли, по призыву благотворнаго Правительства, въ страны далекія — бороться съ чудовищемъ, алкавшимъ поглотить города и цѣлыя провинціи — и возвратились послѣ великодушныхъ своихъ подвиговъ въ нѣдра воспитавшаго юность ихъ университета, встрѣчаемые привѣтною улыбкой добрыхъ наставниковъ, осыпаемые благодарностью начальства, возносимые въ мольбахъ къ Богу тысячами согражданъ, исторгнутыхъ ими изъ челюстей смерти¹⁾.

Съ сильно патріотическимъ воззваніемъ — въ духѣ православія, самодержавія и народности — обратился Харьковскій университетъ къ обществу и на актѣ 1834 года.

„Въ сей торжественный день, когда мольбы всѣхъ сыновъ Россіи совокупаются въ одно душевное желаніе, да предметъ настоящаго праздника, надежда и чаяніе отечества, Высокій наслѣдникъ всероссійскаго престола, юная отрасль благословеннаго дома Романовыхъ, назидаемый великимъ примѣромъ Цари-Отца, преуспѣваетъ въ царственныхъ добродѣтеляхъ, когда въ престольномъ градѣ св. Петра воздвигается исполинскій памятникъ доблестямъ въ Бозѣ почивающаго миротворца Европы Александра Благословеннаго, Императорскій Харьковскій университетъ, рукою его насажденный, шествуя неослабно къ высокой цѣли, указуемой ему премудростію Царствующаго Государя Императора, въ *тридцатый* разъ начинаетъ поприще полезной своей дѣятельности — начинаетъ сѣять сѣмена общепользныхъ знаній въ приготовленные къ тому умы своихъ воспитанниковъ, съ тѣмъ благимъ, искреннимъ желаніемъ, да, при содѣйствіи всемогущей благодати Божіей, сѣмена эти возрастутъ нѣкогда въ древо великое, которое дастъ во время свои плоды добрые во славу Божию, на пользу Престолу и Отечеству, во сладость и утѣшеніе родителей учащагося въ университетѣ юношества; да изыдутъ изъ него просвѣщенные воины, справедливые и благоразумные судьи, искусные и челоуѣколюбивые врачи и вообще граждане, напитанные правилами христіанской нравственности и исполненные свойственныхъ издревле Русскому народу доблестей — не-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 3114/183.

ограниченной любви и преданности къ вѣрѣ, Царю и отечеству. Въ семъ состоитъ та высокая цѣль, къ которой должно стремиться народное просвѣщеніе; такого просвѣщенія требуетъ отъ насъ Вѣщесная премудрость, возсѣдающая на Преславномъ Всероссійскомъ престолѣ, ибо такое только просвѣщеніе есть необходимое условіе народнаго благоденствія ¹⁾).

Эта же рѣчь содержитъ въ себѣ и оцѣнку дѣятельности только что вступившаго въ должность новаго попечителя Харьковскаго учебнаго округа г. Ю. А. Головкина. „Одно изъ самыхъ важнѣйшихъ событій, коими ознаменовался въ лѣтописяхъ университета истекшій учебный годъ— есть перемѣна начальствующаго лица. По увольненіи д. ст. сов. В. И. Филатѣва, Высочайшею волею назначенъ на эту должность одинъ изъ первѣйшихъ вельможъ Россіи—его сіятельство д. т. сов., Двора Его Величества оберъ камергеръ, членъ Государственнаго Совѣта и разныхъ орденовъ кавалеръ г. Ю. А. Головкинъ. Сей маститый старецъ вельможа при концѣ временнаго своего поприща испросилъ у Государя Императора званіе попечителя этого университета съ тѣмъ великодушнымъ намѣреніемъ, дабы быть еще полезнымъ Государю и Отечеству на поприщѣ народнаго просвѣщенія и оставить по себѣ память грядущему потомству. Кратковременное пребываніе его сіятельства въ Харьковѣ навсегда останется запечатлѣно въ сердцахъ всего сословія университета благодарнѣйшимъ воспоминаніемъ.

Прибывъ къ самому времени производимыхъ ежегодно испытаній, его сіятельство пожелалъ узнать настоящую степень познаній студентовъ и для того, не давъ достаточно времени для приготовленія, назначилъ имъ въ присутствіи своемъ публичное испытаніе, которое окончилось къ совершенному его сіятельства удовольствію; оно изъявлено въ самыхъ лестныхъ для всѣхъ преподавателей выраженіяхъ на имя ректора. Потомъ его сіятельство за найденные имъ успѣхи студентовъ изъявилъ признательность свою ректору и тѣмъ изъ профессоровъ и адъюнктовъ, по предметамъ коихъ его сіятельство имѣлъ случай удостовѣриться въ успѣхахъ ихъ слушателей, а въ заключеніе общалъ отличнымъ студентамъ, оставляющимъ университетъ, и на новомъ поприщѣ ихъ служенія продолженіе отеческаго о нихъ попеченія.

Принявъ со всею кротостію и снисхожденіемъ предположенія о большемъ распространеніи университетскихъ преподавателей по всѣмъ отраслямъ наукъ, для чего подъ личнымъ предсѣдательствомъ его сіятельства составлены были частныя засѣданія факультетовъ, и вникнувъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 3489/214.

со всею просвѣщенной внимательностію въ недостатки, отчасти замедлявшіе надлежащій ходъ преуси́янія университета, его сіятельство обѣщалъ употребить свое ходатайство къ устраненію ихъ на будущее время. Да исполнятся вскорѣ благія его предположенія! Кромѣ нужды самого университета, его сіятельство обратилъ свое вниманіе и на самыя первоначальныя училища для малолѣтнихъ дѣтей, предложивъ университету принять дѣятельныя мѣры къ учрежденію въ Харьковскомъ учебномъ округѣ школъ взаимнаго обученія по способу Ланкастера, для чего назначилъ особеннаго инспектора—чиновника, извѣстнаго опытностію въ этомъ дѣлѣ—инспектора Орловской гимназіи кол. ас. Ѳедорова и возложивъ изысканіе средствъ къ скорѣйшему ихъ открытію на усердіе и дѣятельность почетныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ. Полученные отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отзывы не позволяютъ сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ этого предначинанія¹⁾.

Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса—на сколько удобно было университету входить въ оцѣнку дѣйствій новаго попечителя, только что вступившаго на свой постъ, и ни слова не сказать при этомъ о дѣятельности его предшественника, вышедшаго въ отставку. Во всякомъ случаѣ университетъ отдавалъ какъ бы на судъ общества свою дѣятельность и это, конечно, поддерживало его связь съ этимъ послѣднимъ.

Харьковскій университетъ въ лицѣ своихъ профессоровъ по прежнему откликался также на практическіе запросы мѣстной жизни и этимъ, конечно, подымалось его значеніе, какъ полезнаго учрежденія въ краѣ.

Такъ, напримѣръ, въ 1816 году харьковскій губернаторъ Муратовъ обратился въ правленіе университета съ просьбою командировать въ слободы Межиричъ и Олешню Лебединскаго уѣзда для прекращенія появившейся тамъ на обывательскихъ лошадяхъ прилипчивой болѣзни—ветеринарнаго профессора, такъ какъ во всей губерніи вовсе не было тогда ветеринарнаго врача. Профессоръ Пильгеръ принялъ это предложеніе и отправился на борьбу съ заразой²⁾. Есть однако основаніе думать, что подобные случаи обращенія къ университету были теперь не столь часты, какъ въ первое десятилѣтіе.

Университетъ отмѣтилъ, наконецъ, доброжелательное отношеніе къ нему мѣстной администраціи въ лицѣ харьковского губернатора И. П. Бахтина, избравъ послѣдняго своимъ почетнымъ членомъ и выразивъ ему признательность черезъ особую депутацію въ составѣ профессоровъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Харьк. универ. архивъ. Д. Правл. № 1080/51.

Делявина, Шада и Рейта, по случаю увольненія его отъ должности ¹⁾ въ 1815 году.

Въ іюнѣ 1816 г. посѣтилъ Харьковъ Великій Князь Николай Павловичъ ²⁾.

Въ началѣ 1826 года Харьковскій университетъ принималъ участіе въ печальной церемоніи перевезенія черезъ Харьковъ тѣла скончавшагося государя Императора Александра I. Здѣсь произошелъ маленькій, но характерный инцидентъ, уже отчасти отмѣченный нами въ 1-й главѣ со словъ А. П. Кирпичникова: по церемоніалу, профессорамъ университета отведено было очень низкое мѣсто въ похоронной процессіи. По этому поводу попечитель Перовскій обратился къ губернатору Муратову съ такимъ письмомъ. „Получивъ почтеннѣйшее отношеніе Вашего Превосходительства отъ 20 декабря и при немъ церемоніаль для встрѣчи тѣла блаженной памяти Имп. Александра Павловича, я долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего, что мѣсто, назначенное въ этомъ церемоніальѣ университету, не соотвѣтствуетъ достоинству этого высшаго учебнаго заведенія и степени, занимаемой имъ между государственными коллегіями. Какъ присутственное мѣсто, университетъ относится рапортомъ прямо въ Правительствующій Сенатъ, отъ котораго непосредственно получаетъ указы и по сему не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть поставленъ ниже уѣзднаго суда и врачебной управы. Какъ высшее ученое сословіе, управляющее учебными заведеніями въ 16 губерніяхъ Имперіи, онъ долженъ быть выше харьковскихъ института и кадетскаго корпуса. Это обстоятельство, основанное на Высочайше пожалованной грамотѣ и уставѣ университета, побуждаетъ меня просить Ваше Превосходительство распорядиться такимъ образомъ, чтобы университетъ въ печальной церемоніи занялъ мѣсто, соотвѣтственное Высочайше дарованнымъ ему привиллегіямъ. По мнѣнію моему, университетъ долженъ быть поставленъ или въ номерѣ 44-мъ (какъ отдѣльное управленіе) или между другими коллегіями, участвующими въ церемоніи.

Губернаторъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и представителямъ университета отведено было высшее мѣсто—вмѣстѣ съ чиновниками Губернскаго Правленія и Палаты ³⁾.

Отмѣтимъ еще посѣщеніе нашего университета турецкими уполномоченными послами въ 1830 году. „Турецкіе уполномоченные, по словамъ ректора Дудровича, 8-го января осматривали Харьковскій университетъ, при чемъ прежде всего посѣтителемъ показано было по-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. Сов. 1815 г. № 52.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. Пр. № 1125/52.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. пош. № 1141/64.

мѣщеніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ, коего устройствомъ, чистою и опрятностью они восхищались; потомъ представлены всѣ своекоштные воспитанники въ студенческой библіотекѣ, находящейся въ томъ же флигелѣ: отсюда непосредственно проведены были посѣтители въ кабинеты — математическій и астрономическій, технологическій и физическій; здѣсь представлены были профессора и прочіе университетскіе чиновники, сдѣланы нѣкоторые электрическіе опыты и подвешена записная книга, въ которой Галиль Паша записалъ имя свое турецкими и французскими буквами, съ прибавленіемъ мысли на турецкомъ языкѣ: *„основатель сего заведенія да пребудетъ столь же вѣчнымъ, какъ и самыя науки, въ немъ преподаваемые“*. Изъ физическаго кабинета проведены были посѣтители въ зоологическій и минералогическій кабинеты, потомъ въ университетскую библіотеку, гдѣ на сей случай помѣщенъ былъ и минцъ—кабинетъ. Всѣ же заведенія при университетѣ осматривали посѣтители съ большимъ любопытствомъ и съ особеннымъ удовольствіемъ въ продолженіе двухъ часовъ—съ 10 до 1 часу утра, не смотря на сильный морозъ, простиравшійся за 16 градусовъ по Реомюру. Университетской клиники за усталостью Галиль Паша не пожелалъ уже видѣть¹⁾.

Кромѣ извѣстнаго уже намъ доноса на Харьковскій университетъ профессора Венедиктова былъ еще другой ложный доносъ Полтавскаго канцеляриста Черняева. Вотъ сообщеніе по этому дѣлу, сдѣланное по-печателемъ въ 1831 году Министру.

„Доношу Вамъ о происшествіи, которое по признанію самого доносителя и по изысканіи оказалось ложнымъ. Третьяго дня ночью присланъ былъ изъ Полтавы сюда въ Харьковъ отъ малороссійскаго военнаго губернатора князя Репнина служащій тамъ приказнымъ въ казенной палатѣ молодой человѣкъ Черняевъ, извѣстный здѣсь по пестривому своему поведенію и дурнымъ поступкамъ, ибо нѣкоторое время служилъ въ Харьковѣ и мать его также живетъ здѣсь. Предавшись нѣсколько дней пьянству, какъ сказывалъ мнѣ Полтавскій частный приставъ, привезшій его къ здѣшнему гражданскому губернатору, онъ вздумалъ сдѣлать доносъ, будто бы въ Харьковѣ, Одессѣ, Херсонѣ и Таганрогѣ съ 1829 года до декабря 1830 существовало общество заговорщиковъ, стремящихся разрушить правленіе и даже посягнуть на жизнь помазанника Божія и что экстраординарный профессоръ Харьковскаго университета Куницкій ему открылъ это и пригласилъ его быть переписчикомъ бумагъ и будто всѣ эти бумаги имъ и студентомъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1440/82.

Крейцомъ писанныя въ ящикѣ зарыты на университетскомъ бульварѣ и что въ нихъ найдется и планъ, и имена участвующихъ. Въ ту же ночь какъ привезенъ онъ къ губернатору, дѣланъ былъ обыскъ и нигдѣ ничего не найдено—и онъ сознался, что все это ложь, выдуманная имъ для погубленія собственно себя и что къ этому приведенъ онъ отчаяніемъ по многимъ несчастіямъ въ своей жизни. Онъ опровергъ всѣ показанія свои въ Полтавѣ и письменно отрекся при губернаторѣ, при мѣѣ, при ректорѣ, жандармскомъ начальникѣ подполковникѣ Бахметьевѣ, предсѣдателѣ гражданской палаты, совѣтникѣ губернскаго правленія, при частномъ приставѣ, привезшемъ его изъ Полтавы и при всѣхъ, кто ночью былъ посланъ съ нимъ для обыска.

Черняевъ—человѣкъ совѣтъ потерянный, желающій себя погубить подобною клеветою. Куницкій былъ обысканъ и спрошенъ. Оказалось, что Черняевъ и въ домѣ у него не бывалъ, Черняевъ показывалъ въ Полтавѣ, что Куницкій въ 1829 году купилъ домъ для его матери, а Куницкій самъ бѣденъ и домъ купленъ самою матерью Черняева въ 1825 году въ Полтавѣ. Кромѣ этого показывалъ, что Куницкій говорилъ ему, будто бы здѣшній профессоръ Кронебергъ, извѣстный всѣмъ съ самой лучшей стороны, родившійся въ Россіи, человѣкъ семейный, образованный, лучшей нравственности и примѣрнаго поведенія, не участвовалъ, но зналъ объ этомъ, и также называлъ уже здѣсь достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ профессора Артемовскаго; и хотя ночью же онъ признался губернатору при всѣхъ тамъ бывшихъ, что все это ложь, имъ выдуманная, но не смотря на это губернаторъ, я и ректоръ были лично у вышеупомянутыхъ профессоровъ и лично осмотрѣвши всѣ ихъ бумаги, не нашли и малѣйшаго подозрѣнія; у Куницкаго же былъ ректоръ съ совѣтникомъ губернскаго правленія; Черняевъ вмѣшалъ было еще многихъ незначительныхъ лицъ, находящихся въ Харьковской губ., даже родного брата своего, но и отъ этого отрекся и признался, что онъ иныхъ въ лицо не знаетъ, но называлъ того, кто ему пришелъ на мысль, онъ теперь въ тюрьмѣ и преданъ законному суду.

Я счелъ нужнымъ увѣдомить объ этомъ происшествіи Вашу Свѣтлость и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить избавить нашихъ профессоровъ отъ дурнаго впечатлѣнія, что именно ихъ вмѣшалъ онъ въ этомъ случаѣ, и смѣю увѣрить Вашу Свѣтлость, что они совѣтъ не таковы, чтобы когда либо могли участвовать или знать и молчать о такихъ гнусныхъ поступкахъ; напротивъ, это люди вполне благонамѣренные и вѣрные Престолу и своему Государю, крайне огорченные и обиженные этимъ доносомъ.

Студентъ Крейцъ ночью былъ взятъ и обысканъ и также оказался невиненъ. Въ дополненіе о Черняевѣ не излишнимъ считаю донести, что онъ дорогой, гдѣ-то на станціи, захватилъ ножъ и имъ хотѣлъ немедленно по приѣздѣ въ Харьковъ зарѣзать губернатора и въ этомъ самъ признался еще дорогою полтавскому частному приставу, который его сюда везъ. Таковыя поступки хотя и показываютъ, что онъ сумасшедшій, но говорить хорошо, вѣжливо и писать складно, а посему юридически признать его сумасшедшимъ невозможно, хотя видъ его дикій. При теперешнихъ обстоятельствахъ, весьма непріятны таковыя происшествія и, кажется, малоросійскій военный губернаторъ поспѣшилъ отправленіемъ его сюда и не вникнулъ въ несообразность самого его доноса: 1) какъ зарывать ящики на такомъ мѣстѣ, которое въ глазахъ всей Залопанской части города и гдѣ безпрестанно народъ въ движеніи, 2) Черняевъ говоритъ, что онъ переписывалъ бумаги, а содержанія не знаетъ—это показано имъ въ Полтавѣ¹⁾.

Въ этой прискорбной исторіи поражаетъ насъ необезпеченность въ тогдашнее время личности профессора. Самъ попечитель негодовалъ, что на основаніи явно несообразнаго и ложнаго доноса сочли возможнымъ подвергнуть обыску почтенныхъ уважаемыхъ, безупречныхъ въ политическомъ и нравственномъ отношеніи университетскихъ дѣятелей и вообще дать ходъ этому затѣйному дѣлу, которое произвело самое тягостное впечатлѣніе на профессоровъ, не получившихъ повидимому никакого удовлетворенія за испытанными ими волненія и оскорбленія.

Изъ дѣлъ, имѣвшихъ политическую подкладку, слѣдуетъ отмѣтить еще эпизодъ о бранной по адресу русскихъ надписи на польскомъ языкѣ, слѣланной мѣломъ на стѣнѣ кладовой въ 1835 году. Надпись была буквально такова:

Ah wy, moskali,

Co wy mislycie? Wzieniscie

Polakow y glodem morzycie!

Buh wasz pobyie y lzy bydnich ludzi,

Gdy wasze sumienie żalu wasz niewzbudzi.

Kto pyurem orze, piaskiem poszypuie,

Ten złota, sribła,

Skatuł taduye.

То есть: Ахъ вы, москали,

Что вы думаете? Забрали

Поляковъ и голодомъ морите!

¹⁾ Харьк. унив. Архивъ. Д. поц. № 1581/92.

Богъ и слезы бѣдныхъ людей васъ побьютъ,
Когда ваша совѣсть не возбудить въ васъ жалости.

Кто перомъ оретъ, пескомъ засыпаетъ,
Тотъ золотомъ, серебромъ сундуки набиваетъ.

Университетское начальство предполагало, что эту надпись могъ сдѣлать кто либо изъ поляковъ часовыхъ, находившихся при кладовой. Произведено было строжайшее слѣдствіе, но виновнаго не открыли ¹⁾.

ГЛАВА 4-я.

Студенты.

Въ первое десятилѣтіе существованія университета число студентовъ въ немъ было крайне недостаточно и это объяснялось главнымъ образомъ почти полнымъ отсутствіемъ въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа среднихъ подготовительныхъ школъ—гимназій. Правда эти послѣднія стали открываться со времени учрежденія университета, но должно было пройти извѣстное число лѣтъ, прежде чѣмъ могли появиться первые выпуски питомцевъ, окончившихъ въ нихъ курсъ наукъ. Въ изучаемый нами теперь періодъ времени гимназіи Харьковскаго учебнаго округа въ совокупности своей давали наибольшій контингентъ студентовъ въ нашъ университетъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что и питомцы гимназій должны были тогда держать вступительные экзамены наравнѣ съ лицами домашняго образованія. Очевидно, университетъ могъ въ это время уже дѣлать извѣстный выборъ между окончившими гимназію; слѣдовательно, не нуждался такъ, какъ прежде, въ слушателяхъ и не долженъ былъ прибѣгать къ такимъ экстраординарнымъ мѣрамъ, какъ въ первое десятилѣтіе.

Что бы дать понятіе о томъ, какія учебныя заведенія давали своихъ воспитанниковъ Харьковскому университету, мы приведемъ статистическія данныя по этому вопросу за 1829 и 1832 годы.

Въ 1829 году экзаменовалось для поступленія въ университетъ 120 чел., принято было 112, не принято всего 8. Изъ Харьковской гимназіи принято 40 (всѣ), Екатеринославской 8 (всѣ), Новгородъ-Сѣверской 3 (изъ 4-хъ), Херсонской 1 (всѣ), Таврической 1 (изъ 3-хъ), Кіевской 1 (всѣ), Полтавской 4 (всѣ), Курской 3 (всѣ), Черниговской 2 (всѣ), Донской 1 (всѣ), Уманскаго училища 1 (всѣ), Махновскаго 1 (всѣ), Харьковскаго коллегіума 6 (всѣ), Курской семинаріи 1 (всѣ), Воронежской гимназіи 3 (изъ 4-хъ), домашней подготовки 5 (изъ 6), пансіона проф. Робуша 8 (всѣ), Ольденборгера 4 (всѣ), Роберти 5 (всѣ), пансі-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 2343/139.

она при 6. Царско-Сельскомъ лицѣѣ 1 (вѣѣ). Наилучшіе успѣхи обнаружилъ воспитанники пансіона проф. Робуша ¹⁾.

По мѣсту и характеру своей подготовки студенты Харьковскаго университета въ 1832 году распредѣлялись такъ: наибольшій контингентъ дала Слободско украинская (Харьковская) гимназія—(82 чел.), затѣмъ слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ: Екатеринославская гимназія (29), Полтавская гимназія (19), пансіонъ Роберти въ Харьковѣ (16), Черниговская гимназія (13), пансіонъ Ольденборгера въ Харьковѣ (10), пансіонъ Робуша въ Харьковѣ (9), домашняго образованія (9), Харьковскій Коллегіумъ (7), Новгородъ-Сѣверская гимназія (7), Воронежская гимназія (6), Курская гимназія (5), Кіевская и Донская гимназія (по 4), Курская семинарія (3), Херсонская гимназія (3), Тавричѣская гимназія (2), пансіонъ Коваленка въ Харьковѣ (2), Полтавская семинарія, Виленскій университетъ, Межирицкая гимназія, Московскій университетъ, Дерптскій университетъ, Царскосельскій благородный пансіонъ, Немировское уѣздное училище, Махновское повѣтовое училище, Бердичевское уѣздное училище, пансіонъ Московскаго университета, Кишиневскій пансіонъ, пансіонъ Пика—по одному; затѣмъ поступило 2 аптекарскихъ гизеля, губернскій регистраторъ, учитель Валуйскаго училища, безъ документовъ 1. ¹⁾

Здѣсь останавливаетъ на себѣ наше вниманіе небольшой контингентъ студентовъ изъ лицъ, получившихъ домашнее образованіе. Очевидно, образованіе въ публичныхъ общественныхъ школахъ, которое такъ усердно пропагандировалось профессорами Харьковскаго университета, пріобрѣло теперь широкую популярность и распространеніе въ обществѣ. Свѣтская школа получила теперь въ отношеніи доставляемаго ею контингента учащихся рѣшительное преобладаніе надъ духовной.

Любопытныя признанія о подготовкѣ и мотивахъ, руководившихъ молодыми людьми при поступленіи въ университетъ, дѣлаетъ авторъ извѣстныхъ намъ воспоминаній о Харьковскомъ университетѣ въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ Н.

„Вступилъ я, говоритъ онъ, въ число студентовъ Харьковскаго университета, въ 1828 году. Мнѣ было всего только 14 лѣтъ, и въ этомъ раннемъ возрастѣ я успѣлъ уже пройти весь учебный курсъ, какой требовался въ то время для вступительнаго экзамена въ университетъ.

Такому предварительному испытанію подвергались обязательно всѣ воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній, казенныхъ и частныхъ, равно какъ и получившіе домашнее образованіе. Но снисходительность

¹⁾ Харьк. унив. архивъ Д. сов. 1829. № 5.

²⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1488/86.

тогдашнихъ требованій открывала широкій доступъ въ университетъ для многихъ изъ недоучившейся молодежи, къ числу которыхъ я не могу не причислить и себя, припоминая теперь всю ограниченность своихъ познаній и всей предварительной подготовки къ университету. Я избралъ для себя юридическій факультетъ, который по уставу назывался тогда этико-политическимъ, но которому студенты давали безразлично то или другое имя. Мною руководили не столько собственное влеченіе и призваніе къ той или другой отрасли наукъ, сколько желаніе отца, предназначившаго меня къ гражданской службѣ, вынавшей на его долю¹⁾.

Изъ гимназій въ университетъ для *приватнаго* посѣщенія лекцій принимали подъ часъ съ весьма слабыми успѣхами. Примѣромъ этого можетъ служить Воробьевъ, поступившій въ 1829 году съ согласія попечителя Перовскаго¹⁾.

¹⁾ Вотъ его экзаменаціонное свидѣтельство.

Имя: Иванъ Воробьевъ, Малороссійской Черниговской губерніи повѣтоваго города Мглина купца 3-й гильдіи Герасима Воробьева сынъ, родился въ ономъ городѣ Мглинѣ апрѣля 15 дня 1808 года.

Время посѣщенія гимназій: экзаменованный по начальномъ изученіи съ 5-го сентября 1820 года въ Мглинскомъ повѣтовомъ училищѣ, поступивъ Новгородсѣверской гимназій въ 1-й классъ Августа 1-го дня 1824 года, находился въ оной пять лѣтъ и изъ того 2 года въ третьемъ и 1 годъ въ четвертомъ классѣ.

Поведеніе: въ отношеніи къ соучащимся, скромностью и угожденіемъ содержалъ себя въ мирѣ и согласіи; въ отношеніи къ начальству, не было нравственныхъ поступковъ, за которые въ классическомъ домашнемъ и городскомъ его поведеніи подвергался бы отъ учителей и начальства обвиненію, и обыкновенныя классическія исправленія принималъ съ кротостію, успѣхи въ ученіи Закона Божія были *малые*.

Прилежаніе: при постоянномъ своихъ классовъ посѣщеніи, упуская въ теченіи нѣтъ способы образованія, не приложилъ трудолюбія и исправности въ исполненіи классическихъ уроковъ, задачъ, переводовъ и иныхъ требованій.

Познанія: экзаменованный въ латинскомъ языкѣ не только способности понятія писателей его и сочиненія на немъ не достигъ, но приложенія грамматическихъ правилъ въ изъясненіи мѣстъ его и твердаго знанія сихъ правилъ достаточныхъ реченій и правописанія не приобрѣлъ; въ началахъ греческаго языка *старанія никакого не было*; успѣхи въ географіи и древней исторіи *слабые*, въ хронологіи, древностяхъ, новѣйшей всемірной и Россійской исторіи *слабые*, по части математики въ алгебрѣ, геометріи и тригонометріи *малые*, въ приложеніяхъ алгебры и геометріи началахъ высшихъ исчисленій, высшей геометріи и механики *очень слабые*; въ естественной исторіи и физикѣ *слабые*; въ началахъ нѣмецкаго и французскаго языковъ *совершенно слабые*; въ знаніи правилъ Россійскаго и славянскаго языковъ, логики и риторики *слабые*; въ приложеніи оныхъ—въ сужденіи и слоги, въ экзаменаціонныхъ переводахъ, разборахъ и сочиненіяхъ, правильности въ почеркѣ чистописанія *хорошіе*.

Нынѣ же онъ Воробьевъ по прошенію отца его для усовершенствованія въ наукахъ отъ сей гимназій уволенъ, въ чемъ и сіе третьяго номера экзаменаціонное сви-

Приемные экзамены въ университетѣ вообще не всегда отличались должною строгостью или, точнѣ говоря, мы замѣчаемъ въ нихъ рѣзкіе переходы отъ снисходительной слабости къ слишкомъ уже суровой строгости.

Извѣстный намъ проф. Кронебергъ, вступивъ въ исправленіе обязанностей ректора, подалъ попечителю записку, въ которой предложилъ рядъ мѣръ для упорядоченія приема въ университетъ молодыхъ людей.

„Въ величайшемъ безпорядкѣ нашелъ я въ Правленіи, писалъ онъ, списки студентовъ. Немедленно приказалъ я сдѣлать особую большаго формата книгу, въ которой въ особыхъ графахъ вносятся имена студентовъ и вольнослушающихъ, званіе и жителство ихъ родителей, гдѣ обучались, съ какими познаніями поступали въ Университетъ, въ какой факультетъ, когда принять и когда выбыть, такъ что для потребныхъ свѣдѣній о какомъ-либо студентѣ не нужно болѣе рыться въ журналахъ, а стоитъ только открыть эту книгу.

Пріемъ въ студенты дѣлался безъ всякаго порядка. Я привелъ въ исполненіе § 107 устава Университетскаго, назначивъ Комитетъ изъ членовъ—орд. профессора Даниловича, экстро-орд. профессоровъ Байкова и Венедиктова и кандидата Сокальскаго, поручивъ имъ, сообразно предписанію бывшаго Г-на Министра Народ. Просвѣщенія отъ 10-го генв. 1820 года, экзаменоватъ изъ всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ. Прилагаю у сего и самыя правила, и копію съ предписанія Министра. Этимъ экзаменамъ ведется журналъ, изъ него дѣлается представленіе Правленія; лучшіе удостоиваются, слабымъ отказъ безъ всякаго лицепріятія. Дѣйствія этого комитета я считаю особенно важными: 1) университетъ не наполнится пустыми головами, считающими его только средствомъ къ полученію чина 12-го класса. 2) прилежаніе, котораго по настоящее время не видно было, воскреснетъ и сдѣлается современемъ общею добродѣтелью студентовъ; 3) весьма важно и то, что обнаруживаются дѣйствія гимназій и пансіоновъ; большею частію степени познаній, въ аттестатахъ показанныя, ни мало не соотвѣтствуютъ настоящимъ познаніямъ экзаменуемыхъ. Если и теперь уже эти экзамены имѣютъ то благодѣтельное послѣдствіе, что многіе воздѣлательство ему на основаніи постановленій начальства за подписаніемъ директора и учителей гимназій съ приложеніемъ гимназической печати дано 1829 года іюля 7 дня. На подлинномъ подписалъ директоръ Илья Тимковскій. Законоучитель протоіерей-Стефанъ Денисовичъ, учитель латинскаго и греческаго языковъ Кириллъ Капля. Учитель философіи и російской словесности Григорій Македонскій, учитель математическихъ наукъ Иванъ Сбитневъ. Учитель естественныхъ наукъ и инспекторъ учениковъ Герасимъ Ивановскій. Учитель рисованія и черченія Степанъ Кирилловъ. (Харьковскій унив. архивъ).

вращаются опять въ тѣ мѣста, гдѣ учились, то чтобъ доставить этому комитету сильнѣйшее вліяніе на учебныя заведенія, подвѣдомныя Университету, считаю и необходимо нужнымъ, по окончаніи пріема, опубликовать дѣйствія этого комитета и обратить на нихъ вниманіе директоровъ, учителей и содержателей пансіоновъ, дабы такимъ образомъ возбудить ихъ дѣятельность и возстановить тѣснѣйшую связь между гимназіями и Университетомъ, которая совершенно прервана. На это испрашиваю позволенія Вашего Превосходительства. О ежегодныхъ публичныхъ экзаменахъ, какъ средствахъ къ возбужденію и поддержанію прилежанія, буду имѣть честь войти къ Вашему Превосходительству съ особымъ представленіемъ¹⁾.

Испытательный комитетъ, составленный ректоромъ Кронебергомъ, имѣлъ 22 засѣданія, продолжавшіяся не менѣе 4 час. каждое, и представилъ затѣмъ слѣдующій отчетъ о результатахъ своей дѣятельности.

Всѣхъ, подвергшихся экзамену, было 58 душъ. Изъ Слободско-Украинской гимназіи принято было 2, не принято 13 (хуже всего отвѣты были по латинскому языку); изъ Полтавской гимназіи принято 4, не принято 3 (наиболѣе слабые отвѣты были по естественной исторіи); изъ Екатеринославской гимназіи принять 1, не принято 6 (хуже всего отвѣчали по латыни); изъ Курской гимназіи принято было 2, не принято 2 (наименьшіе успѣхи были по математикѣ); изъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи принять былъ 1, не принято 4; изъ Черниговской гимназіи принять 1, не принять 1; изъ Нѣжинской гимназіи принять 1; изъ пансіона Робуша одинъ явился и не принять; изъ Немировскаго высшаго уѣзднаго училища явился и принять 1; изъ Межирицкаго явился и не принять 1; изъ Воронежской гимназіи 1 принять и 1 не принять; изъ Саратовской гимназіи явился и не принять 1; изъ семинарій принять 1, не принято 4; домашняго образованія принято 4, не принято 2; всего изъ 58 явившихся принято 19 чел., т. е. ок. 33%¹⁾).

Очевидно, комитетъ изъ желанія проявить спасительную строгость, нѣсколько переусердствовалъ, ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ признать нормальнымъ такой тиражъ. Въ 1828 году процентъ принятыхъ оказывается уже несравненно болѣе значительнымъ.

Изъ отчета испытательнаго комитета о пріемѣ въ студенты Харьковскаго университета въ 1828 году оказывается: изъ Харьковской гимназіи было принято 18 душъ (въ томъ числѣ Егоръ Гордѣенко), не принято 7; изъ Полтавской принято 4; изъ Черниговской принято 5, не принять 1; изъ Екатеринославской удостоено 11 (въ томъ числѣ Гри-

¹⁾ Харьк. унив. арх. Д. пов. № 1207/67.

горій Рындовскій), не удостоено 2; изъ Херсонской гимназіи принять 1; изъ Новочеркасской экзаменовался и не принять 1; изъ Воронежской гимназіи принять 1; изъ пансіона Робуша принято 4; изъ пансіона Ольденборгера принято 6 (въ томъ числѣ Петръ Любовскій); не удостоенъ 1; изъ пансіона Роберти принято 3; не выдержалъ 1; изъ Бердичевского училища удостоенъ 1; изъ Уманскаго училища удостоенъ 1; изъ семинарій принято 7, не удостоено 3; изъ приватнослушавшихъ лекціи при университетѣ принято 4, не удостоенъ 1; изъ вторично державшихъ экзаменъ принято 4 (два Харьковской, 1 Курской, 1 Таганрогской гимназій); не принято 2; всего принятыхъ 41, не принятыхъ 18, т. е. ок. 25% ¹⁾.

Попечитель Филатьевъ по собственной инициативѣ и собственной властью установилъ правила приѣмныхъ экзаменовъ въ университетѣ для лицъ, желавшихъ поступить въ студенты; ихъ нужно было экзаменовать, примѣняясь къ гимназическимъ программамъ преподаванія ²⁾.

Въ 1833 году опять примѣнены были особыя строгости въ силу замѣчаній, сдѣланныхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1833 г. Министръ Уваровъ писалъ попечителю Филатьеву.

По Высочайшему указу 9-го ноября 1831 г. велѣно было принимать въ студенты только лицъ, окончившихъ съ успѣхомъ полный гимназическій курсъ съ одобрительными аттестатами или выдержавшихъ въ университетѣ строгій вступительный экзаменъ. Къ сожалѣнію до меня дошли слухи, что это Высочайшее повелѣніе не во всей строгости соблюдается по Харьковскому университету,—изъ 124 человекъ, принятыхъ въ студенты, 52 человекъ допущены съ обязательствомъ слушать въ университетѣ нѣкоторые существенные учебные предметы, изъ коихъ они или вовсе не выдержали испытанія, или худо аттестованы испытательнымъ комитетомъ, а 9 человекъ поступили изъ Московскаго университета и можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ оставили университетъ не добровольно. Въ заключеніе Министръ требовалъ неусыпнаго наблюденія, и разборчивости какъ при вступленіи молодыхъ людей въ студенты, такъ при выпускѣ ихъ изъ университета.

Многіе изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и пансіонахъ и получившихъ домашнее образованіе выдержали въ 1833 г. удовлетворительно вступительный экзаменъ въ университетѣ, но бывшій попечитель Филатьевъ увезъ съ собою, не возвратилъ и не утвердилъ списка этихъ лицъ,—и потому они формально и не могли быть зачислены въ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. пом. № 1281/72.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло пом. № 1242/71.

студенты. Въ виду этого они были допущены для приватнаго слушанія лекцій въ университетѣ; въ числѣ ихъ былъ Н. И. Костомаровъ.

Въ 1834 году пріемные экзамены для лицъ, желавшихъ вступить въ число студентовъ, были очень строги. Всего держало экзаменъ 115 чело-вѣкъ, а принято было 55, т. е. менѣе 50%. Изъ этихъ 115 чело-вѣкъ 4 было изъ Нѣжинскаго лицея, 1 изъ Одесскаго Ришельевского лицея, изъ гимназій 61, въ томъ числѣ Слободско-Украинской, т. е.—Харьковской 25, Екатеринославской—8, Полтавской 6, Новочеркасской 4, Черниговской 4, Воронежской 3, Курской, Херсонской, Кіевской по 2, Таврической, Бѣлостокской, Новгородъ-Сѣверской, Подольской и Смо-ленской по 1; изъ разныхъ семинарій 14, изъ пансіоновъ 21, изъ Одес-скаго еврейскаго училища 1, получившихъ домашнее образованіе 13. Изъ нихъ выдержало экзаменъ: 2 изъ Нѣжинскаго лицея (половина), 14 изъ Слободско-Украинской гимназіи (изъ 25), 5 изъ Екатеринослав-ской (изъ 8), по 2 изъ Полтавской и Черниговской (изъ 6 и 4), по 1 изъ Воронежской, Таврической, Курской, Херсонской, Новочеркасской и Бѣ-лостокской (изъ 3, 1, 2, 2, 4, 1); изъ семинарій 6 (изъ 14), изъ пан-сіоновъ 14 (изъ 21), изъ Одесскаго еврейскаго училища 1 (1), изъ до-машняго образованія 3 (изъ 13). Такимъ образомъ, наименьшій про-центъ дала категорія лицъ, получившихъ домашнюю подготовку, за тѣмъ идутъ Новочеркасская, Полтавская гимназіи, Воронежская семинарія, Черниговская, Курская и Херсонская гимназіи, Нѣжинскій лицей; осталь-ныя дали болѣе 50% общаго числа, между тѣмъ какъ перечисленные нами 50% и менѣе того.

Узнавъ о результатахъ экзаменовъ, попечитель (гр. Головкинъ) обратился къ ректору университета съ такимъ любопытнымъ похваль-нымъ словомъ. „Образованіе университетское для молодаго чело-вѣка есть основа всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей и будущихъ успѣховъ его на поприщѣ службы. Права, Высочайше дарованныя оканчиваю-щимъ курсъ воспитанникамъ университетовъ, упрочиваютъ ему путь къ достиженію всѣхъ мѣстъ и почестей гражданской службы; по этимъ причинамъ начальство университета священнымъ долгомъ обязано блюсти какъ за успѣхами въ наукахъ, такъ и за сохраненіемъ чистой и непо-рочной нравственности юношества, ему порученнаго, и должно быть весьма разборчиво при выпускѣ воспитанниковъ, а посему и въ пріемѣ ихъ въ университетъ взыскательно, ибо университетское образованіе по-κειται только на прочномъ основаніи гимназическаго, и я съ удоволь-ствіемъ усмотрѣлъ изъ доставленныхъ мнѣ свѣдѣній о принятыхъ во-спитанникахъ въ университетъ на сей академическій годъ разборчи-вость и законную строгость дѣлаемыхъ имъ при вступленіи испытаній,

ибо изъ числа явившихся къ экзамену 115 человекъ принято только 55, за что предлагаю вамъ сообщить мою совершенную признательность письменно каждому изъ членовъ бывшаго испытательнаго комитета ¹⁾.

Ознакомившись съ условіями пріема молодыхъ людей въ Харьковскій университетъ, сообщимъ теперь нѣкоторыя статистическія данныя о числѣ студентовъ въ немъ за періодъ времени съ 1815 г. по 1835 г.

Но здѣсь же мы должны предварить читателя, что не можемъ привести собственныхъ точныхъ свѣдѣній по этому интересному вопросу, а должны ограничиться главнымъ образомъ сообщеніемъ данныхъ, которыя собраны и разработаны, по порученію университетскаго начальства, архиваріусомъ университетскаго архива Е. М. Ивановымъ и которымъ самъ онъ придаетъ только относительную степень достовѣрности. Дѣло въ томъ, что факультетскихъ документовъ за этотъ періодъ почти не сохранилось: не имѣется поэтому точныхъ и систематическихъ за всѣ годы свѣдѣній о числѣ студентовъ. Благодаря этому, Е. М. Иванову пришлось собирать эти данныя въ разныхъ дѣлахъ и документахъ, гдѣ только попадались свѣдѣнія о студентахъ: естественно, что, при такихъ условіяхъ, съ одной стороны явились пробѣлы, а съ другой оказалось невозможнымъ приурочить всѣ свѣдѣнія къ одному моменту, ибо одни изъ нихъ относились къ концу академическаго, а другіе гражданскаго года. Мы приведемъ данныя Е. М. Иванова исправимъ и пополнимъ ихъ нѣкоторыми новыми матеріалами. Разъ приходилось прибѣгать къ сложнымъ подсчетамъ, могли получиться и ошибки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мои цифры расходятся съ данными Е. М. Иванова.

За 1815-й годъ свѣдѣній о числѣ студентовъ нѣтъ. Въ 1816 году ихъ было, по свѣдѣніямъ К. Фойгта, 122 чел. За 1817-й и 1818-й годы свѣдѣній нѣтъ. Въ 1819—20 *академическомъ году* ихъ было 201 чел., въ 1820—21—195, въ 1821—22—213, въ 1822—23—165, въ 1823—24—245; *къ концу 1825 гражданскаго года*—346, 1826—305, 1827—260, 1828—237, 1829—334, 1830—265, 1831—247, 1832—282, 1833—244; къ 1-му сентября 1834 года—261; къ концу 1835—263 ²⁾.

Въ приведенныхъ данныхъ насъ поражаютъ сильныя колебанія въ ростѣ студентовъ; наиболѣе благопріятными являются — 1825-й, 1829-й и 1826-й годы; съ 1819-го года цифры колеблются между 165 и 346 чел.; первая половина двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ во всякомъ случаѣ не являются временемъ прогресса.

Любопытно распредѣленіе студентовъ по сословіямъ и факультетамъ. Вотъ два относящіеся сюда примѣра.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. Правл. № 2017/128.

²⁾ Харьк. унив. арх. Дѣло Сов. 1902 г. № 253.

Въ 1825 году, по моему подсчету, который расходуется съ данными Е. М. Иванова, въ Харьковскомъ университетѣ было 358 студентовъ, которые по *сословіямъ* распредѣлялись такъ: дворянъ было 181, чиновниковъ (военныхъ и гражданскихъ)—103, духовнаго званія—32, разночинцевъ—28, иностранцевъ 8. Дворяне, какъ мы видимъ, составляли преобладающую массу—большинство, за ними идутъ чиновники; разночинцы составляли такое же ничтожное меньшинство, какъ и лица духовнаго званія. По *факультетамъ* они распредѣлялись такъ: 129 (въ томъ числѣ 127 студентовъ и 2 вольнослушателя) на юридическомъ факультетѣ, 97 (въ томъ числѣ 95 студентовъ и 2 вольнослушателя) на медицинскомъ факультетѣ, 79 (въ томъ числѣ 74 студента и 5 вольнослушателей) на словесномъ факультетѣ и 53 (въ томъ числѣ 37 студентовъ и 16 вольнослушателей) на физико-математическомъ факультетѣ ¹⁾.

Въ 1828 году было 254 студента, въ томъ числѣ казенно-коштныхъ 41, своекоштныхъ 174, вольнослушателей 24, приватно-слушающихъ 15 ²⁾.

Въ 1830 году было 247 студентовъ (по даннымъ Е. М. Иванова 265), которые по *сословіямъ* распредѣлялись такъ: дворянъ 131 (въ томъ числѣ 17 казенно-коштныхъ и 114 своекоштныхъ), чиновниковъ 61 (въ томъ числѣ 23 казенно-коштныхъ и 38 своекоштныхъ), разночинцевъ 38 (въ томъ числѣ казенно-коштныхъ 8, своекоштныхъ 5 и вольнослушателей 25), духовныхъ 13 (въ томъ числѣ 1 казенно-коштный и 12 своекоштныхъ), иностранцевъ 4 (въ томъ числѣ 1 казенно-коштный и 3 своекоштныхъ). Всѣхъ казенно-коштныхъ студентовъ было 50; остальные своекоштные и вольно-слушатели. По факультетамъ они распредѣлялись такъ: на юридическомъ—96, на медицинскомъ 73, словесномъ 49, физико-математическомъ—29.

Въ 1832 году въ Харьковскомъ университетѣ было 276 студентовъ (по даннымъ Е. М. Иванова, 282), которые по *сословіямъ* распредѣлялись такъ: дворянъ 127 чел., чиновниковъ 68, разночинцевъ 61, иностранцевъ 11, духовнаго званія 9 ³⁾.

Въ 1828 году принятые въ студенты молодые люди по факультетамъ распредѣлялись такъ: на этико-политическій поступило 25 своекоштныхъ и 1 вольнослушатель; на физико-математическій—2 казеннокоштныхъ, 5 своекоштныхъ и 2 вольнослушателя; на словесный—3 казенно-коштныхъ, 11 своекоштныхъ и 1 вольнослушатель; на медицинскій—2 казенно-коштныхъ, 13 своекоштныхъ и 4 вольнослушателя.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1120/63.

²⁾ Харьк. унив. арх. Д. 1829 г. № 37.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1677/99.

Итого, на этико-политическій 26 чел., на медицинскій—19, на словесный—15, на физико-математическій 9 ¹⁾.

Такимъ образомъ, по числу студентовъ факультеты тогда шли въ слѣдующемъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ стоялъ юридическій, на второмъ медицинскій, на третьемъ словесный и на четвертомъ физико-математическій.

По сословіямъ студенты распределялись такъ, что дворяне представляли наиболѣе многочисленную группу, за ними слѣдовали сыновья военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; группа разночинцевъ, лицъ духовнаго званія и иностранцевъ была не велика. Лица податныхъ сословій должны были представлять при поступленіи въ университетъ увольнительные свидѣтельства отъ своихъ обществъ. Въ 1828 году былъ, напримѣръ, принятъ въ вольнослушатели университета мѣщанинъ изъ евреевъ Александръ Моисеевичъ Юзевовичъ на основаніи увольнительнаго свидѣтельства, выданнаго ему Тульчинскимъ мѣщанскимъ обществомъ ²⁾.

Въ 1818 году само Министерство Народнаго Просвѣщенія подняло вопросъ объ увеличеніи числа казеннокоштныхъ студентовъ по медицинскому факультету, что было вызвано недостаткомъ врачей. Изъ

¹⁾ Харьк. унив. арх. Д. пом. № 1297/73.

²⁾ Чтобы дать понятіе о содержаніи такихъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, приведемъ текстъ настоящаго. «По указу Его Императорскаго Величества Подольской губ. изъ Брацлавскаго городского магистрата Брацлавскому мѣщанину изъ евреевъ Александру Клейль Моисееву сыну Юзевовичу, по поданному имъ въ магистратъ прошенію, представленному при ономъ отъ Тульчинскаго общества увольнительному свидѣтельству и учиненной съ дѣлами магистрата выравкѣ въ томъ, что сіе общество, по предпріятію его Александра Юзевовича вступить въ университетъ Россійской Имперіи для изученія медицины или въ ученое какое общество либо другой какой классъ людей, къ переходу закономъ дозволенный, не находя за нимъ никакихъ препятствій добровольно изъ своего сословія и отъ всѣхъ сопряженныхъ съ теперешнимъ званіемъ его обязанностей освободило, съ таковымъ, сходно указу 30 апр. 1822 г. ограниченіемъ, что упомянутое Тульчинское общество обязалось за него Юзевовича уплачивать до будущей ревизіи всѣ подати и отбывать повинности, ежели бы онъ прежде той ревизіи не былъ исключенъ изъ податнаго званія, по поступленіи же въ службу бездомочно и прекословно. Увольненіе сіе, если бы Александръ Юзевовичъ до будущей ревизіи не поступилъ въ какое либо ученое званіе или въ службу казенную, не будетъ имѣть далѣе затѣмъ силы и обязанъ въ такомъ разѣ подать о себѣ въ новыя ревизскія сказки. До поступленія въ ученое званіе или въ службу долженъ получать паспорта плакатные. Состоять по послѣдней 1816 года ревизіи по мѣстечку Тульчину подъ № 303 и за умертвіемъ отца своего Моисея Юзевовича почитается въ семействѣ его одною его душею, есть безпорочнаго поведенія и со стороны городского магистрата такъ же никакого законнаго препятствія не имѣется. Дано за подписомъ присутствующихъ съ приложеніемъ казенной печати въ городѣ Брацлавѣ августа 22 1828 г. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло пом. № 1281/72., стр. 62—63).

справокъ выяснилось, что до 1810 года число студентовъ медиковъ въ Харьковскомъ университетѣ было ничтожно, но съ указаннаго года стало возрастать, такъ что изъ 40 человекъ казеннокоштныхъ студентовъ и кандидатовъ медиковъ было до 20 чел. Но такъ какъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ предназначался главнымъ образомъ для подготовки учителей, то возбуждено было ходатайство объ ассигнованіи сверхъ того 6000 р. для содержанія 15 студентовъ и 5 кандидатовъ медицинскаго факультета; это ходатайство въ 1815 году было удовлетворено и эти 20 медиковъ помѣщались съ тѣхъ поръ въ особомъ наемномъ домѣ.

Медицинскій факультетъ по этому поводу сдѣлалъ представленіе объ увеличеніи числа казеннокоштныхъ студентовъ на медицинскомъ факультетѣ съ такимъ расчетомъ, чтобы ежегодно принималось ихъ по 40 чел., а въ теченіе всего 4-хъ лѣтняго курса было бы принято 160 чел. Но правленіе университета заявило, что такого числа не вмѣстятъ аудиторіи и учебновспомогательныя учрежденія, равно не найдется ни мѣста, ни средствъ на ихъ содержаніе (для этого понадобилось бы 68000 руб.) ¹⁾

Попечитель со своей стороны находилъ, что ежегодный пріемъ 40 казеннокоштныхъ студентовъ на медицинскій факультетъ окажется невозможнымъ вслѣдствіе недостаточныхъ размѣровъ университетскихъ помѣщеній; Комитетъ Министровъ утвердилъ прибавку 20 новыхъ вакансій.

Въ 1819 г. было Высочайше разрѣшено принимать въ казеннокоштные студенты медицинскаго факультета лицъ податнаго состоянія ²⁾.

Обратимся теперь къ весьма важному вопросу о занятіяхъ студентовъ и постараемся освѣтить его на основаніи мемуаровъ и документовъ давнихъ.

Извѣстный намъ проф. Венедиктовъ сообщаетъ о занятіяхъ студентовъ того времени, когда онъ самъ состоялъ въ ихъ числѣ, слѣдующія свѣдѣнія.

„Занятія студентовъ были большія и были отличныя профессора. Казеннокоштные занимались прилежно отъ Рождественскихъ праздниковъ, крѣпко занимались, да и должны были заниматься, иначе неуспѣвшаго студента могли послать приходскимъ учителемъ. Медики, впрочемъ, этого не боялись, потому что ихъ опредѣленіе зависѣло отъ медицинскаго департамента. Но при мнѣ не было случая исклю-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ Д. сов. 1819, № 30.

²⁾ Харьк. унив. архивъ Д. пом. № 538/27. Сборн. постановл. по Мин. Народ. Просв., т. 1-й, стр. 762/192.

ченія студентовъ-медиковъ, — были превосходные студенты; нѣкоторыхъ только выпускали лекарями 3-го курса. Медики раздѣлялись на 3 степени, имѣвшія значеніе при производствѣ въ чины. Изъ товарищей моихъ, медиковъ, получившихъ послѣ извѣстность, упомяну: Вас. Матв. Черняева, Ник. Ив. Еллинскаго, послѣ ректора университета, Ив. Ив. Сухомлинова, послѣ профессора химіи въ университетѣ, и другихъ. Студентъ Гнѣдичъ (братъ бывшаго тогда въ Харьковѣ протодіакона, послѣ протоіерея) былъ посланъ за границу для усовершенствованія въ хирургіи“.

Весьма важныя и любопытныя свѣдѣнія о занятіяхъ Харьковскихъ студентовъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывший студентъ Харьковскаго университета Н. Воспоминанія его относятся къ концу 20-хъ и началу 30-хъ годовъ. „Въ изученіи разныхъ предметовъ своего факультета студенты, говоритъ онъ, по большей части ограничивались профессорскими записками и лекціями. Едва ли впрочѣмъ и представлялась тогда возможность пополнять эти свѣдѣнія чѣмъ либо другимъ. Наша русская литература была въ то время весьма небогата учеными трудами. Недостатокъ ученыхъ трудовъ и изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ наукъ могли бы пополнять только произведенія иностранныхъ литературъ французской и нѣмецкой; но немногіе изъ студентовъ знали тогда оба эти языка и даже одинъ изъ нихъ на столько, чтобы свободно могли читать авторовъ. Однако были студенты, которые во все продолженіе университетскаго курса усердно и прилежно изучали иностранные языки и многіе изъ нихъ усвоили себѣ знаніе одного или нѣсколькихъ изъ нихъ. Явилось не мало охотниковъ и къ изученію восточныхъ языковъ. Я могу указать на двухъ слушателей Дорна (Унтиловъ и Тимошевскій), которые до того успѣли въ языкахъ—арабскомъ и персидскомъ, что къ концу своего курса уже довольно свободно, хотя и не безъ помощи лексикона, читали произведенія той и другой литературы. Въ трехъ факультетахъ: этико-политическомъ, словесномъ и физико-математическомъ установленъ былъ для студентовъ трехлѣтній курсъ ученія; но для медиковъ онъ продолжался 4 года, хотя послѣдній посвящался большею частію практическимъ занятіямъ въ клиникахъ университета. Лекціи въ университетѣ продолжались ежедневно отъ 8 до 12 часовъ утра (кромѣ богословія отъ 7 до 8 час.) и отъ 2-хъ до 6 час. пополудни. Перерывъ отъ 12 до 2-хъ часовъ предназначался для обѣда. Иногда лекціи сопровождались и ренетиціями пройденнаго, при чемъ полученные студентами отмытки принимались во вниманіе и на экзаменахъ. Эти послѣдніе подраздѣлялись тогда на курсовые или ежегодные и окончательные—первые для перехода въ слѣ-

дующій высшій курсъ, а вторые—по всѣмъ предметамъ факультета для полученія университетскаго атестата со степенью дѣйствительнаго студента или же кандидата. Эту послѣднюю степень получали (за отличіе) весьма немногіе изъ окончившихъ курсъ, нерѣдко одинъ или два; а если ихъ оказывалось три или болѣе, то такой курсъ считался уже примѣрнымъ. Выпущенные изъ университета дѣйствительными студентами могли получить степень кандидата не ранѣе года, но не иначе, какъ представивъ предварительно диссертацию и выдержавъ вновь экзаменъ по всѣмъ предметамъ своего факультета. Въ университетѣ желающіе могли обучаться также и изящнымъ искусствамъ подъ руководствомъ особыхъ учителей, пользовавшихся тогда правомъ службы, изъ нихъ Ф. Ф. Репнинъ обучалъ рисованію, И. А. Лозинскій и А. М. Витковскій музыкѣ и И. В. Строцкій—танцамъ. Два раза лекціи въ университетѣ приостанавливались по такой причинѣ, надъ которою, пожалуй, и посмѣются въ настоящее время. Такіе перерывы случались обыкновенно во время весенней и осенней распутицы, когда немощенные улицы Харькова покрывались глубокою и непроходимую грязью. Въ ней пѣшеходы теряли свои калоши и съ ногъ до головы были обрызгиваемы колесами ѣдущихъ экипажей. Въ такую пору студентамъ объявляли, что лекціи прекращаются впродъ до перваго мороза; но часто эти грязные каникулы продолжались отъ одной до двухъ недѣль.

Весьма любопытныя свѣдѣнія о харьковскихъ студентахъ половины 30-хъ годовъ сообщаетъ по своимъ личнымъ воспоминаніямъ и впечатлѣніямъ бывшій студентомъ въ Харьковскомъ университетѣ Н. И. Костомаровъ. „О характерѣ студентской корпораціи того времени можно замѣтить, говоритъ онъ, что она не имѣла крѣпкой солидарности; кромѣ слушанія лекцій не было между студентами взаимныхъ интересовъ и потому не на чемъ было образоваться связи, которая бы привязывала каждаго ко всему кругу товарищей, по принадлежности его къ студенческому званію. Студенты знакомились и дружились между собою по случаю или по особымъ личнымъ сочувствіямъ и потому можно было пробыть въ университетѣ нѣсколько лѣтъ сряду и не быть знакомымъ съ товарищами одного курса; не говорю уже о студентахъ разныхъ факультетовъ, между которыми не было даже единенія по поводу лекцій. Во все время своего студенчества и я мало сближался съ товарищами, хотя съ тѣми, съ которыми случай доставилъ возможность быть знакомымъ, находился въ хорошихъ отношеніяхъ. Тогдашнихъ студентовъ, по ихъ склонностямъ и развитію, можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) сынки богатыхъ родителей, обыкновенно помѣщенные ими у профессоровъ и отличавшіеся франтовствомъ и ша-

лопайствомъ; вся цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какими бы то ни было средствами, хотя бы и недостойными, получить въ свое время дипломъ на степень кандидата или дѣйствительнаго студента; при господствовавшей издавна продажности въ Харьковскомъ университетѣ, это было не трудно; профессоры были снисходительны къ пансіонерамъ своихъ товарищей, такъ какъ у нихъ самихъ были пансіонеры, нуждавшіеся въ протекціи. Manus manum lavat (рука руку моетъ), говаривали они по этому поводу. Проболатавшись три года въ Харьковѣ, батюшкинъ или матушкинъ сыночекъ получалъ ученую степень, дававшую право на классный чинъ и потомъ уѣзжалъ въ родительскую берлогу и выхлопывалъ себѣ какую нибудь номинальную должность, напримѣръ, почетнаго смотрителя училищъ, либо депутата въ дворянскомъ собраніи, или что нибудь подобное, чѣмъ, какъ извѣстно, была обильна наша старая Русь матушка, иногда же вступалъ въ военную службу, дѣлался адъютантомъ у какого нибудь генерала, а, послуживши нѣсколько, удалялся въ свое имѣніе. 2) Молодые люди, видѣвшіе впереди для себя цѣлью службу; они до извѣстной степени учились порядочно, но прямой любви къ наукѣ у нихъ было мало. Кромѣ медиковъ, которые естественно шли своею дорогою, сюда слѣдуетъ причислить всѣхъ тѣхъ, которые по окончаніи курса шли въ гражданскую службу и стремились въ Петербургъ, который для нихъ былъ, такъ сказать, обѣтованною землею; Харьковскій университетъ доставлялъ большой контингентъ всякимъ канцеляріямъ и департаментамъ. 3) Молодые люди, дѣйствительно занимавшіеся наукою съ любовью: изъ нихъ, особенно изъ казеннокоштныхъ, набирались учителя гимназій. Этого рода студенты были, такъ сказать, интеллигенціей университета. Въ тѣ времена между ними господствовала наклонность къ идеализму и въ большой модѣ было заниматься философіей. Успѣвшіе познакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, съ жадностью читали нѣмецкихъ философовъ, хотя по темнотѣ послѣднихъ не всегда ясно постигали читаемое и увлекались во всевозможные произвольные толкованія и системы. Наконецъ 4) люди не настолько богатые, чтобы помѣщаться у профессоровъ и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы успѣшно заниматься наукою, они жили и вели себя какъ попало; многіе предавались кутежамъ всякаго рода; иные сидѣли скромно за книгами въ уютныхъ квартирахъ, стараясь пробраться на экзаменахъ вслѣдъ за богатыми пансіонерами; ихъ судьба часто зависѣла отъ случая: иному вывозило и онъ кончалъ курсъ счастливо, другой обрѣзывался на экзаменѣ и долженъ былъ сидѣть лишній годъ на одномъ курсѣ, жалуясь на несправедливость профессоровъ, выпускавшихъ въ дѣйствительные студенты или канди-

даты профессорскихъ пансіонеровъ и строго относившихся къ тѣмъ, у кого не было протекціи. Замѣтимъ, что въ тѣ времена не было между студентами такой поражающей бѣдности, какую мы встрѣчаемъ теперь, быть можетъ, по причинѣ сравнительной дешевизны того времени ¹⁾.

Нѣкоторые изъ студентовъ Харьковскаго университета оставили воспоминанія о своемъ пребываніи въ университетѣ и эти воспоминанія даютъ намъ яркое, наглядное представленіе о типическихъ представителяхъ тогдашней студенческой среды—объ ихъ занятіяхъ, научнолитературныхъ интересахъ и т. п.

Вотъ какъ проводилъ свои студенческіе годы знаменитый впоследствии русскій историкъ Николай Ивановичъ Костомаровъ, который прежде всего описываетъ свой вступительный экзаменъ, къ которому онъ подготовился весьма добросовѣстно.

„По окончаніи курса гимназіи, говоритъ Н. И. Костомаровъ, мнѣ, 16-ти лѣтъ отъ роду, приходилось вступать въ университетъ; но тутъ то я почувствовалъ, что слабъ въ математикѣ да и при всемъ желаніи не могъ быть въ ней силенъ, когда учитель ничего не преподавалъ. Я пригласилъ для своей подготовки сосѣда, бывшаго инженера, жившагося въ то время на дочери помѣщика въ той же слободѣ. Мой новый учитель оказался вполне хорошимъ и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, занимаясь каждый день съ утра до вечера, я успѣлъ выучить почти весь курсъ того, что нужно было для вступительнаго экзамена въ университетъ. Учитель прошелъ со мною и коническія сѣченія, которыя тогда требовались.

Въ половинѣ августа 1833 года, со страхомъ и трепетомъ, я отправился въ Харьковъ съ матерью и моимъ учителемъ. Вступительный экзаменъ сошелъ какъ нельзя болѣе благополучно. Профессоръ математики Павловскій, отличавшійся, какъ о немъ говорили, большою строгостью и неснисходительностью, пропустилъ меня, записавши мнѣ хорошій баллъ. Радость моя была непомѣрная“. И такъ, на порогѣ университета молодымъ людямъ, не имѣвшимъ особой протекціи, нужно было выдержать серьезный искусъ въ видѣ вступительнаго экзамена.

Въ гимназіи Н. И. Костомаровъ не особенно успѣлъ въ древнихъ языкахъ, но въ университетѣ обратилъ на нихъ особенное вниманіе. „Въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ, говоритъ Н. И., я усиленно занялся изученіемъ языковъ, особенно латинскаго, который я очень любилъ, и вообще меня сталъ сильно привлекать античный

¹⁾ Литер. наслѣдіе, стр. 25—24.

міръ. Воображеніе мое постоянно обращалось къ Греціи и Риму, къ ихъ богамъ, героямъ, къ ихъ литературѣ и памятникамъ искусствъ. Однажды, читая Иліаду въ *подлинникъ* съ переводомъ Гнѣдича, мнѣ вздумалось разыграть въ лицахъ сцену, какъ Ахиллъ волочилъ тѣло Гектора вокругъ Эліона. Я подговорилъ своихъ товарищей, мы нашли маленькую повозочку, на которой няньки возили дѣтей Сокальскаго, я уприсилъ привязать меня за ноги къ этой повозочкѣ, одинъ изъ моихъ товарищей сталъ играть роль Ахилла и потащилъ меня внизъ по деревянной лѣстницѣ флигеля, гдѣ мы жили, а двое другихъ, покрывши головы по женски, стали на террасѣ того же флигеля и представляли Гекубу и Андромеху. Меня поволокли съ лѣстницы по двору. Стукъ, гамъ и крикъ дошли до ушей Сокальскаго, который въ то время сидѣлъ съ гостями; онъ выбѣжалъ на дворъ, за нимъ—его гости, профессеры, бывшіе у него. Увидавши неожиданную сцену, Сокальскій сначала принялъ суровый менторскій тонъ, но потомъ, узнавши, въ чемъ дѣло, не вытерпѣлъ и захохоталъ во все горло. За нимъ начали смѣяться и его гости. Меня развязали и замѣтили, что голова моя была въ крови, какъ впрочемъ и слѣдовало по Иліадѣ, гдѣ говорится:

... Глава Пріаида,

Прежде прекрасная, бьется во прахъ...

Когда послѣ того мы пошли къ нему обѣдать, онъ во все продолженіе стола, глядя на меня, не могъ удержаться отъ смѣха и говорилъ своимъ домашнимъ: „вотъ угостили меня! Дали возможность по-видать древность въ лицахъ!“.

Попечитель Филатьевъ оставилъ Харьковъ, не утвердивъ своею подписью списка лицъ, выдержавшихъ вступительный экзаменъ и зачисленныхъ въ студенты. Въ числѣ этихъ неутвержденныхъ былъ и Н. И. Костомаровъ. Имъ, такимъ образомъ, нельзя было ни слушать лекцій, ни держать переходнаго экзамена. Въ виду этого незадолго до Пасхи Н. И. Костомаровъ уѣхалъ въ деревню къ матери и съумѣлъ прекрасно и разумно воспользоваться своимъ деревенскимъ досугомъ. „Никогда въ жизни, пишетъ онъ, я до такой степени не сближался съ сельскою природою, какъ въ это время, тѣмъ болѣе что со времени смерти моего отца никогда не жилъ въ деревнѣ въ весенніе мѣсяцы и въ началѣ лѣта. Меня занимала каждая травка, каждый цвѣтокъ, каждая птичка и букашка. Между тѣмъ въ деревнѣ я продолжалъ учиться по латыни и по французски, такъ что къ концу лѣта могъ уже свободно читать *à livre ouvert* всякія французскія книги и прочелъ въ это время *Notre Dame* Гюго, книгу, извѣстную по трудности языка, наполненную разными архаизмами. Эта книга сдѣлала на меня боль-

шое впечатлѣніе; я полюбилъ ея автора и принялся жадно за чтеніе другихъ его сочиненій. Въ августѣ я отправился въ Харьковъ. Тамъ былъ уже новый попечитель графъ Головкинъ, восьмидесятилѣтній старецъ, прошедшій жизнь заграницей и объяснявшійся по русски очень плохо. Первымъ его дѣломъ по вступленіи было утвердить всѣхъ неутвержденныхъ его предшественникомъ студентовъ. Намъ позволили держать экзаменъ и черезъ нѣсколько дней я былъ переведенъ на 2-й курсъ. Въ этотъ академическій годъ я проживалъ по прежнему у Сокальскаго, хотя уже въ другомъ домѣ, только что имъ отстроенномъ. Любовь къ латинскому языку и античному міру стала у меня охлаждать. Я съ жаромъ увлекся французскимъ языкомъ, а съ зимы началъ заниматься и италіанскимъ. Между тѣмъ мнѣ пришло желаніе взяться и за музыку; я купилъ себѣ фортепіано за 300 р. асс. и договорилъ учителя; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ желаніе къ музыкѣ стало проходить, тѣмъ болѣе что музыка требовала занятій по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ въ день, а я на то совсѣмъ не имѣлъ времени. Съ большимъ постоянствомъ я испытывалъ свои силы въ стихотворствѣ, которымъ началъ заниматься еще во время своего пребыванія въ деревнѣ, куда удалился было, оставшись неутвержденнымъ въ званіи студента. Передъ тѣмъ любимѣйшимъ занятіемъ моимъ было изученіе древнихъ авторовъ и особенно Virgilia. Я получилъ вкусъ къ античному изображенію сельской природы и писалъ на русскомъ языкѣ идиллическія стихотворенія, употреблялъ гекзаметръ, который изъ всѣхъ размѣровъ мнѣ особенно нравился. Эти первые опыты остались невпечатанными, а впослѣдствіи, увлекшись исторіей, я совершенно оставилъ стихописательство на русскомъ языкѣ¹⁾. Нѣкоторое обновленіе Харьковскаго университета, начавшееся съ новаго періода его исторіи—1835 года—и выразившееся въ приглашеніи новыхъ талантливыхъ преподавателей, имѣло рѣшительное вліяніе на Н. И. Костомарова—увлекло его на путь специально-историческихъ занятій, которымъ онъ предался со всѣмъ пыломъ своей увлекающейся натуры¹⁾.

Н. И. Костомаровъ, какъ мы видимъ, представлялъ изъ себя типъ студента, горячо преданнаго университетской наукѣ, любившаго поэзію и природу. На первыхъ курсахъ онъ увлекался нѣсколькими предметами, а въ концѣ сосредоточился на исторической наукѣ, которая сдѣлалась его призваніемъ и въ которой онъ самъ впослѣдствіи занялъ такое выдающееся мѣсто.

¹⁾ Литер. наследіе, стр. 17—22.

Другимъ типомъ тогдашняго студента является Д. Хрущовъ, который сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ въ университетѣ и о своихъ товарищахъ.

„Поступленіе въ университетъ было, конечно, важнымъ событіемъ въ моей жизни. По случаю знанія нами многихъ иностранныхъ языковъ, родители избрали намъ факультетъ философо - филологическій. Экзаменъ вступительный я выдержалъ очень хорошо, кромѣ математики, въ которой всегда былъ очень слабъ.

Въ означенномъ факультетѣ насъ было всего двѣнадцать студентовъ, изъ коихъ помню слѣдующихъ: Анисимовъ, теперешній губернаторъ Симбирскій; пара къ нему Мариновъ съ розовыми, какъ у Херувима, щеками, они всегда ходили и сидѣли на лекціяхъ вмѣстѣ; полякъ Красовскій, старше насъ всѣхъ, весьма трудолюбивый и отличный эллинистъ и латинистъ, съ длиннымъ краснымъ носомъ; Каменскій, черниговецъ, пылкой души и умный малый высокаго роста, нынѣ учитель въ Нѣжинской гимназіи, всегда пишетъ ко мнѣ, когда только узнаетъ о какомъ нибудь моемъ успѣхѣ; Иноземцевъ, братъ извѣстнаго московскаго врача, человѣкъ уже не молодой, худо учившійся въ Московскомъ университетѣ и немного лучше въ Харьковскомъ, ужасно завистливый, особенно ко мнѣ и брату за знаніе греческаго и латинскаго языковъ, съ конями онъ никакъ не могъ сладить, краснобай неумолимый, — съ присвистами въ языкѣ, серебрянными очками на вѣчно вздернутомъ съ краснымъ кончикомъ носѣ, точно уголекъ, и шинелью въ видѣ армяка изъ зеленого сукна на сѣромъ барашкѣ, всегда надѣтой лишь на одну руку, а въ другой груды книгъ и тетрадокъ; два брата Иваненковы, Воронежскіе помѣщики, изъ коихъ Николай, маленькаго роста, съ желтымъ лицомъ, прилежный на лекціяхъ, а другой Петръ, высокій, краснощекій, черноволосый, какъ его братъ, страшный враль и кутила, никогда объ ученіи недумавшій и прозванный нами гусаръ; наконецъ Бодянский, поповскій сынъ, рябой, картавый, вѣчный предметъ шутокъ и проказъ Петра Иваненка, но студентъ прилежный и всегда получавшій хорошіе баллы.

Наконецъ, кончились три года нашего учебнаго курса и наступило время выходнаго экзамена. Это было весною 1835 года.

Мнѣ въ это время было 18 лѣтъ отъ роду. Приготовиться къ этому экзамену былъ трудъ не легкій, потому что мы должны были отвѣчать на вопросы по предметамъ всѣхъ трехъ курсовъ. Трудно это было въ особенности бѣдному моему брату Павлу, здоровье коего было слабо, при отличныхъ способностяхъ ума. Онъ иногда плакалъ отъ досады, что не могъ успѣвать за собою. Я его утѣшалъ и помогалъ учить уроки.

Первый предмет на очереди была психологія, которую, какъ я выше сказалъ, читалъ намъ въ первомъ курсѣ идіотъ Гренбергъ. Мы объясняли декану нашего факультета Артемовскому, что по запискамъ Гренберга намъ готовиться и отвѣчать невозможно. Деканъ отвѣчалъ: „дѣлайте, какъ знаете, а отвѣчать должно“—вслѣдствіе чего я обратился къ В. И. Цыху и, по его совѣту, взялъ въ руководство одну книгу о психологіи. — Оказалось, что по ней можно было хорошо подготовиться на всѣ заданные намъ по этой наукѣ вопросы. Особенно трудный вопросъ былъ о томъ: въ какомъ состояніи находится душа человѣка во время сна. Вопросъ этотъ достался нѣсколькимъ студентамъ, но ни одинъ не умѣлъ на него отвѣчать и деканъ рѣшилъ отложить его въ сторону.

Студентовъ вызывали по алфавитному порядку, слѣдовательно, и я братъ мой были послѣдніе по списку. Когда пришла моя очередь, я вынулъ три билета и отвѣчалъ на три доставшіеся мнѣ вопроса совершенно удовлетворительно; но затѣмъ попросилъ позволенія отвѣчать еще сверхъ того на помянутый вопросъ о снѣ. Отвѣтъ мой былъ такъ удовлетворителенъ и на этотъ трудный вопросъ, что Артемовскій подошелъ ко мнѣ и, положивъ руку на плечо, съ любезною улыбкой сказалъ: „если вы будете отвѣчать по остальнымъ предметамъ, какъ отвѣчали по психологіи, то поздравляю васъ кандидатомъ“.

Экзамены наши кончились благополучно и блистательно. Я и братъ объявлены первыми кандидатами. Мы въ это время жили въ домѣ Ломакина, на площади, не далеко отъ университета. Всякій разъ, когда мы возвращались съ экзамена, матушка и сестра Екатерина стояли на балконѣ и ждали съ нетерпѣніемъ извѣстія, какъ кончились экзамены. Условленные между нами знаки издалека говорили имъ, что дѣло кончилось хорошо и онѣ махали къ намъ платками въ знакъ одобренія и радости.

Почтенный нашъ В. И. Цыхъ возымѣлъ на сей часъ хорошую мысль: возстановить забытый обычай, чтобы выпускные кандидаты читали публично въ университетской актовъ залѣ свои диспутации на это званіе. Распоряженіе это, разумѣется, очень понравилось намъ, молодымъ людямъ. Кромѣ русской я написалъ еще другую диссертацию на языкѣ французскомъ подъ заглавіемъ: „de la necessité des revolutions dans la vie du genre humaine“. Книга Гизо дала мнѣ эти мысли, которыя я изъяснялъ, такъ, что революціи необходимы для уничтоженія стараго, отжившаго порядка въ обществѣ и для того, чтобы новый порядокъ могъ вырасти и созрѣть. Разумѣется, я не оправдывалъ революцій кровавыхъ, но указывалъ, на основаніи примѣровъ исторіи

всемирной, неизбежность бурь и часто кровопролитія при подобныхъ событіяхъ, вслѣдствіе существовавшаго въ обществѣ насилія и необузданности человѣческихъ страстей. Стеченіе публики въ этотъ день было большое вслѣдствіе новизны этого дѣла. Были въ залѣ мои родители, родственники, знакомые обоюго пола и городскія власти. Я читалъ диссертацию съ кафедръ съ большимъ одушевленіемъ. Диссертация видимо понравилась слушателямъ и произвела выгодное для меня впечатлѣніе. Но деканъ Артемовскій ужасно испугался слова революція и еще болѣе содержанія диссертации. Когда я сошелъ съ кафедръ, онъ, въ попыткахъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и спросилъ: читалъ ли мое сочиненіе В. И. Якимовъ, которому была поручена цензура кандидатскихъ трудовъ. Я отвѣчалъ, что, вѣроятно, читалъ. Да помолчите, прошипѣлъ мнѣ на ухо блѣдный Артемовскій, едва переводя духъ, что скажутъ жандармы, что донесутъ они въ Петербургъ о воспитаніи, о мысляхъ, которыя мы здѣсь внушаемъ юношеству и т. п. Я внутренно улыбался и былъ ужасно доволенъ своимъ успѣхомъ, ибо, по выходѣ изъ зала, товарищи мои усердно меня поздравляли и дружески жали мнѣ руку. Впрочемъ дѣло не имѣло никакихъ послѣдствій ни для меня, ни для Харьковскаго университета.

Слѣдующую за симъ зиму 1836 года мы съ отцомъ и братомъ провели въ Берлинѣ, гдѣ усовершенствовались особливо въ наукахъ юридическихъ, слушая знаменитыхъ тамошнихъ профессоровъ Соважа, Ганса и другихъ. А въ январѣ 1840 года пробывъ немного въ Харьковѣ и Москвѣ, прибыли въ Петербургъ для поступленія на службу¹⁾.

Объ успѣхахъ студентовъ во время прохожденія ими курса дають понятіе вѣдомости ихъ переходныхъ испытаній.

Вотъ въ видѣ примѣра одна изъ такихъ вѣдомостей о студентахъ 1-го и 2-го курсовъ юридическаго факультета за 1831 годъ. Всего подвергалось испытанію 73 человѣка; изъ нихъ перешло на слѣдующій курсъ 39, осталось на прежнихъ 28, остальные не экзаменовались по болѣзни или потому что находились въ отпуску¹⁾.

Изъ 21 студ. и вольносл. 1-го курса словеснаго факультета было переведено на слѣдующій курсъ 10, осталось 11; на 2-мъ курсѣ изъ 15 студ. и вольнослуш. выдержало экзаменъ 13, осталось на томъ же курсѣ 2²⁾.

Въ общемъ, какъ мы видимъ, переходныя испытанія были строгія. Медицинскій факультетъ въ 1819 году проектировалъ для усиленія спеціализаціи новое распредѣленіе предметовъ; на первомъ

¹⁾ Харьк. унив. арх. Д. 1831, № 38.

²⁾ Ibidem.

курсы должны были изучаться—физика, химия, естественная история (зоология, ботаника и минералогия), первый отдел анатомии и теоретическая математика; на 2-м—высшая анатомия и физиология, патология, фармакология и фармация, судебная медицина и медицинская полиция; на 3-м терапия, хирургия и повивальное искусство; на 4-м занятия в клинических институтах по терапии, хирургии и акушерству и ветеринарная медицина. Клиники, по мнению факультета, должны были помещаться в городских больницах, ибо на факультетские клиники отпускались слишком ничтожные суммы¹⁾.

Правление указывало, что проектированное факультетом распределение курсов нарушить существующий с 1813 года порядок, по которому каждый студент, прежде чем выберет тот или иной факультет, должен в течение 2-х лет слушать *общеобразовательные предметы*, а именно, в первом году—психологию и логику, первую часть русской, латинской, немецкой и французской словесности, древнюю всемирную историю и географию, естественную историю трех царств природы, алгебру, геометрию и тригонометрию, историю, географию и статистику Российской империи; во втором году—этику, физику, новую всемирную историю, вторую часть русской, латинской, немецкой и французской словесности и аналитические функции. Заметив, что большая часть студентов относится нерадиво к этим общим курсам, совет вновь подтвердил это правило в 1818 году и сдѣлал представление об этом попечителю²⁾.

В 1827 году ректор Кронеберг представил проект экзаменов для студентов с любопытной объяснительной запиской. Нововведения Кронеберга заключались в том, что на окончательных экзаменах нужно было экзаменоваться за три года, при чем все предметы факультетского преподавания были соединены в группы и по каждой группе назначалось четыре вопроса, при чем за удовлетворительный ответ на один из них назначалась отметка—*достаточно*, за два—*хорошо*, за три—*очень хорошо*, за четыре—*превосходно*³⁾.

Студенты вольнослушатели не только неисправно посѣщали университетские лекции, но даже уѣзжали из Харькова и проживали неизвестно гдѣ. В виду этого ректор Кронеберг в 1827 г. предложил издать для них правила, запрещающія отлучки из города безъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. сов. 1819. № 30.

²⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 538/27.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1242/71.

разрѣшенія начальства подъ угрозою удаленія изъ университета. Предложеніе это было утверждено попечителемъ Перовскимъ ¹⁾.

Для развитія научныхъ занятій факультеты предлагали темы для соисканія медалей. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ темъ. Въ 1827 году физикоматематическій факультетъ предложилъ тему— „изложить явленія и теорію горѣнія“; юридическій факультетъ: 1) изложить систематически вопросъ о давности, уничтожающей преступленія по силѣ русскаго законодательства, показать ея основаніе, законное время, всѣ ли преступленія ей подвержены и ея послѣдствія; 2) изложить причины налагаемаго прещенія на расточителей чрезъ отечественное законодательство, опровергнуть мнимыя сему препятствія, кто имѣетъ власть налагать оное, его дѣйствіе и прекращеніе; 3) показать въ чемъ состоитъ единство (unitas) и различіе (differentia) нравоученія (этики) и такъ называемаго права естественнаго (политики). Къ дѣлу приложено сочиненіе о давности; оно занимаетъ 2^{1/2} писанныхъ листа; лишено ссылокъ и представляетъ изъ себя типъ разсужденія ²⁾.

Темы кандидатскихъ сочиненій были таковы, напримѣръ: 1) объ основаніи приобрѣтенія собственности давностію времени вообще и въ особенности по русскаму законодательству (студента Конисскаго); 2) о первыхъ двухъ главахъ уложенія Алексѣя Михайловича (ст. Костенецкаго); 3) о доказательствахъ въ уголовныхъ дѣлахъ (ст. Жданова).

Здѣсь кстати разсказать эпизодъ, который свидѣтельствуешь о недостаточномъ стремленіи студентовъ Харьковскаго университета къ полученію специальной ученой подготовки для занятія профессорскихъ кафедръ, хотя въ оправданіе ихъ слѣдуетъ прибавить, что все это дѣло было обставлено чрезвычайно стѣснительными, тяжкими формальностями, которыя несомнѣнно отбили охоту у многихъ откликнуться на обращенный къ нимъ призывъ.

Въ Дерптѣ былъ открытъ, какъ мы знаемъ, профессорскій институтъ для подготовки въ немъ молодыхъ людей русскаго происхожденія къ профессурѣ. Изъ Московскаго, Казанскаго и Петербургскаго университета оказалось въ 1828 г. желающихъ вступить въ институтъ и, удовлетворившихъ всѣмъ требованіямъ 21 чел. (по 7 отъ каждаго), а изъ Харьковскаго университета ни одного. Когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія государя, то онъ написалъ собственноручно на докладѣ Министра Народнаго Просвѣщенія: „довольно стыдно Харьковскому уни-

¹⁾ Харьк. ун-в. архивъ Д. поп. № 1242/71.

²⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Д. 1827 г.

верситету, что ни одного не нашлось кандидата на полезную службу¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что охотники были, но не могли удовлетворить тѣмъ строгимъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявлялись въ отношеніи подготовки по предметамъ и языкамъ, въ отношеніи нравственности и здоровья. Иные могли удовлетворить и этимъ требованіямъ, но ихъ не отпускали родители. Объ одномъ изъ аспирантовъ—студентѣ 4-го курса медицинскаго факультета Ал. Филомафитскомъ инспекторъ далъ отзывъ, что онъ склоненъ къ вольнодумству; правда онъ присо-вокупилъ при этомъ, что склонность эта у него, благодаря бдительному надзору, почти уничтожилась и не имѣетъ никакихъ вредныхъ послѣд-ствій и даже можетъ совсѣмъ истребиться²⁾. Любопытно, что отказались ѣхать въ Дерптъ всѣ кандидаты и магистры—Цыхъ, Чижевскій, Якимовъ, Золотаревъ, Складчиковъ, Ив. Соколовъ, Т. Степановъ, Спас-скій, Правичкинъ; нѣкоторые изъ нихъ впоследствии были преподава-телями Харьковскаго университета.

На вторичное послѣ Высочайшаго замѣчанія обращеніе откликну-лось 29 человекъ. Но ихъ нужно было строго проэкзаменовать и по-лучить аттестаціи объ ихъ поведеніи. А эти аттестаціи не всегда были удовлетворительны: одинъ, наприимѣръ, по отзыву инспекціи, былъ крайне самолюбивъ, нечистосердеченъ, но при надзорѣ велъ себя хорошо; другой былъ упрямъ, но при строгомъ надзорѣ велъ себя хорошо; третій былъ вспыльчивъ, но велъ себя хорошо, четвертый былъ скло-ненъ къ вевоздержанію, но при надзорѣ опять таки велъ себя хорошо. Испытаніе выдержало шестеро (трое казеннокоштныхъ и трое свое-коштныхъ)—Котельниковъ, Иноземцевъ, Садовскій, Боровиковскій, Изм. Срезневскій и Булычевъ. Эти лица дали подписку слѣдующаго содер-жанія: „я нижеподписавшійся даю Императорскому Харьковскому уни-верситету сію подписку въ томъ, что ежели я буду удостоенъ быть посланнымъ для усовершенствованія въ моихъ познаніяхъ на 3 года въ Дерптскій университетъ и на 2 года за границу на казенномъ ижди-веніи, то послѣ сего времени обязываюсь прослужить 12 лѣтъ въ уни-верситетѣ—Московскомъ, Петербургскомъ, Казанскомъ или Харьков-скомъ, считая съ того времени, когда дѣйствительно займу кафедру въ одномъ изъ этихъ университетовъ, въ удостовѣреніе чего подпи-сываюсь“. Попечитель предназначалъ Министерству Котельникова по астрономіи, Иноземцева по хирургіи, Срезневскаго по римскому праву (Срезневскому было въ то время только 16 лѣтъ). Объ этихъ шести

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1278/72.

²⁾ Ib.

студентахъ сообщались постоянные рапорты (объ ихъ успѣхахъ, здоровьи, поведеніи); ни и они не всѣ повидимому ждали съ удовольствіемъ своего отправленія въ Петербургъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется письмо ректора Кронеберга Склабовскому „Желательно было бы знать, когда ихъ потребуютъ въ Петербургъ, не мѣшало бы имъ окончить прежде полный курсъ здѣсь; нѣкоторые бы изъ нихъ подросли не только умомъ, но и тѣломъ; напримѣръ, Буличевъ, который не больше ростомъ моего 12 лѣтняго сына. Боровиковскій перемѣнилъ „право“ на „философію“; но и отъ философіи уже и отъ профессорства отказывается. Удивляюсь такому народу! Предпочитаютъ томиться всю жизнь въ тѣсномъ безвкусномъ званіи уѣзднаго учителя! Не хотятъ, не желаютъ пробудить душу свою и освободиться отъ нагубной дремоты. Удивляюсь и не понимаю“. Въ концѣ концовъ изъ этихъ 6 человекъ Совѣтъ рѣшилъ отправить только Иноземцова и Котельникова и трехъ новыхъ — канд. юр. фак. Скляревича, изучившаго политическую экономію, Ал. Филомафитскаго, избравшаго физиологію и Шрамкова (фармакологию). Ихъ рѣшено было отправить въ Петербургъ къ Министру подъ наблюденіемъ проф. Робуша. Но Скляревичъ уѣхалъ къ роднымъ въ Бѣлополье; туда былъ командированъ экзекуторъ, привезшій извѣстіе, что родители не отпускаютъ его въ Петербургъ; съ родителей рѣшено было истребовать 69 р. 60 к., истраченныхъ на поѣздку экзекутора.

Федоръ Ивановичъ Иноземцевъ (1802+1869 г.)—сынъ перса, котораго вывезъ изъ Персіи или Грузіи графъ Бутурлинъ и сдѣлалъ чиновникомъ. „Въ 1819 г. Ф. И. окончилъ курсъ въ Харьковской гимназіи казенно-коштнымъ воспитанникомъ и былъ опредѣленъ на словесный факультетъ Харьковского университета, но съ 3-го курса посланъ былъ за шалости учителемъ математики во Львовское уѣздное училище (Курской губ.). Въ 1825 году онъ отбывши службу за казенное содержаніе вышелъ въ отставку, а въ 1826 году снова поступилъ въ Харьковскій университетъ, но уже на медицинскій факультетъ. Въ 1828 году, по полученіи степени лекаря и послѣ особаго экзамена въ Академіи Наукъ былъ принятъ въ новооткрытый при Дерптскомъ университетѣ профессорскій институтъ, гдѣ подъ руководствомъ Мейера занимался преимущественно хирургіей“. Получивъ докторскую степень вмѣстѣ съ Широковымъ, Рѣдкинымъ, Невוליнымъ, Крыловымъ былъ отправленъ за границу, а въ 1835 году назначенъ профессоромъ Московскаго университета по хирургіи и директоромъ Хирургической Клиники ¹⁾. Въ 1833

¹⁾ Энци. Слов. Брокгауза.

году отправлены были въ профессорскій институтъ студенты—Гриневъ, Варвильскій, Любовскій и Ростовцовъ ¹⁾.

Казенно-коштные студенты, по окончаніи курса, должны были немедленно отслужить казнѣ 6 лѣтъ, но намъ извѣстенъ случай, когда студентъ, окончившій словесный факультетъ (Як. Башинскій), просилъ о зачисленіи его въ своекоштные студенты на медицинскій факультетъ, мотивируя это тѣмъ, что „онъ пріобрѣлъ величайшую любовь, склонность и охоту къ занятіямъ медициной и что онъ принесетъ больше пользы въ качествѣ врача, чѣмъ учителя уѣзднаго училища ²⁾“.

На юридическомъ факультетѣ окончили курсъ наукъ Александръ Хиждеу, сынъ помѣщика Бессарабской области Хотинскаго уѣзда и не былъ допущенъ къ кандидатскому экзамену. Тогда отецъ его вошелъ съ прошеніемъ къ попечителю о разрѣшеніи ему держать экзаменъ и представилъ любопытныя данныя объ усердіи своего сына. Оказывается, что онъ слушалъ лекціи и на другихъ факультетахъ; два раза получилъ медали—1-й разъ по словесному факультету, а другой по физико-математическому факультету (о питаніи растений) и отправилъ ихъ въ качествѣ благодарственной жертвы къ святой иконѣ въ церковь родительскаго селенія; написалъ два разсужденія на задачу, предложенную словеснымъ факультетомъ—о тридцатилѣтней войнѣ, но они не были приняты на конкурсъ, потому, что прошелъ срокъ; писалъ разныя статьи по части наукъ и словесности и печаталъ въ журналахъ Каченовскаго и Надеждина; нынѣ заготовилъ въ видѣ кандидатской диссертации не одно, какъ полагается, а 5 сочиненій по 5 важнѣйшимъ отдѣламъ факультетскихъ наукъ—богословскимъ, юридическимъ, политическимъ, философскимъ, на латинскомъ языкѣ и историческимъ, кои при семъ прилагаются ³⁾. Хиждеу, будучи студентомъ, написалъ на молдавскомъ языкѣ стихи по случаю заключенія мира съ турками и, не смотря на запрещеніе инспектора, прямо отправилъ ихъ на имя Мин. Нар. Просв. кн. Ливена.

Этотъ самый Хиждеу въслѣдствіи выступалъ въ качествѣ Харьковскаго писателя. Такъ, напримѣръ, ему принадлежитъ обширная статья объ украинскомъ философѣ Гр. Сав. Сковородѣ (въ „Телескопѣ“ 1835 года № 5 и 6; разборъ этой статьи напечатанъ мною въ предисловіи къ изданію сочиненій Г. С. Сковороды).

Любопытно благодарственное письмо отца его къ попечителю Червовскому, преисполненное неумѣреннo лѣстивыхъ выраженій по адресу

¹⁾ Харьк. универ. архивъ. Отчетъ за 1834-й годъ.

²⁾ Харьк. унив. арх. Д. Правл. № 2017/128.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. Поп. № 1632/95.

этого послѣдняго по случаю принятія Ал. Хиждеу въ число казенно-коштныхъ студентовъ ¹⁾).

Переходимъ теперь къ вопросу о числѣ окончившихъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ виду отсутствія въ университетскомъ архивѣ факультетскихъ дѣлъ, намъ трудно было бы дать отвѣтъ и на этотъ существенно важный вопросъ: но къ счастью среди рукописей покойнаго профессора статистики И. П. Сокальского сохранилась таблица, заключающая данныя свѣдѣнія съ 1805 по 1865 годъ. Въ первомъ томѣ своего труда я имѣлъ возможность проверить ее другими документальными данными (своднымъ отчетомъ за первые 8 лѣтъ существованія университета) и пришелъ къ убѣжденію, о точности ея цифръ за это время. Можно предполагать поэтому, что и за изучаемый нами теперь періодъ времени ея свѣдѣнія въ общемъ соотвѣствуютъ дѣйствительности, будучи основаны на официальныхъ первоисточникахъ. Мы съ своей стороны представимъ однако дополнительные свѣдѣнія и цифровыя данныя по этому вопросу, изъ коихъ будетъ видно, что цифры здѣсь значительно менѣе дѣйствительныхъ. *Въ 1815 году* окончено по этико-политическому факультету 9 душъ кандидатами, по физико-математическому 3 дѣйствительными студентами и 2 кандидатами, по словесному 3 кандидатами, по медицинскому 9 лекарями; *въ 1816 году* по этико-политическому факультету 4 кандидатами, по физико-математическому 6 дѣйств. студ. и 7 кандидатами; по словесному 5 кандидатами, по медицинскому — 4 кандидатами и 2 лекарями; *въ 1817 году*

¹⁾ Такъ какъ текстъ его характеренъ для своего времени, то приведемъ его цѣликомъ.

„Въ слѣдствіе милостиваго рѣшенія Вашего Превосходительства, сынъ мой Александръ принятъ въ Импер. университетъ на казенное содержаніе для окончательнаго образованія въ наукахъ этико-политическихъ.

Держу въ прежде всего утрудить Ваше Превосходительство пажайшимъ моимъ прошеніемъ, и чувствую теперь сугубую обязанность благодарности за милостивое пріятіе оного и благодѣтельное разрѣшеніе.

И такъ повергаюсь къ стопамъ Вашего Превосходительства съ полнымъ увѣреніемъ въ неизсякаемой признательности и съ порученіемъ всѣхъ отеческихъ правъ моихъ къ сыну. Благоволяете со свойственнымъ Вашему Превосходительству великодушіемъ, принявъ его подъ высокое свое Покровительство, располагать и дальнѣйшимъ его жребіемъ къ полезному служенію Богу, Государю и Отечеству. А сынъ мой, коему я поселилъ въ сердцѣ съ самаго юнаго возраста чувство истинной благодарности къ благодѣтелямъ, исполняя со всею точностью обязанности своего назначенія, всегда будетъ живо ощущать, что будущимъ жребіемъ своимъ виновенъ единственно великодушнымъ милостямъ Вашего Превосходительства, ибо и его отецъ, стоя уже при разверстѣхъ гроба, могу только благословить ими Благодѣтели съ тѣмъ глубочайшимъ благоговѣніемъ и совершенною преданностью, съ коимъ имѣю честь“.

по медицинскому факультету=6 кандидатами и 6 лекарями (по другимъ факультетамъ свѣдѣній нѣтъ); въ 1818 г.—по медицинскому факультету 7 лекарями (по другимъ факультетамъ свѣдѣній нѣтъ), въ 1819 году по этико-политическому отдѣленію 4 кандидатами, по физико-математическому 3 канд., по словесному 5 канд., по медицинскому—8 канд. и 10 лек.; въ 1820 г. по этико-политическому 1 канд., по словесному 4 канд., по медицинскому 6 канд. и 12 лекарями; въ 1821 году по этико-политическому 4 канд., по физико-математическому 18 дѣйств. студ., по словесному 3 канд., по медицинскому 16 лекарями; въ 1822 году—по этико-политическому 4 дѣйств. студ. и 4 канд., по физико-математическому 7 дѣйств. студ., по словесному 19 дѣйств. студ. и 8 кандидатами, по медицинскому 21 лекарями; въ 1823 году по этико-политическому 5 дѣйств. студ. и 3 канд., физико-математическому 6 дѣйств. студ., по словесному 2 дѣйств. студ. и 2 канд., по медицинскому—21 лекарями; въ 1824 году по юридическому 14 дѣйств. студ. и 4 канд., по словесному 10 дѣйств. студ. и 4 канд., физико-математическому 5 дѣйств. студ., медицинскому—3 лекарями; въ 1825 году по юридическому 26 дѣйств. студ. и 3 канд., по словесному 5 дѣйств. студ., физико-математическому 7 дѣйств. студ. и 3 канд., медицинскому—10 лекарями; въ 1826 году по юридическому 27 дѣйств. студ., словесному 13 дѣйств. студ. и 6 канд., медицинскому 22 лекарями; въ 1827 году—по юридическому 20 дѣйств. студ. и 3 канд., по словесному 14 дѣйств. студ. и 6 канд., физико-математическому 10 дѣйств. студ., медицинскому—8 лекарями; въ 1828 году—юридическому 18 дѣйств. студ. и 4 кандидатами, словесному 2 дѣйств. студ. и 5 канд., физико-математическому 8 дѣйств. студ., медицинскому 33 лекарями; въ 1829 году—словесному—9 дѣйств. студ. и 4 канд., юридическому 16 дѣйств. студ. и 7 канд., физико-математическому 1 дѣйств. студ. и 2 канд., медицинскому 10 лекарями; въ 1830 году—по словесному 5 дѣйств. студ. и 4 канд., физико-математическому 5 дѣйств. студ., юридическому 21 дѣйств. студ. и 6 канд., медицинскому 16 лекарями; въ 1831 году—по словесному 10 дѣйств. студ., 3 канд., физико-математическому 1 дѣйств. студ., юридическому 23 дѣйств. студ., 5 канд., медицинскому 25 лекарями; въ 1832 году—по словесному 6 дѣйств. студ. и 1 канд., физико-математическому 6 дѣйств. студ., юридическому 19 дѣйств. студ. и 1 канд., медицинскому 11 лекарями; въ 1833 году по словесному 12 дѣйств. студ. и 2 канд., физико-математическому 9 дѣйств. студ., юридическому 25 дѣйств. студ., медицинскому 16 лекарями; въ 1834 году—по словесному 5 дѣйств. студ. и 5 канд.; физико-математическому 7 дѣйств. студ., юридическому 13 дѣйств. студ., медицинскому 20 лекарями ¹⁾.

¹⁾ Унив. Библіотека. Отдѣленіе рукописей.

Представимъ теперь за нѣкоторые годы дополнительные свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ и кандидатахъ и назовемъ фамиліи ихъ.

Въ 1819 году было произведено въ кандидаты 12 лицъ ¹⁾: Ал. Петровъ (опредѣленъ былъ учителемъ въ Кіевскую гимназію), Ал. Склабовскій (оставленъ при университетѣ), Н. Бѣлоусовъ (опредѣленъ учителемъ въ Кіевскую гимназію), П. Сокальскій (оставленъ при университетѣ), М. Байковъ (оставленъ при университетѣ), П. Аврамовъ (опредѣленъ учителемъ въ Кіевскую гимназію), Р. Рабаконовъ (поступилъ на государственную службу), И. Майстренковъ (оставленъ при университетѣ), Т. Степановъ (оставленъ при университетѣ); *по экзамену*: Н. Мавроди (оставленъ при университетѣ), А. Дыздаревъ, (поступилъ на государственную службу), Павелъ Андріевскій (оставленъ при университетѣ). Изъ нихъ Склабовскій, Бѣлоусовъ, Петровъ, Сокальскій получили дипломы по этико-филологическому отдѣленію философскаго факультета; Байковъ, Аврамовъ, Рабаконовъ—по физико-математическому отдѣленію того же факультета; Майстренковъ, Степановъ—по юридическому. Но Министерство Народнаго Просвѣщенія признало производства Бѣлоусова, Сокальскаго, Аврамова, Рабаконова, Майстренкова и Степанова неправильными ²⁾.

Въ 1820 году произведены были въ кандидаты изъ своекоштныхъ студентовъ, *по экзамену*: Г. Шкляревичъ, А. Бабичевъ, лекторъ П. Артемовскій-Гулакъ, безъ экзамена Н. Левицкій; изъ кандидатовъ медицины въ лекаря: В. Черняевъ, І. Парпура, Н. Сараиди, И. Шевелевъ, Н. Гудимъ-Левковичъ, П. Божковскій, Д. Тарановскій, Т. Чернякъ (своекоштный); изъ студентовъ медицины въ кандидаты—И. Савинъ, Я. Скуба, И. Тимоновичъ, И. Воскобойниковъ, Е. Иноземцовъ, Ѳ. Поярковъ (своекоштный); по словесному факультету въ кандидаты были произведены изъ дѣйствительныхъ студентовъ—Н. Корсунъ, А. Карасевъ, Ст. Полницкій, по физикоматемат. факультету—Гл. Нечаевъ, Петръ Иноземцевъ; званіе дѣйствительныхъ студентовъ получило по словесному факультету тогда же 15 человекъ ³⁾.

Наши цифры вносятъ значительную поправку въ данныя, сообщаемыя рукописью И. П. Сокальскаго: въ 1820 году дѣйств. студентовъ по одному словесному факультету было 15, кандидатовъ по всѣмъ факультетамъ 15, лекарей 8, всѣхъ 38 (а не 23). Но и эта цифра еще ниже дѣйствительной, ибо не заключаетъ въ себѣ свѣдѣній объ окон-

¹⁾ По рукописи И. П. Сокальскаго также 12.

²⁾ Харьк. унив. арх. Д. Поп. № 480/24.

³⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 706/37.

чившихъ этикополитическій и математическій факультеты со степенью дѣйствительнаго студента, а ихъ было, вѣроятно, достаточно.

Въ 1826 году произведено въ лекари 27 чел., въ медико-хирурги 2, въ доктора медицины 1, въ акушеры 2, въ аптекари 1, въ провизоры 12, въ гезели 9, въ зубные лекаря 1, званіе повивальной бабки получила 1, магистра 1, кандидата 9, дѣйствительнаго студента 44. Трое получили за сочиненіе медали¹⁾.

Въ 1827 году кандидатскую степень получили слѣдующіе своекоштные студенты по юридическому факультету: И. Звѣгинцевъ, Ольденборгеръ, А. Гарнакъ, Я. Скларевичъ, С. Стипинскій, В. Чижевскій; по словесному: К. Буницкій, А. Лоскій, К. Маріъ, Ст. Беригардъ-Гельфрейхъ, С. Викулинъ, кн. В. Кейкуатовъ, степень дѣйствительнаго студента—по словесному факультету казеннокоштные—И. Боровиковскій, А. Гнилокишковъ, П. Гнилокишковъ, П. Корецкій, В. Кульчинскій, А. Виравевичъ-Водошняновъ, В. Юрьевъ; по математическому—А. Петровскій, С. Дацевичъ, О. Розовъ; своекоштные по юридическому: А. Борзенковъ, В. Бутковъ, И. Бѣлецкій, М. Добровольскій, Г. Жуковскій, Г. Зеленскій, Н. Кильхенъ, П. Кошляковъ, К. Лейковскій, П. Литевскій, П. Любарскій, О. Рерсъ, Н. Сердюковъ, В. Соколовскій, В. Перекрестовъ, Ю. Рябининъ, А. Шимковъ, Ст. Шеншинъ, Л. Максимовичъ, Н. Бушанскій, Н. Зимовскій, по математическому—Ст. Гамалѣя, А. Манжосъ, С. Панкратьевъ, А. Трипольскій, Ив. Оболенскій, А. Роберти; по словесному—Г. Добрянскій, М. Карровъ, Н. Самаржа, Я. Савицкій, А. Туранскій, В. Вознесенскій, Н. Зубчевскій, И. Данилевскій, Д. Шарановъ; по медицинскому окончившіе курсъ наукъ казеннокоштные Н. Марковъ, своекоштные—Г. Бутовичъ, В. Правицкій, В. Кригеръ, П. Шрамковъ, П. Тушневскій; вольнослушатели по математическому—Г. Горбаневъ, Ст. Бодянский; по медицинскому О. Котляровъ²⁾. Всего окончило по словесному факультету со степенью дѣйств. студента 16, кандидата—6; по этикополитическому—со степенью дѣйств. студента 21, кандидата 6; по математическому со степенью дѣйств. студента 11, медицинскому 7 со степенью лекаря. Здѣсь опять наши цифры больше цифръ рукописи И. Н. Сокальского.

Въ 1828 г. по юридическому факультету получили степень кандидата слѣдующіе своекоштные студенты—Г. Гордѣенко, И. Сливицкій, Г. Герценвицъ (3); по словесному факультету—И. Витовичъ, И. Михайловъ, Т. Стефановскій (3); дѣйств. студ. на юридическомъ факультетѣ—46 своекоштныхъ студентовъ; физикоматематическаго факультета—3

¹⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1205/67.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1210/68.

казеннокоштныхъ и 8 своекоштныхъ (11); по словесному—4 казеннокоштныхъ и 11 своекоштныхъ и 1 вольнослушатель (16), на медицинскомъ окончило курсъ 6 казеннокоштныхъ, 12 своекоштныхъ и 7 вольнослушателей (25)¹⁾, а всего 104 вмѣсто 70 рукописи И. П. Сокальскаго.

Въ 1829 году были произведены въ кандидаты по нравственно политическому факультету—Гр. Даниленко, Ор. Евецкій, Оед. Евецкій, Ал. Криворотовъ, Ник. Криворотовъ (оба представлены къ исключенію изъ податнаго состоянія), Изм. Срезневскій, Аѳ. Шнигоцкій (7); по словесному казеннокоштные—Оед. Китченковъ, Ник. Садовскій, своекоштные—Ив. Бакѣевъ, Ал. Гвоздевъ, Ив. Боровиковскій—удостоены этой степени по экзамену (5); по физикоматематическому—казеннокоштные—Як. Березницкій, Ник. Дьяченковъ (2). Званіе дѣйствительнаго студента получили по нравственно политическому факультету своекоштные—Ив. Астафьевъ, О. Батаровскій, И. Булычевъ, А. Великодцкій, П. Витовицкій—Гутовичъ. Сем. Оленичъ-Псеенко, Гр. Гнѣдичъ, Дм. Головинъ, І. Джунковскій, графъ А. Долонъ, Т. Езучевскій, Гр. Жуковъ, Д. Измайловъ, А. Лосевъ, А. Лукашевскій, К. Лыгинъ, Д. Міковичъ, А. Можневскій, А. Обозненковъ, А. Осиповъ, Ив. Росковшенковъ, Гр. Рудичъ, П. Свирскій, М. Ситенскій. И. Сушковъ, Д. Фесель, Н. Харченко, П. Чигиринцовъ, Ил. Яковлевъ, вольнослушатели—А. Василевскій, Д. Румянцевъ (31); по физикоматематическому—своекоштный Ив. Карповскій (1); по словесному казеннокоштный Ив. Мерцаловъ, своекоштные—Д. Гвоздевъ, В. Ивановъ, Филадельфъ Каразинъ, А. Михайловъ, И. Хрущовъ, А. Черезовъ, князь Анд. Шихматовъ-Ширинскій, вольнослушатель Ив. Пузинъ (9), по медицинскому получили званіе лекаря казеннокоштные—В. Киктевичъ, Н. Свѣсаревъ, П. Старосвѣтскій; своекоштные—Ив. Видинскій, С. Гринъ, О. Рындовскій, Я. Мѣдновъ. В. Непорожній, М. Митридатовъ, А. Поляковъ, М. Бѣлецкій, Я. Горбаневъ, А. Дьяковъ, Н. Лобачевскій, Д. Науменко, М. Наумовъ, Д. Томашевскій; вольнослушатели—Ив. Веребрюсовъ, В. Добѣшевскій, Ст. Мигринъ, В. Скуба, К. Логиновъ (22)²⁾; всего 77 (а не 49, какъ сказано въ рукописи И. П. Сокальскаго).

Въ 1830 году степень кандидата получили на нравственно политическомъ отдѣленіи—А. Костенецкій, М. Клобуцкій. П. Конисскій, вольнослушатель П. Хлудовъ (4); по словесному—Е. Бурковъ, А. Декарьевъ, П. Яхневичъ (3). Степень дѣйствительнаго студента получили по нравственно политическому факультету своекоштные—В. Барвинскій, І. Безрадецкій, А. Бернацкій, О. Богдановичъ, И. Богонькевичъ, И. Вознесенскій,

¹⁾ Ibid. № 1297/78.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1390/79.

И. Нельговскій, В. Гежелинскій, Н. Гежелинскій, Е. Дороговъ, П. Енко, В. Загайный, И. Канивальскій, Ст. Канивальскій, М. Ждановъ, баронъ Павелъ Фонъ-Корфъ, В. Лисевичъ, П. Муратовъ, П. Плещеевъ, П. Сафоновъ, А. Чижевскій (21); по словесному казеннокоштные—Ив. Добровольскій, М. Севастьяновичъ, Ѳ. Симоновъ; своекоштные—Н. Денисенко, А. Макаровъ (5); по физикоматематическому казеннокоштные З. Демьяновъ, Е. Шопинъ, вольнослушатель Ѳед. Кулишъ-Чинига; своекоштные—Н. Боженковъ, Г. Мигринъ (5); по медицинскому казеннокоштные—И. Леоновъ, П. Артемовскій-Гулакъ, Д. Марковъ, Ф. Джунковскій, П. Грабовскій, казеннокоштный вольнослушатель И. Коляда; своекоштные—П. Антоновичъ-Войшинъ, Я. Боженковъ, Л. Коцкевичъ, П. Протопоповъ, вольнослушатель И. Брамаренковъ (11)¹⁾; всего 49 (меньше, чѣмъ по рукописи И. П. Сокальского).

Изъ 29 державшихъ окончательный экзаменъ на юридическомъ факультетѣ въ 1830—1831 акад. году выдержало его 24 человѣка, 4 не выдержали и 1 по болѣзни не явился на экзаменъ²⁾. Вотъ фамиліи лицъ, получившихъ степень дѣйствительнаго студента: Богачевъ, Бырдинъ, Гребницкій, Дзюбинъ, Гросманъ, Дроновъ, Я. Дьяченковъ, Емельяновъ, Кефала, Калиновскій, Костенецкій, А. Марковъ, Нефедьевъ, Никитинъ, Ординскій, Петровъ, Петровскій, Рыковъ, Рукавишниковъ, Свиринъ, Слесаревъ, Шихматовъ-Ширинскій, Швецовъ, Экъ.

Изъ 16 студентовъ и вольнослушателей послѣдняго (3-го) курса словеснаго факультета въ 1830/1831 акад. году получило степень дѣйствительнаго студента 8 (Высочинъ, Ерофеевъ, Алфераки, Быковъ, Демчинскій, Науменко, Рындовскій, Лебедевъ), по отношенію къ 4-мъ рѣшено было ходатайствовать о дарованіи степени кандидата (Болотову, Тимошевскому, Утилову и Нѣмкину), четверо не выдержало испытанія.

Степень кандидата въ 1832 году получили по этико-политическому отдѣленію—Линевичъ, Лачиновъ, Стребковъ, по словесному—Славотинскій, Нѣмкинъ; дѣйствительнаго студента по этико-политическому факультету—Барсовъ, Карташевскій, Росцишевскій, Похвисневъ, Авилловъ, Тарасенковъ, Федоренко; по словесному—Касановъ, Устиновскій, Боиновскій, Корженевскій, Карпинскій, Савичъ, Тишинскій, Ступачевскій; физико-математическому—Бѣликовъ, Стояновъ³⁾.

Въ 1833 году выдержало экзаменъ на званіе дѣйствительнаго студента 25 душъ—Бутусовъ, 2 Булатовыхъ, 2 Васильевыхъ, Война, Гавевскій, Гнѣдичъ Ник., Давыдовъ, Добросельскій, Дзюбинъ, Кузьмичъ,

¹⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1550/89.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1778/103.

Николинъ, Опличко, Петровъ, Политковский, Пустовойтовъ, Рибасевъ, Романовъ, Тругортъ, Феликовъ, три Шевшинныхъ, Шиоръ, Шейдеръ ¹⁾

Въ числѣ студентовъ Харьковскаго университета былъ въ это время будущій извѣстный профессоръ и славистъ В. Григоровичъ.

Въ 1833 году совѣтъ ходатайствовалъ передъ попечителемъ о разрѣшеніи выдать аттестатъ на званіе *дѣйствительнаго студента*, студенту словеснаго отдѣленія *Виктору Григоровичу* ²⁾. Отчетъ за 1834-й годъ представляетъ намъ общую картину въ цифрахъ положенія учащихся.

Въ то время въ университетъ былъ одинъ кандидатъ (Ефремовичъ) 7 лекарей (Крыловъ, Ольховскій, Крыжановскій, Филипченко, Иванишевъ, Бурковъ и Франкъ), 4 дѣйствительныхъ студента (Высочинъ, Башинскій, Кульчинскій, Рындовскій Гр.), 6 дѣйствительныхъ студентовъ, которымъ была пріостановлена выдача аттестатовъ (Шрейдеръ, Каразинъ, 2 Шевшинныхъ, Карповъ, Николинъ), 247 студентовъ и 71 вольнослушателей, въ числѣ коихъ нѣсколько евреевъ. Православныхъ было 306, католиковъ 16, лютеранъ 11, евреевъ 3. Дворянъ 160, духовнаго званія 20, оберъ офицерскихъ дѣтей 70, изъ купцовъ 29, изъ податнаго званія 47, иностранцевъ 9, выкрещенныхъ евреевъ 1.

Казеннокоштныхъ студентовъ было 49; своекоштныхъ 287.

По факультетамъ студенты распредѣлялись такъ: на юридическомъ 88; медицинскомъ 171, словесномъ 58, физико математическомъ 19.

По поведенію студенты распредѣлялись такъ: отличнаго 53, хорошаго 244, посредственнаго 28, неодобрительнаго 4.

По успѣхамъ: отличныхъ 17, очень хорошихъ 22, хорошихъ 175, посредственныхъ 95, неодобрительныхъ и худыхъ 20.

Изъ нихъ получили образованіе; въ другихъ университетахъ 18, въ гимназіяхъ 225, въ коллегіумѣ и другихъ училищахъ 35, въ пансіонахъ 36, въ домахъ 22.

Такимъ образомъ, въ концѣ изучаемаго нами періода мы замѣчаемъ двѣ особенности: на первое мѣсто по числу студентовъ выдвинулся медицинскій факультетъ и среди студентовъ увеличилось группами лицъ, принадлежавшихъ къ податному состоянію и купечеству.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся питомцевъ Харьковскаго университета, впоследствии академикъ и знаменитый математикъ *Остроградскій* не получилъ кандидатской степени главнымъ образомъ благодаря тому, что противъ него вооружился профессоръ Дудровичъ, дѣйствовавшій впрочемъ здѣсь не столько противъ самаго Остроградскаго,

¹⁾ Ib., Д. сов. 1833 № 4.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. Правл. № 1948/128.

сколько противъ его учителя проф. Осиповскаго. Можно даже сказать, что экзаменъ Остроградскаго явился однимъ изъ поводовъ для удаленія Осиповскаго. Въ 1820 г. Дудровичъ подалъ, какъ мы знаемъ уже, на проф. Осиповскаго попечителю З. Я. Карнѣву жалобу, главнымъ содержаніемъ которой является будто бы неправильно веденный Осиповскимъ экзаменъ Остроградскаго. Дудровичъ отказался экзаменовать Остроградскаго изъ философіи, потому что онъ не ходилъ на его лекціи. За тѣмъ Дудровичъ не находилъ возможнымъ даровать степень кандидата Остроградскому ни за отличіе, ни на основаніи полученнаго имъ въ 1818 г. аттестата на степень дѣйствительнаго студента и особаго дополнительнаго кандидатскаго экзамена, потому что онъ подобно всѣмъ ученикамъ Осиповскаго не посѣщалъ лекціи богословія и философіи. Попечитель, успѣвшій уже удалить изъ университета Осиповскаго за его оппозицію противъ мистицизма, естественно, въ своемъ представленіи къ Министру освѣтилъ дѣло Остроградскаго такъ, какъ его изобразилъ Дудровичъ. „Совѣтъ университета, писалъ онъ Министру, донесъ мнѣ, что *нашелъ достойнымъ степени кандидата* студента Остроградскаго, получившаго студенческой аттестатъ въ 1818 году и выдержавшаго нынѣ кандидатское испытаніе по физико-математическому факультету. Но такъ какъ по мнѣнію члена совѣта проф. Дудровича производство студента Остроградскаго въ кандидаты не совсѣмъ сообразно съ университетскими постановленіями и предписаніями высшаго начальства, то совѣтъ и представилъ на разсмотрѣніе мое порядокъ испытанія, коему подвергался Остроградскій.

Изъ этого порядка испытанія открывается, что студентъ Остроградскій получилъ увольненіе отъ университета въ 1818 году и хотя онъ всѣхъ относящихся къ физико-математическому факультету наукъ не проходилъ, но въ выданномъ ему аттестатѣ этого не обозначено по бывшимъ безпорядкамъ прежняго университетскаго начальства (намекъ на Осиповскаго).

Затѣмъ Остроградскій явился снова въ университетъ для слушанія физики, химіи, высшей геометріи и механики и, пробывъ цѣлый годъ, въ іюнь 1820 года на публичномъ испытаніи вмѣстѣ съ прочими студентами экзаменовался, чтенія жъ по философіи и богопознанію не посѣщалъ какъ прежде, такъ и теперь. И такъ какъ Остроградскій при вторичномъ пребываніи въ университетѣ обнаружилъ хорошіе успѣхи, то бывшему ректору Осиповскому желательно было произвести его за отличіе въ кандидаты. Когда же проф. Дудровичъ мнѣніемъ своимъ такому неправильному производству воспрепятствовалъ, то Остроградскій допущенъ былъ къ испытанію на степень кандидата на основаніи § 25

положенія о производствѣ въ ученныя степени. Проф. Дудровичъ въ мнѣніи своемъ объяснилъ, что и таковое допущеніе Остроградскаго къ испытанію на степень кандидата неправильно, потому что онъ хотя и получилъ студенческий аттестатъ въ 1818 году, но окончилъ факультетскія, и то не всѣ науки въ 1820 году.

Усматривая въ таковомъ производствѣ студента Остроградскаго въ кандидаты неумѣстныя запутанности и неправильности, допущенныя прежнимъ университетскимъ начальствомъ (снова намекъ на Осиповскаго!) и признавая мнѣніе Дудровича справедливымъ, долгомъ считаю представить при этомъ выше указанный порядокъ испытанія и въ копіи студенческий аттестатъ, выданный въ 1818 году Остроградскому на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства, испрашивая начальническаго разрѣшенія, до полученія котораго предложилъ я университету не выдавать Остроградскому свидѣтельства на званіе кандидата⁴.

Министръ кн. А. Н. Голицынъ отвѣтилъ, что такъ какъ Остроградскій не выслушалъ полного университетскаго курса ни по времени, ни по учебнымъ предметамъ, то признать выданный ему въ 1818 году студенческий аттестатъ не дѣйствительнымъ и такъ какъ онъ представленъ былъ имъ въ университетъ для экзамена, то не выдавать ему его на руки и предложить ему держать новый экзаменъ и на званіе дѣйствительнаго студента, а потомъ кандидата на точномъ основаніи существующихъ постановленій¹⁾. Во всей этой прискорбной и глубоко несправедливой исторіи насъ можетъ утѣшать только то обстоятельство, что Харьковскій университетъ официально призвалъ Остроградскаго достойнымъ кандидатской степени.

Въ 1820 году Министерствомъ, по представленію попечителя З. Я. Карнѣева, было кассировано производство въ кандидатскую степень еще 5 студентовъ—Аврамова, Сокальскаго, Майстренкова, Степанова и Бѣлоусова, потому что имъ дана была эта степень безъ экзамена, а между тѣмъ они раньше уже окончили университетъ; при томъ университетъ не донесъ своевременно Министерству о выдачѣ имъ аттестатовъ. Совѣтъ сослался на 11 и 24 §§ университетскаго устава и положеніе о производствѣ въ ученныя степени, которое не запрещало такого производства, на одно изъ разрѣшеній самого Министра, но попечитель признавалъ эти ссылки неубѣдительными и Министръ согласился съ этимъ и отъ вышепоименованныхъ студентовъ были отобраны аттестаты. При семъ удобномъ случаѣ попечитель всю вину свалилъ на только что уволеннаго ректора Осиповскаго. „Главною причи-

¹⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Д. поп. № 810/44.

ною подобныхъ запутанностей, писалъ онъ, былъ бывшій ректоръ Осиповскій, который во все время своего управленія, какъ нынѣ ясно открылось, всячески старался поддерживать въ университетѣ древній безпорядокъ, при всемъ усилии моемъ искоренить его и завести постоянное и прочное устройство. Имѣя теперь добраго (?) и надежнаго помощника въ проректорѣ Джунковскомъ, который и по истинной христіанской нравственности, и по особенной дѣятельности способенъ къ ректорской должности, я надѣюсь съ благословеніемъ Божиимъ достигнуть давно желаемаго во всемъ успѣха. Министерство однако признало виновнымъ не одного бывшаго ректора, но и членовъ правленія¹⁾.

Большія непріятности не по своей винѣ пришлось испытать тѣмъ студентамъ, которые перешли изъ Московскаго университета и окончили курсъ въ Харьковскомъ—имъ не выдавали аттестатовъ.

Въ 1833 году Министръ писалъ попечителю, что, согласно съ Высочайшимъ указомъ 4-го авг. 1818 года и Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ Комитета Министровъ 14-го авг. и 4 сент. 1828 года были приняты на 2-й и 3-й курсы студенты Московскаго университета, ибо на основаніи этихъ правилъ для полученія званія дѣйствительнаго студента необходимо *пробыть въ одномъ и томъ же университетѣ не менее 3-хъ лѣтъ сряду*. Такимъ образомъ, ни время проведенное въ другомъ университетѣ, ни прерванное ученіе въ томъ же заведеніи не могутъ быть зачтены въ полный трехлѣтній курсъ. Поэтому всѣхъ этихъ лицъ необходимо будетъ продержатъ въ университетѣ три года. Совѣту университета было строжайше предписано о точномъ соблюденіи всего изложеннаго. „Вмѣстѣ съ тѣмъ и Ваше Превосходительство обязаны обращать вниманіе, чтобы существующія по учебной части правила были во вѣренномъ Вамъ университетѣ неослабно соблюдены“. Но по какой то неизвѣстной причинѣ попечитель считалъ неудобнымъ для себя представить эту бумагу университету и она не была сообщена этому послѣднему. Оказалось также, что университету не были извѣстны тѣ узаконенія, на которыя ссылался Министръ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ этихъ студентовъ успѣли благополучно выдержать экзаменъ на званіе дѣйствительнаго студента, даже поступить на службу. Въ виду этого новый попечитель гр. Головкинъ ходатайствовалъ о выдачѣ этимъ лицамъ аттестатовъ. Для разбора этого запутаннаго дѣла¹⁾ была даже организована коммиссія подъ предѣтельствомъ проф. Т. Ѳ. Степанова, которая представила попечителю свой докладъ на 104 листахъ. Министръ отказалъ въ ходатайствѣ

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просвѣщенія. 1820 г. № 22015/492.

попечителю, ссылаясь на то, что онъ не можетъ дѣлать отступленія отъ законоположеній, невѣдѣніемъ коихъ нельзя отказываться. Положеніе же молодыхъ людей, тщетно ожидавшихъ столь продолжительное время своихъ аттестатовъ и вынужденныхъ снова поступать въ университетъ на три года, было по истинѣ плачевное. Доказательствомъ этого могутъ служить сохранившіеся въ дѣлѣ письма къ попечителю жены Василія Назарьевича Каразина, его сына и студента Шрейдера. Вотъ подлинныя тексты этихъ любопытныхъ писемъ²⁾.

¹⁾ Къ довершенію путаницы помощникъ попечителя, основываясь на неясной редакціи отвѣта Министра, разрѣшилъ выдать аттестатъ одному изъ этихъ лицъ Труарту; аттестатъ этотъ отъ него былъ истребованъ обратно и замѣненъ свидѣтельствомъ.

²⁾ „Мужъ мой, писала Каразина, не рѣшается *вторично* беспокоить Васъ объ аттестатѣ сына нашего Александра, уже полтора года какъ окончившаго курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и сколько мы могли слышать—не безуспѣшно. Но простите Милостивый Государь, эту смѣлость матери, несчастной уже въ столькихъ отношеніяхъ и осужденной еще видѣть милого и достойнаго сына, лишаемымъ совершенно безвинно заслуженнаго и принадлежащаго ему по учрежденіямъ самаго Правительства аттестата, обезкураженнымъ, лишеннымъ средствъ съ выгодною вступить на службу и теряющимъ лучшія годы своей жизни. И за что все это? Никакъ не могу придумать. Развѣ это вина, что онъ слушалъ годъ лекцій въ Московскомъ университетѣ? Мы въ то время тамъ находились и мужъ мой хотѣлъ, чтобы онъ попользовался лекціями ученыхъ и искусныхъ тамошнихъ профессоровъ. Запрещенія не было переходить изъ одного университета въ другой. Потомъ, бывъ принуждены переселиться опять въ Харьковъ, взяли мы и сына туда. Ежелибъ онъ велъ себя въ Московскомъ университетѣ хотя мало не такъ какъ должно, то не приняли бы его опять въ здѣшній, гдѣ онъ слушалъ полный курсъ наукъ три года, ибо въ Московскій университетъ послѣ двухъ лѣтъ ученія здѣсь, былъ онъ однако принять на второй курсъ все потому, что мужъ мой, имѣя въ виду болѣе науки, нежели полученіе только аттестата, заставилъ его слушать лекціи втораго курса математическаго отдѣленія, которыя здѣсь уже преподаются на третьемъ курсѣ. Окончивъ этотъ третій курсъ здѣсь уже и съ похвалою, какъ я имѣла честь сказать, отказываютъ ему въ выдачѣ аттестата. Къ Вамъ, Сіятельнѣйшій Графъ, какъ къ попечителю сего заведенія, слѣдовательно, покровителю въ немъ учащихся, при томъ какъ къ справедливому и великодушному мужу, прибѣгаю съ покорнѣйшей просьбой объ оказаніи справедливости обиженному молодому человѣку. Извольте освѣдомиться о его поведеніи въ Московскомъ и здѣшнемъ университетѣ. Я слышала, что достойный нашъ профессоръ Робушъ признавъ и Вами таковымъ и много былъ обласканъ Вашимъ Сіятельствомъ. Извольте между прочимъ и у него спросить о нашемъ сынѣ; онъ былъ три года у него въ пансіонѣ и потомъ два года жилъ у него студентомъ. Онъ всегда отзывался о немъ, какъ о самомъ кроткомъ и прилежномъ молодомъ человѣкѣ. Надѣюсь, что и передъ Вами не откажется онъ дать такое свидѣтельство нашему сыну. Если изволите въ этомъ убѣдиться, то умоляю Васъ прикажите выдать немедленно аттестатъ ему, на что онъ имѣетъ тѣмъ больше права, что одному изъ его товарищей, бывшему также въ Московскомъ университетѣ и которому по этой причинѣ равнымъ образомъ отказывали въ выдачѣ аттестата, теперь уже разрѣшили выдать и выдали. Не лишайте, Сіятельнѣйшій графъ, бѣднаго молодого человѣка далѣе средствъ вступить

Справедливость требует замѣтить, что среди самихъ профессоровъ Харьковскаго университета существовало недовольство тою практикою, которая установилась относительно дарованія студентамъ разныхъ ученыхъ степеней. Это доказывается чрезвычайно дѣльною и умною запискою, внесенною по этому вопросу въ совѣтъ въ 1816 году профессоромъ Г. П. Успенскимъ.

Вотъ краткое ея резюме. По мнѣнію Успенскаго все зло происходило отъ того, что циркуляръ бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія въ службу. Ему уже 20 лѣтъ. По свойственному Вамъ великодушію избавьте несчастную мать отъ горести видѣть страдающимъ безвинно сына“ (1834).

Сынъ В. Н. Каразина Александръ писалъ.

„Пробывъ всѣ положенные три года въ Харьковскомъ университетѣ по физико-математическому отдѣленію и четвертый промежуточный въ Московскомъ, дабы воспользоваться тамошней обсерваторіею необходимою для того, чтобы съ пользою слушать астрономическія лекціи, я въ іюні мѣсяцѣ прошедшаго 1833 года выдержалъ экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ математическаго отдѣленія въ здѣшнемъ Харьковскомъ университетѣ.

На прошеніе мое о выдачѣ слѣдующаго мнѣ аттестата, поданное въ августъ мѣсяцѣ 1833 года, правленіе университета не удостоило меня никакимъ отвѣтомъ. Продавъ болѣе года, я снова утруждалъ сіе правленіе покорною моею просьбой объявить мнѣ по крайней мѣрѣ причины, по которымъ я не достоинъ получить его, и въ такомъ случаѣ возвратить мнѣ документы, представленные мною при вступленіи въ университетъ, дабы я могъ другимъ путемъ вступить въ службу. Но и на это правленіе не благоволило дать никакого разрѣшенія.

Наконецъ пріѣздъ Вашего Сіятельства подавъ мнѣ моему отцу, статскому совѣтнику Василю Назаровичу Каразину, утруждать Васъ, Сіятельнѣйшій графъ, просьбою разрѣшить сомнительное мое положеніе и Вы милостиво обѣщали сдѣлать распоряженіе о выдачѣ мнѣ аттестата. Успокоенный этимъ снисходительнымъ отзывомъ Вашего Сіятельства, я явился въ правленіе университета въ полной надеждѣ, что воля Ваша будетъ исполнена, но правленіе не сдѣлало еще до сихъ поръ никакого распоряженія и я нахожусь совершенно безъ всякаго вида уже два съ половиною года.

Потерявъ въ тщетномъ ожиданіи, безъ всякой пользы много времени, не зная за собой никакой вины, которая могла бы лишить меня права на полученіе аттестата, ибо правленіе университета не сдѣлало никакого разрѣшенія на двѣ моихъ почтительныхъ просьбы, я осмѣливаюсь еще разъ обратиться къ Вашему Сіятельству. Обратите милостивое вниманіе Ваше, Сіятельнѣйшій графъ, на мое затруднительное положеніе и рѣшите наконецъ мою участь“.

„Дерзость, писалъ Шрейдеръ, съ которою осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашимъ сію просьбу, недостойна была бы прощенья, если бы не увѣренность въ великихъ качествахъ души Вашей не вложила бы въ меня надежду снискать ей пріютъ въ великодушій, украшающій высокую особу Вашего Сіятельства.

Находявшись съ 1828 года въ Московскомъ университетѣ, былъ я въ 1831 году, по случаю смерти моей матери, уволенъ въ отпускъ въ городъ Тамбовъ, гдѣ по призыву задержавшей меня болѣзни и по разстроенымъ обстоятельствамъ принужденъ пробыть при малолѣтнихъ братьяхъ, лишенныхъ родителей, довольно долгое время и хотя представлялъ университетскому начальству неоднократно свидѣтельства отъ врачебной управы о болѣзни, однако по возвращеніи въ Москву долженъ былъ взять уволь-

свѣщенія нарушилъ параграфы университетскаго устава; ибо по этому циркулиру самокоштнымъ студентамъ предоставлено было право держать магистерскій экзаменъ ранѣе назначеннаго уставомъ трехъ-годичнаго срока. Еще въ 1812 году студентъ-кандидатъ словеснаго отдѣленія Гевличъ, спустя годъ послѣ полученія этой степени, подалъ просьбу о разрѣшеніи ему держать магистерскій экзаменъ, а Министръ Народнаго Просвѣщенія въ началѣ 1813 года не только разрѣшилъ ему это, но и прибавилъ, что самокоштные кандидаты могутъ до истеченія 3-хъ лѣтъ держать даже докторскій экзаменъ. Съ этого времени, говоритъ Успенскій, и начались несогласія и раздоры между нами, начались преждевременныя, всегда почти со спорами соединенныя, не говорю, пристрастныя производства. Въ это время получилъ степень доктора правъ и Дегай, не окончившій еще и приготовленія къ магистерскому экзамену. Спорили, кричали, подавали другъ противъ друга голоса, роптала здѣшняя публика, Дегай нашелъ себѣ защитниковъ и получилъ степень. Съ этого достопамятнаго дня казеннокоштные питомцы были явно принижены передъ самокоштными. Какая охота могла быть у казеннокоштныхъ къ занятіямъ, когда они напередъ знали, что какъ бы ни старались, какіе бы не обнаруживали успѣхи, но ранѣе трехъ лѣтъ имъ экзамена держать не позволятъ, между тѣмъ какъ самокоштный можетъ сдѣлаться послѣ двухлѣтняго своего пребыванія въ университетѣ кандидатомъ, а еще черезъ годъ докторомъ да еще по другому

нтельное свидѣтельство, съ конемъ и былъ принятъ въ Харьковскій университетъ и зачисленъ на третій курсъ этико-политическаго отдѣла въ началѣ 1833 года, а по экзамену въ іюнѣ мѣсяцѣ сего же года удостоенъ совѣтомъ университета степени дѣйствительнаго студента. Потеря невиннымъ образомъ въ Москвѣ, я уже благодарилъ Провидѣніе за Его ко мнѣ милости въ Харьковѣ, какъ вдругъ предписаніе высшаго начальства не выдавать намъ аттестатовъ до его разрѣшенія, какъ мы имѣли честь слышать отъ Его Превосходительства господина бывшаго полечителя, поразило меня. Ожидая тщетно этого разрѣшенія, трое изъ моихъ товарищей поступили въ военную службу, гдѣ въ аттестатахъ слишкомъ очевидной нужды имъ встрѣтиться не можетъ, тѣмъ болѣе, что двое изъ нихъ произведены въ офицерскій чинъ, четвертый—Труартъ получилъ уже его, одинъ я остаюсь единственно въ надеждѣ. Но не вида ничего и по сіе время въ продолженіе слишкомъ 20 мѣсяцевъ, я вынужденнымъ нашелся обзавести Васъ, Сіятеильйшій графъ, удостойте войти въ мое бѣдственное положеніе. Не имѣя родителей, никакого состоянія и малѣйшей поддержки, я кое-какъ влачивъ мои дни до сихъ поръ, но теперь наконецъ затрудняюсь даже въ способахъ моего существованія—только полученіе аттестата можетъ вывести меня изъ этого затрудненія. Ваше Сіятельство, взгляните со свойственною душѣ Вашей великою добротою на мое несчастіе. Великодушіе такое найдетъ отголосокъ въ мольбахъ ко Всевышнему того, который съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ и таковою же преданностью имѣлъ счастье назваться“ (1835 г.).

факультету. Когда же онъ могъ такъ быстро просвѣтиться? Это различіе принесло большой вредъ и самому университету, ибо казенно-коштные студенты стали возвращать деньги и переходить въ разрядъ своекоштныхъ, благодаря чему уменьшилось число учителей. Въ виду этого необходимо уничтожить указанное различіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить и казеннокоштнымъ, и своекоштнымъ, въ особыхъ случаяхъ—за отличіе, сокращать трехлѣтній срокъ. Особенно серьезно нужно обставить полученіе докторской степени, ибо въ Россіи она даетъ очень большія преимущества—право на штабъ-офицерскій чинъ, т. е. потомственное дворянство. Степень эту нужно давать не за переводы, а за самостоятельныя, оригинальныя работы¹⁾.

Чтобы дать понятіе о тогдашнихъ испытаніяхъ на степень кандидата, сообщимъ данныя объ одномъ изъ нихъ—именно объ экзаменѣ на словесномъ факультетѣ студента Ковалевскаго. Въ факультетъ онъ представилъ для полученія кандидатской степени сочиненіе подъ заглавіемъ, — „о дѣли нравственной философіи“. По разсмотрѣніи и одобреніи его, онъ былъ допущенъ къ устному экзамену. У проф. богословія онъ отвѣчалъ очень хорошо о законѣ вѣчномъ, естественномъ, о совѣсти, ея дѣйствіи на человѣка, о законѣ божественномъ; у проф. философіи Дудровича отвѣчалъ очень хорошо—о недостаткахъ ума касательно познавательной способности, о сужденіи, познаніи нравственного закона; у профессора русской словесности Борзенкова очень хорошо—о состояніи словесности отъ Θεοφана до Ломоносова; у профессора латинскаго языка Кронеберга отвѣчалъ очень хорошо—(перевелъ и объяснилъ 1-ю главу Цицероновой рѣчи за стихотворца Архіи), у адъюнкта всеобщей исторіи Филомафитскаго отвѣчалъ превосходно—о событіяхъ въ Европѣ во время царствованія Людовика XIV-го; у адъюнкта географіи и статистики Куницкаго отвѣчалъ очень хорошо—о владѣніяхъ англичанъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта; у него же изъ русской исторіи и географіи отвѣчалъ очень хорошо о состояніи Россіи съ 1462 по 1504 годъ и о водныхъ ея сообщеніяхъ, о ея богатствахъ и торговлѣ; у проф. Паки-де-Совиньи изъ французской словесности отвѣчалъ очень хорошо о Буало и его сочиненіяхъ. По окончаніи этого испытанія ему предложено было нѣсколько вопросовъ изъ философскихъ наукъ, которыми, по его объясненію, онъ особенно занимался и онъ выбралъ тему для письменной работы, въ присутствіи членовъ факультета—ученіе Платона о Божествѣ. И это сочиненіе по

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. Сов. 1816 г. № 10.

разсмотрѣнія было признано удовлетворительнымъ и Бовалевскому присуждена степень кандидата ¹⁾ (1821-й годъ).

Спросъ на лицъ, окончившихъ университетъ, былъ тогда очень великъ. О размѣрахъ его свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что въ 1819 г. никто изъ своекоштныхъ магистровъ, кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ Харьковскаго университета не пожелалъ занять мѣста секретаря и столоначальника при губернаторѣ Кавказской губ. ²⁾.

Для обезпеченія нѣкоторыхъ должностей государственной службы (учителей, врачей) былъ учрежденъ и корпусъ казеннокоштныхъ студентовъ, къ которымъ относились съ особымъ вниманіемъ и заботливостью.

Въ 1828 г. казеннокоштнымъ студентамъ, опредѣлявшимся въ учителя, велѣно было выдавать по 150 или по 200 р. изъ хозяйственныхъ суммъ департамента и оставлять имъ тѣ вещи, которыми они пользовались въ качествѣ казеннокоштныхъ студентовъ, хотя бы имъ и не вышелъ еще срокъ ³⁾.

Въ 1828 г. приказано было казеннокоштныхъ студентовъ, не успѣвающихъ въ наукахъ, въ случаѣ явной ихъ неспособности, исключать по истеченіи года изъ университета, съ разрѣшенія Министра, между тѣмъ какъ своекоштныхъ могъ удалять самъ попечитель... ⁴⁾ Старались расширить права и всѣхъ вообще студентовъ.

9-го іюля 1822 года Императоръ Александръ I Высочайше соизволилъ присвоить получившимъ званіе дѣйствительнаго студента 12-го класса должность, а кандидата—10-го ⁵⁾.

Въ 1834 году попечитель возбудилъ ходатайство передъ Министромъ о предоставленіи студентамъ петлицъ на мундиры. „Студенты Харьковскаго университета, писалъ онъ, благопріемъ, кротостью и послушаніемъ начальственнымъ предписаніямъ, хорошимъ своимъ и благороднымъ поведеніемъ, заслуживали и заслуживаютъ особенное вниманіе благодѣтельнаго начальства. Желая еще болѣе утвердить ихъ въ этомъ, осмѣливаюсь просить Ваше Высочайшее изсходатайствовать имъ петлицы на мундиры по примѣру прочихъ университетовъ, но съ такимъ при томъ правиломъ, чтобы студентъ получалъ право нашить петлицы не иначе, какъ пробывъ годъ въ университетѣ и будучи одобренъ въ своемъ поведеніи и нравственности инспекторомъ,

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 851/46.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 595/30.

³⁾ Харьк. унив. Архивъ. Д. поп. № 1242/71.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Харьк. унив. Архивъ. Д. поп. № 927/50.

ректоромъ, правленіемъ, оказавши на экзаменахъ успѣхъ въ наукахъ и заслуживши одобреніе отъ профессоровъ своего факультета и въ особенности декана; наоборотъ студентъ за дурной поступокъ, непослушаніе, безусиѣшность въ наукахъ можетъ быть лишень петлицы и послѣ этого никакъ уже не могъ бы получить ее вторично. Основаніемъ для этого предложенія являются слѣдующія соображенія. Молодой человѣкъ, вступившій въ университетъ и желая въ видѣ отличія носить петлицы, будетъ и вести себя гораздо осторожнѣе и болѣе прилежать къ ученію, а, получивъ ихъ, будетъ страшиться потерять на нихъ право. Часто маловажныя съ перваго взгляда вещи имѣютъ значительныя послѣдствія. Вниманіе начальства и нѣкоторыя отличія замѣтно способствуютъ поддержанію добрыхъ намѣреній и усугубляютъ дѣятельность молодого человѣка къ самоусовершенствованію. Министръ однако не призналъ своевременнымъ возбужденіе подобнаго ходатайства ¹⁾.

Особенно нужны были лица съ университетскимъ образованіемъ для занятія учительскихъ мѣстъ.

Съ 1822-го по 1829-й годъ (въ теченіе 7 лѣтъ) изъ Харьковскаго университета вышло 56 кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ, поступившихъ учителями въ гимназіи и уѣздныя училища Харьковскаго учебнаго округа; изъ нихъ учителями въ гимназіи поступило казеннокоштныхъ кандидатовъ—1, своекоштныхъ кандидатовъ 3, казеннокоштныхъ студентовъ 7, всего 11 душъ; въ училища—казеннокоштныхъ кандидатовъ 2, своекоштныхъ кандидатовъ 1, казеннокоштныхъ студентовъ 40, своекоштныхъ студентовъ 2, всего 45 человѣкъ. Такимъ образомъ, въ среднемъ поступало въ учителя по 8 человѣкъ и притомъ огромное большинство въ уѣздныя училища. Любопытно, что туда поступали не только казеннокоштные, но и своекоштные кандидаты; всѣхъ учителей изъ казеннокоштныхъ студентовъ и кандидатовъ было 50, своекоштныхъ только 6. Слѣдовательно, институтъ казеннокоштныхъ студентовъ удовлетворялъ своей цѣли—доставлялъ учительскій персоналъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, хотя, быть можетъ, и въ недостаточномъ количествѣ. Но почему такъ мало питомцевъ Харьковскаго университета поступало въ учителя гимназіи Харьковскаго учебнаго округа? Быть можетъ, это было временное явленіе, вызванное заполненіемъ учительскихъ вакансій въ гимназіяхъ въ предшествующее время и поддерживавшееся слабымъ увеличеніемъ числа гимназій. Между тѣмъ уѣздныхъ училищъ было очень много въ округѣ и они постоянно нуждались въ учителяхъ, куда и уходило значитель-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. пои. № 1955/126.

ное количество дѣйствительныхъ студентовъ, не добившихся кандидатской степени, которую въ то время получить было очень трудно.

Переходимъ теперь къ вопросу о студенческихъ организаціяхъ, въ которыхъ нашли себѣ выраженіе ихъ стремленіе къ общественно научной, благотворительной и художественной дѣятельности.

С. И. Кованько сообщаетъ, что „въ 1819 г. студенты Харьковскаго университета составили „Общество любителей отечественной словесности“, которое съ 5 генваря до первыхъ чиселъ мая 1819 года, съ вѣдѣнія и одобренія начальства, имѣло каждую недѣлю одинъ разъ свои засѣданія въ домѣ казеннокоштныхъ студентовъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ сочленовъ Ал. Склабовскаго и состояло подъ руководствомъ инспектора казеннокоштныхъ студентовъ и декана словеснаго отдѣленія Г. П. Успенскаго и профессора философіи А. И. Дудровича. Членами общества были студенты: Склабовскій (положившій основаніе этому прекрасному заведенію), И. Т. Гонорскій (братъ Разумника Тимофеевича Гонорскаго), И. Я. Золотаревъ, Н. П. Левицкій, Н. С. Петровскій, А. М. Пафнутьевъ, А. И. Карасевъ и учитель Львовскаго уѣзднаго училища Н. М. Савостьяновъ. Существованіе этого общества извѣстно по книгѣ „Труды студентовъ-любителей отечественной словесности въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ“. Но если подъ именемъ „общества“ можно разумѣть не одно только соединеніе людей, которое официально наименовало себя обществомъ, а всякое сочлененіе особъ для дѣйствія общими силами и къ общей цѣли, то Харьковское общество студентовъ-любителей отечественной словесности началось въ 1817 году и продолжалось до 1822 года включительно и въ теченіе 6 лѣтъ непрерывнаго существованія ознаменовало каждый годъ выпускомъ въ свѣтъ своихъ трудовъ ¹⁾“.

Въ 1-й главѣ настоящаго сочиненія мы уже коснулись вопроса о возникновеніи, характерѣ и судьбѣ студенческаго библейскаго сотоварищества; теперь намъ остается прибавить къ этому немного.

Идея этого общества возникла не среди самихъ студентовъ, а была навѣяна извнѣ—изъ высшихъ учебныхъ сферъ. Стоявшій во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ дѣйствовалъ на попечителя округа З. Я. Карпѣва, попечитель на проректора Джунковскаго, а этотъ послѣдній—на студентовъ. Ходатайство студентовъ объ учрежденіи сотоварищества было вызвано его призывомъ къ студентамъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ приведеннаго въ первой главѣ текста этого ходатайства.

¹⁾ Харьк. Губ. Вѣд. 1859 г. № 82.

Попечитель въ свою очередь поощрилъ и Джунковского, и Дудровича, и студентовъ въ ихъ намѣреніи, разрѣшивъ немедленно открытіе этого новаго общества. За тѣмъ начинается взаимный обмѣнъ благодарностями между попечителемъ и сотовариществомъ. Сотоварищество пишетъ попечителю.

„Высокое покровительство Вашего Превосходительства, оказанное столь торжественно студентскому Библейскому сотовариществу, преисполнило сердца всѣхъ, составляющихъ его, глубочайшею признательностью. Соизволивъ принять участіе въ спасительномъ предпріятіи студентовъ, клонящемся къ распространенію слова Божія, Ваше Превосходительство открыли тѣмъ намъ рѣдкую доброту вашего сердца, показали важность предпріятого нами и вмѣстѣ съ тѣмъ усугубили силы наши къ достиженію предположенной мечты. Исполненные священныхъ чувствъ благодарности, мы въ первомъ засѣданіи нашемъ, происходившемъ 9 іюня сего года, въ присутствіи ректора университета, статскаго совѣтника и кавалера В. Я. Джунковского и инспектора казеннокоштныхъ студентовъ Андрея Ивановича Дудровича, первымъ священнѣйшимъ долгомъ поставили изъяснить глубочайшую признательность студентскаго Библейскаго сотоварищества Вашему Превосходительству, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ члену и высокому Покровителю его, ибо понимаемъ ваше рѣшеніе представить намъ изъ числа книгъ, пожертвованныхъ извѣстными ревнителями слова Божія пасторами Патерсономъ и Гендерсономъ одинъ экземпляръ Новаго Завѣта съ дѣянїями и 10 первыми посланїями апостольскими на славянскомъ и руссїйскомъ языкахъ. Чувствуемъ въ полной мѣрѣ, сколь слабо наше приношеніе въ сравненіи съ чувствами нашихъ сердецъ, но мы рѣшились лучше обнаружить ихъ по возможности, нежели, оставаясь безмолвными, дать другимъ справедливое право упрекать насъ въ нечувствительности. Примите, Ваше Превосходительство, со свойственнымъ Вамъ снисхожденіемъ, сей первый даръ, приносимый студентскимъ Библейскимъ сотовариществомъ, чувствующимъ въ полной мѣрѣ важность мѣста, на которое вы своимъ соучастіемъ оное поставили; ибо, благоволивъ участвовать въ нашемъ предпріятіи, Вы содѣлали цѣлое отечество свидѣтелемъ съ одной стороны высокаго Вашего къ намъ довѣрія и вниманія, а съ другой непремѣнной священной обязанности нашей оправдать ихъ предъ лицомъ онаго. Молимъ Бога, да ниспошлетъ на насъ святую свою помощь дѣйствовать на спасеніе собственное и нашихъ собратій на семъ священномъ поприщѣ, дабы, одушевляясь примѣромъ Вашего Превосходительства, подъ руководствомъ благородномыслящихъ нашихъ наставниковъ, ревностнымъ участіемъ своимъ въ полной мѣрѣ заслуживающихъ

и Ваше довѣріе и нашу благодарность, содѣлались предъ взорами отечества достойными совершенно высокаго участія, коимъ почтили Ваше Превосходительство студентское Библейское сотоварищество^а.

Попечитель отвѣчаетъ на это такъ.

„Съ сердечнымъ удовольствіемъ увидѣлъ я изъ отзыва ко мнѣ студентскаго Библейскаго сотоварищества, что члены его, вступивъ на поприще столь спасительнаго дѣла, пріемлютъ твердое намѣреніе съ помощью Божіею идти на ономъ далѣе къ славѣ всесвятаго имени Іисуса Христа и къ собственной въ немъ и чрезъ него пользѣ своей и собратій своихъ. Таковой отличный подвигъ студентскаго Библейскаго сотоварищества подаетъ мнѣ пріятную надежду, что гг. студенты, стремясь къ истинному просвѣщенію, на духѣ Евангелія основанному, оправдаютъ ожиданія верховнаго начальства, а потому и поручаю Вашему Высокородію объявить имъ, что я всегда готовъ буду способствовать успѣхамъ ихъ въ дѣлѣ Божіемъ и трудящихся въ ономъ пріему въ особенное вниманіе“.

Тронутое этимъ сотоварищество сдѣлало попечителю слѣдующее донесеніе о своихъ успѣхахъ¹⁾.

„Лестное одобреніе Вашего Превосходительства, изъявленное чрезъ ректора университета студентскому Библейскому сотовариществу, исполнило сердца всѣхъ членовъ, составляющихъ его, глубочайшею признательностью. Видя новое разительное доказательство Вашего вниманія, студентское Библейское сотоварищество чувствуетъ себя тѣмъ болѣе обязаннымъ оправдать его и еще ревностнѣе дѣйствовать на семъ поприщѣ во славу имени Іисуса Христа въ собственную свою и другихъ пользу.

Исполненное сихъ чувствій, оно желаетъ, чтобы каждый шагъ его на этомъ пути спасенія былъ, такъ сказать, предъ взоромъ Вашимъ. Въ этомъ намѣреніи осмѣливается представить Вашему Превосходительству о происходившемъ въ послѣднемъ его собраніи, бывшемъ октября 23 сего года въ присутствіи ректора университета и инспекторовъ казенно-коштныхъ и своекоштныхъ студентовъ. Начало собранія открыто чтеніемъ отношенія Вашего Превосходительства на имя ректора университета, возбудившимъ живѣйшую признательность и рвеніе еще большее въ сердцахъ всѣхъ присутствовавшихъ и вновь поступившихъ членовъ сотоварищества; за этимъ читаны отношенія Слободско-Украинскаго губернатора и совѣта Харьковскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ, содержащія первое: признательность сотовариществу за пожертвованный

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 561/28.

имъ деньги въ пользу потерпѣвшихъ отъ пожара, а второе благодарность совѣта за присланную въ даръ книгу Новый Заветъ и первыя 10 посланій апостольскихъ на славянскомъ и руссiйскомъ языкѣ. Потомъ прочтенъ списокъ всѣхъ членовъ сотоварищества. По исключеніи умершихъ и выбывшихъ, вновь присоединилось болѣе 20 членовъ, пожелавшихъ принять участіе въ спасительномъ дѣлѣ сотоварищества, коимъ въ то же время роздано нѣсколько экземпляровъ воззваній. Вмѣстѣ съ новопоступившими членами и инспекторъ своекоштныхъ студентовъ профессоръ К. П. Пауловичъ пожелалъ принять на себя званіе члена. За симъ по предложенію ректора университета, согласно съ желаніемъ всѣхъ членовъ студентскаго Библейскаго сотоварищества избраны: для удобнѣйшаго отправленія и распоряженія по сотовариществу въ добавленіе къ прежнимъ, въ директоры, студентъ М. Протопоповъ, въ казначеи на мѣсто выбывшаго Сорочинскаго, студентъ Н. Дружkevичъ. Собраніе заключено рѣчью, произнесенною студентомъ Протопоповымъ: о происхожденіи Библейскихъ обществъ въ государствахъ, какъ торжественномъ знаменіи возрожденія общественной жизни въ человѣкѣ. Въ этомъ состояли дѣйствія студентскаго Библейскаго сотоварищества въ послѣднемъ его собраніи, о коихъ оно постановило непремѣннымъ долгомъ донести и симъ доносить Вашему Превосходительству, какъ члену и вмѣстѣ высокому своему Покровителю,—дѣйствія ясно свидѣтельствующія, что слово Божіе время отъ времени собственною благодатію своею дѣйствуетъ болѣе и болѣе на сердца юныя, ибо съ каждымъ новымъ собраніемъ число членовъ непрестанно увеличивается, такъ что отъ начала открытія сотоварищества по сіе время, какъ число членовъ, такъ и денегъ увеличилось вдвое“.

Но не смотря на внѣшніе успѣхи новаго общества (возрастаніе числа членовъ, членскихъ взносовъ), оно не имѣло твердой почвы для органическаго роста и развитія: юные его члены повторяли съ чужого голоса мысли о духовномъ возрожденіи въ своихъ рѣчахъ, литературныхъ опытахъ и стихотвореніяхъ, лишенныхъ искренности и художественнаго элемента,—а дѣйствительнаго внутренняго нравственнаго обновленія достигъ было гораздо труднѣе и все дѣло ограничивалось словами да изрѣдка, въ видѣ исключенія кое какими благотворительными дѣлами. Такимъ образомъ, это было зданіе, воздвигнутое на пеклѣ. Неудивительно, поэтому, что оно немедленно разрушилось, лишь только его перестали поддерживать сверху, — а это произошло, какъ мы знаемъ, при новомъ министрѣ народнаго просвѣщенія Шишковѣ, который призналъ дѣятельность Библейскихъ обществъ чрезвычайно вредною для православія и просвѣщенія и предлагалъ истреблять изъ

данныя ими книги. И въ обществѣ Харьковскомъ Библейскія сотоварищества успѣха не имѣли: Харьковскій епископъ Павелъ, какъ мы видѣли, свидѣтельствовалъ, что свѣтскія лица „терять ихъ не могутъ“, а сборъ денегъ производился духовенствомъ и то по принужденію; въ заключеніе онъ просилъ указанія, дѣйствовать ли по прежнему или иначе.

Въ ноябрѣ 1825 года студенты харьковскаго университета, черезъ адъюнкта русской словесности Склабовскаго, подали ректору прошеніе, въ которомъ изъявили желаніе составить „Общество любителей наукъ, философскій факультетъ составляющихъ“. Повечитель Е. В. Карѣевъ, разсмотрѣвъ проектъ устава этого общества, составленный адъюнктомъ Склабовскимъ, нашелъ, что его нужно назвать „Студенческимъ сотовариществомъ Общества наукъ при харьковскомъ университетѣ“, и поставить подъ непосредственное руководство и наблюденіе этого общества, которое должно будетъ разсмотрѣть его уставъ и сдѣлать на него свои замѣчанія. Съ своей же стороны, повечитель нашелъ нужнымъ, во-первыхъ, чтобы въ каждомъ засѣданіи „Сотоварищества“ попеременно присутствовалъ одинъ или два члена общества наукъ изъ его университетскихъ членовъ; во-вторыхъ, прежде открытія его поручить, кому слѣдуетъ, узнать о способностяхъ и свойствахъ студентовъ, желающихъ вступить въ члены, и допускать туда только достойнѣйшихъ, подъ отвѣтственностью директоровъ сотоварищества: въ-третьихъ, установить правило, чтобы студенты, отличавшіеся своими трудами въ сотовариществѣ, поступали въ сотрудники общества наукъ; и въ-четвертыхъ, наконецъ, чтобы болѣе состоятельные члены сотоварищества оказывали ему нѣкоторую денежную помощь для составленія библіотеки и погашенія необходимыхъ мелкихъ расходовъ.

Общество наукъ (въ составъ котораго входили, главнымъ образомъ, профессора университета), разсмотрѣвъ уставъ сотоварищества, съ своей стороны постановило—студенческаго сотоварищества къ обществу наукъ не присоединить, а поставить ему въ обязанность ежемесячно сообщать послѣднему о ходѣ своихъ занятій.

Правила студенческаго сотоварищества были въ общихъ чертахъ таковы. Оно составлялось на основаніи § 9 университетскаго устава 1804 г., предусматривавшаго образованіе при университетѣ ученыхъ обществъ для занятія словесностью и опытнымъ науками. Мотивы для его возникновенія были сформулированы такъ. „Кандидаты и студенты университета будутъ совершенствоваться въ словесности посредствомъ дружескаго безпристрастнаго разбора какъ собственныхъ, такъ и чужихъ сочиненій; общество это, познакомивъ членовъ другъ съ другомъ и показавъ

имъ одну общую цѣль, можетъ скорѣе раскрыть ихъ способности, возбудить соревнованіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія болѣе основательныхъ познаній въ отечественномъ языкѣ, пріохотить къ ученымъ занятіямъ и удовольствіямъ, ими доставляемымъ, пріучить предпочитать ихъ обыкновеннымъ свѣтскимъ забавамъ, утомляющимъ чувства и оставляющимъ въ душѣ пустоту, оно можетъ доставить студентамъ особую честь и лестное одобреніе просвѣщенныхъ и благомыслящихъ людей, привыкшихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ смотрѣть на общую пользу отечества и предпочитать ее частнымъ выгодамъ. Общество намѣрено лучшія и наиболѣе обработанныя по древнимъ и новѣйшимъ образцамъ сочиненія своихъ членовъ печатать въ журналѣ, издаваемомъ университетомъ, а съ умноженіемъ числа ихъ—и отдѣльными книгами. Выручка отъ продажи этихъ изданій, а равно и всѣ суммы, которыя останутся за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ по обществу, назначаются на вспомошествованіе такихъ учениковъ уѣздныхъ училищъ и гимназій и студентовъ, которые, при недостаточности состоянія, будутъ отличатся дарованіями, успѣхами, поведеніемъ и склонностью къ наукамъ, въ особенности къ русской словесности и древнимъ языкамъ^а.

Общество должно было состоять подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и покровительствомъ попечителя округа и могло избирать еще особыхъ своихъ попечителей изъ лицъ, способствовавшихъ его благосостоянію и пользамъ. Попечители получали выписки изъ журналовъ общества, а ежегодные отчеты, сверхъ того, представлялись черезъ ректора попечителю округа, который сообщалъ о нихъ министру народнаго просвѣщенія. Члены раздѣлялись на дѣйствительныхъ, почетныхъ, сотрудниковъ, корреспондентовъ и благотворителей. Дѣйствительные члены избирались изъ студентовъ, кандидатовъ и магистровъ, какъ находившихся въ вѣдомствѣ университета, такъ и выбывшихъ изъ него, съ условіемъ, чтобы они любили русскую словесность и желали содѣйствовать задачамъ общества. Адъюнкты университета, по желанію своему, подтвержденному согласіемъ общества, могли получить званіе его дѣйствительныхъ членовъ. Избраніе производилось по предложенію одного изъ членовъ, который долженъ былъ представить оригинальное либо переводное сочиненіе кандидата или вообще доказательства его познаній въ отечественной словесности; извѣстные начальству своими дарованіями, успѣхами въ наукахъ и благоправіемъ могли приниматься и безъ этого удостовѣренія. Каждый дѣйствительный членъ обязанъ былъ ежемѣсячно представить по крайней мѣрѣ одно прозаическое или стихотворное произведеніе: лицо, не представившее въ теченіе мѣсяца никакого сочиненія и не сообщившее о своихъ занятіяхъ или не явив-

шея безъ уважительной причины въ теченіе мѣсяца въ засѣданіе общества, исключалось изъ числа членовъ его. Почетные члены не несли никакихъ особыхъ обязанностей по обществу, а могли оказывать ему пользу своими совѣтами, пожертвованіями и сочиненіями. Въ члены-сотрудники могли поступать студенты, не желавшіе принимать на себя обязанностей дѣйствительныхъ членовъ или не могшіе удовлетворять предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, а равно воспитанники гимназій и благородныхъ пансіоновъ; предполагалось, что вниманіе общества къ развивающимся талантамъ молодежи возбудитъ въ нихъ особенное усердіе къ отечественной словесности и откроетъ путь къ дальнѣйшему усовершенствованію для пользы отечества. Члены-сотрудники могли переходить въ категорію дѣйствительныхъ членовъ. Въ члены-корреспонденты могли избираться учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа. Главная ихъ обязанность должна была состоять въ присылкѣ своихъ и чужихъ трудовъ историческаго, статистическаго и экономическаго характера, касающихся Украины и вообще губерній, входящихъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа; кромѣ того, они принимали на себя заботу о распространеніи изданій общества и привлеченіи къ нему благотворителей. Члены-благотворители брали на себя обязанность дѣлать пожертвованія книгами и деньгами, такъ какъ безъ такой матеріальной помощи, какъ извѣстно, ни одно ученое общество не можетъ имѣть продолжительнаго и прочнаго существованія. Размѣръ пожертвованій не опредѣлялся. Любовь къ просвѣщенію, говорилось въ проектѣ, и благороднѣйшее желаніе оказывать необходимую помощь ищущимъ его, должны опредѣлять мѣру благотворенія, и потому всякое пожертвованіе будетъ приниматься съ благодарностью; имена благотворителей будутъ вноситься въ особую книгу для сохраненія о нихъ памяти и при изданіи трудовъ общества будутъ напечатаны съ обозначеніемъ ихъ пожертвованія; затѣмъ черезъ попечителя округа объ этомъ будетъ доводиться до свѣдѣнія министра. Предсѣдатель избирался по большинству голосовъ изъ дѣйствительныхъ членовъ общества и утверждался по представленію ректора попечителемъ округа. Кромѣ того, для большаго успѣха въ своей дѣятельности, общество избирало еще нѣсколькихъ директоровъ изъ членовъ, наиболѣе преуспѣвшихъ въ какой-либо отрасли наукъ или языкахъ. Директоры должны были руководить малоопытными членами и сотрудниками въ выборѣ темъ для сочиненій и лучшемъ изложеніи матеріала. Кромѣ того, общество избирало временнаго предсѣдателя и секретаря. Казначей принималъ денежные суммы, велъ кассовую книгу и давалъ обществу о нихъ ежемѣсячные отчеты; каждое полугодіе общество ревизовало

казначей черезъ особыхъ ревизоровъ. Библіотекарю поручалась бібліотека, которая должна была составиться частью путемъ пожертвованій, частью покупкою книгъ и періодическихъ изданій, которымъ предполагали вести подробный реестръ. Библіотекою могли пользоваться всѣ члены общества. Переписку общество имѣло право вести при посредствѣ университета.

Главная задача общества должна была состоять въ критическомъ разборѣ и изданіи оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, относящихся къ изящной словесности и словеснымъ наукамъ, а частью и къ другимъ отраслямъ знаній при условіи, чтобы они были написаны чистымъ, вразумительнымъ и пріятнымъ языкомъ, такъ какъ особенное вниманіе общество желало обращать на слогъ; на первомъ планѣ стояли произведенія русскихъ писателей и особенно поэтовъ. Засѣданій должно было быть не менѣе четырехъ въ мѣсяцъ, исключая вакаціоннаго времени,—преимущественно въ праздничные и воскресные дни. Порядокъ для разбора сочиненій предполагался такой: сперва сочинитель или переводчикъ медленно и внятно читаетъ свою работу, чтобы каждый могъ замѣтить или записать неправильности или неясности содержанія или изложенія; затѣмъ, всѣ поочередно представляютъ въ скромной и благопристойной формѣ доказательства ихъ; наконецъ, председатель собираетъ голоса, причемъ для полученія большинства требуется $\frac{2}{3}$ ихъ. Исправивъ сочиненіе, согласно сдѣланнымъ въ обществѣ замѣчаніямъ, авторъ возвращаетъ его секретарю. Въ случаѣ накопленія большого количества работъ, ихъ разсматриваетъ особый комитетъ изъ председателя, директоровъ и секретаря, сообщающій о своихъ заключеніяхъ обществу. Во время засѣданій должна быть соблюдаема строжайшая благопристойность и скромность, и потому запрещаются разговоры о дѣлахъ, не относящихся къ обществу, жаркіе споры, а въ особенности колкія слова, оскорбительныя выраженія и насмѣшки, относящіяся къ личности сочинителя. За исполненіемъ этого правила долженъ наблюдать председатель, имѣющій право, въ случаѣ надобности, закрыть засѣданіе; нарушившіе это правило, послѣ троекратнаго напоминанія, исключались изъ состава членовъ. Одинъ или два раза въ полугодіе должно быть торжественное засѣданіе, на которое приглашаются и посторонніе любители просвѣщенія.

Уставъ этотъ, какъ не трудно видѣть, имѣетъ одинъ существенный недостатокъ—излишнюю регламентацію. Едва-ли, напримѣръ, слѣдовало вносить требованіе, чтобы дѣйствительные члены общества доставляли ежемѣсячно по одному сочиненію—это требованіе было прямо-таки неисполнимо; кромѣ того, онъ отличался широтою своихъ

плановъ и программы. Но въ немъ пріятно поражаетъ насъ связь, которая устанавливалась имъ между студенческимъ и профессорскимъ обществомъ наукъ, между студентами, кандидатами, магистрами, учителями, разбѣянными въ округѣ, и профессорами. Очевидно, здѣсь нужно видѣть благотѣльное дѣйствіе университетскаго устава 1804 года, установившаго тѣсное общеніе между высшей, средней и низшей школой.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, получило ли это общество практическое осуществленіе.

Литературные вкусы студентовъ нашли себѣ выраженіе въ организаціи кружка любителей сценическаго искусства среди студентовъ, дававшихъ представленія въ 1814 и 1815 годахъ, какъ это видно изъ слѣдующаго официальнаго сообщенія ректора Осиповскаго Министру.

„При университетѣ нѣтъ ни театра, ни директора его: въ нѣкоторые только вакаціонные дни студенты и кандидаты казеннокоштные и нѣкоторые своекоштные просили у меня позволенія представить нѣсколько театралныхъ піесъ въ студенческой столовой залѣ для упражненія въ декламациі. Я, два раза давши имъ на это позволеніе, представлялъ о могущей быть впредь подобной просьбѣ отъ студентовъ Его Сіятельству Министру Народнаго Просвѣщенія и получилъ въ отвѣтъ, что это позволить можно съ выборомъ приличныхъ піесъ.

Для выбора піесъ истребованъ былъ отъ меня изъ полиціи каталогъ піесъ, позволенныхъ для представленія въ публичныхъ театрахъ, и отданъ студентамъ. По этому каталогу избрали они піесы сами по лицамъ, какія кто представлять брался и представляли для апробаціи инспектору казеннокоштныхъ студентовъ. Въ тотъ день, когда нужно было представлять какую піесу, давали они мнѣ знать какъ объ имѣющемъ быть представленіи, такъ и о піесѣ и я давалъ знать объ этомъ полиціи; для присутствованія при представленіи студенты приглашали сами, кромѣ университетскихъ чиновниковъ, и знакомыхъ имъ изъ дворянства и купечества. Соблюденіе внутренняго благочинія и распоряженія мѣстъ было поручено мною экзекутору университета.

Піесы, представленныя по настоящее время студентами были слѣдующія:

Въ 1814 году,

во время масленицы:

Ненависть къ людямъ и раскаяніе, Р. Кодебу.

Драма: Сидонія или жертва смерти.

Трагедія: Беверлей и послѣ балетъ.

Во время Святой недѣли:

Комедія: Награжденная справедливость;

Трагедія: Безбожный, Дмитріевскаго;

Комедія: Не все то золото, что блеститъ, а потомъ балетъ.

Въ святки:

Комедія: Эпиграмма;

Драма: Клеветники, } Коцебу;

Комедія: Суматоха, }

Комедія: Ябеда, Капниста.

Въ 1815 году,

во время масленицы:

Комедія: Скопиковы обманы, Молиера;

Комедія: Несчастіе, Коцебу и комедія: Довъ Рамудоде Калибродость¹⁾.

Сильно увлекались первые Харьковскіе студенты и литературною дѣятельностью. Первыми Харьковскими студентами были по преимуществу питомцы главнаго народнаго училища и коллегіума гдѣ на словесность было обращено особенное вниманіе. Въ университетѣ ихъ литературные вкусы получили дальнѣйшее развитіе. Русскую словесность слушали не одни словесники. Первый преподаватель этого предмета проф. И. С. Рижскій пользовался огромнымъ авторитетомъ въ глазахъ учащагося юношества. По словамъ современника-студента Розальонъ-Сошальскаго, онъ выслушивалъ сочиненія студентовъ, указывалъ на недостатки ихъ и давалъ дѣльные совѣты. Его преемникъ Ив. Евс. Срезневскій (отецъ знаменитаго слависта) и самъ пробовалъ свои силы на стихотворномъ полѣ. Его преемники Р. Т. Гонорскій, А. В. Склабовскій, И. Я. Золотаревъ, В. А. Якимовъ—всѣ печатали стихи, а нѣкоторые даже цѣлые сборники ихъ и за эти „литературные опыты“ получили право преподаванія словесности. И они, подобно Рижскому, оказывали вліяніе на развитіе литературныхъ стремленій студентовъ и на самый характеръ ихъ поэтическихъ опытовъ. Но еще сильнѣе, конечно, дѣйствовало на учащуюся молодежь непосредственное вліяніе русской литературы въ лицѣ ея тогдашнихъ представителей. Цариль еще дѣятель екатерининскаго вѣка Державинъ; послѣднимъ отголоскомъ XVIII-го вѣка являлся Шишковъ. Но они должны были уступить свое мѣсто писателямъ новаго вѣка: Карамзину, Жуковскому, Крылову, Гнѣдичу, Батюшкову, наконецъ, Пушкину. Нужно впрочемъ сознаться, что русская литература отражалась на произведеніяхъ Харь-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. сов. 1815 г. № 57.

ковскихъ студентовъ какъ бы съ нѣкоторымъ запаздываніемъ, что можно объяснить, вѣроятно, сравнительно позднимъ проникновеніемъ ея въ школу и къ ея преподавателямъ. Въ Харьковскомъ университетѣ мы не видимъ такихъ профессоровъ русской словесности, какъ наставникъ Гоголя въ Нѣжинскомъ лицѣѣ, принимавшій стихотворенія Пушкина за сочиненія лицейстовъ и безпощадно ихъ критиковавшій, но и Рижскій, и его преемники отличались консерватизмомъ и старались держаться старыхъ образцовъ. Извѣстное значеніе здѣсь имѣла также отдаленность Харькова отъ тогдашнихъ литературныхъ центровъ—Петербурга и Москвы. Но въ концѣ 20 и началѣ 30 годовъ студенты Харьковскаго университета уже зачитывались корифеями русской литературы. Студентъ этого времени Н., въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ: „любимымъ занятіемъ студентовъ, какъ прилежныхъ, такъ и самыхъ лѣнивыхъ было чтеніе періодическихъ изданій и современныхъ произведеній поэзіи и беллетристики. Изъ журналовъ всего болѣе интересовались студенты „Московскимъ телеграфомъ“, „Московскимъ телескопомъ“, и „Вѣстникомъ Европы“, въ которыхъ помѣщали свои статьи Погодинъ, Надеждинъ и Каченовскій. Наша литература и тогда уже была не бѣдна произведеніями поэтовъ и беллетристовъ, изъ которыхъ многіе не только высоко цѣнились современниками, но не утратятъ своего достоинства и для отдаленныхъ поколѣній. Наши поэты—Жуковский, Пушкинъ и Лермонтовъ (?), романисты—Загоскинъ, Лажечниковъ, Полевой, Марлинскій, наконецъ, Гоголь и многіе другіе изъ беллетристовъ того времени находили себѣ самыхъ усердныхъ поклонниковъ между студентами. Произведенія ихъ передавались изъ рукъ въ руки и увлекали своихъ читателей“. Знакомились и съ иностранной литературой. Н. И. Костомаровъ съ увлеченіемъ занимался чтеніемъ въ подлинникъ Виктора Гюго и Гомера.

Наконецъ, нѣкоторое вліяніе должна была оказать и народившаяся уже въ это время малорусская литература, нашедшая въ г. Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ такихъ талантливыхъ выразителей, какъ проф. Гулакъ-Артемовскій и Г. О. Квитка. Современникъ-пѣвчій архіерейскаго хора Пѣхотинскій—свидѣтельствуетъ, что въ его время (до начала 1813 г.) малороссійскія пѣсни царили до такой степени, что захватывали даже чистыхъ великоруссовъ. Какъ извѣстно, въ послѣдствіи, въ началѣ 30-хъ годовъ, этому увлеченію поддались Н. И. Костомаровъ и Изм. Ив. Срезневскій и на почвѣ его созданъ рядъ серьезныхъ работъ въ области малорусскаго слова и этнографіи: изъ студентовъ Харьковскаго университета выдѣлялись по литературнымъ талантамъ—Левшинъ и особенно Склабовскій.

Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ въ бытность студентомъ Харьковскаго университета составилъ и напечаталъ въ Харьковѣ въ 1816 году „Письма изъ Малороссіи“, представляющія и литературныя достоинства.

Этотъ первый опытъ внушилъ ему значительный интересъ къ путешествіямъ и географическимъ описаніямъ и онъ впоследствии приобрѣлъ извѣстность цѣлымъ рядомъ подобныхъ изданій (Истор. и стат. обзорѣе уральскихъ казаковъ, Описаніе киргизъ кайсацкихъ ордъ, Прогулка русскаго въ Помпеѣ). Былъ товарищемъ министра; въ бытность градоначальникомъ въ Одессѣ основалъ тамъ публичную библіотеку и нѣсколько училищъ.

Въ 1819 году вышли въ свѣтъ „Опыты въ стихахъ Александра Склабовскаго, Харьковъ, 1819, въ Унив. тип., 179 стр.

Этотъ сборникъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) лирическихъ стихотвореній, 2) посланій и 3) смѣси.

Всѣхъ лирическихъ стихотвореній четыре, изъ коихъ два представляютъ переводы изъ Оссіана, третье—подражаніе Рейрау, а четвертое—Пѣвецъ Творца—носитъ самостоятельный характеръ. Всѣ они проникнуты религіознымъ духомъ. Посланія посвящены друзьямъ Д. Л. Шилову (2), Н. М. Савостьянову (3), И. Я. Золотареву (1) и Щ — ну (1), и носятъ характеръ воспоминаній, изліяній, содержатъ картины природы. Въ смѣси находимъ преимущественно переводы и подражанія изъ Беркена, Карпинскаго, Нарушевича, Монкрифа, Руссо, Геддера, Берни. Одни изъ нихъ представляютъ идилліи, другіе пѣсни и романсы. Темы—ночь, утро, цвѣтокъ, рожденіе розы, зарница, ручей, умирающій лебедь.

Пѣвецъ Творца.

(Посвящается почтенному наставнику и благодѣтелю Г. П. Успенскому).

Мракъ ночи на скалахъ рѣдѣетъ;
Зарница на небѣ горитъ;
Передразсвѣтныи вѣтеръ вѣетъ,
Колеблетъ листь, потокъ струитъ;
Чуть брежжетъ свѣтъ отъ звѣздъ далекихъ;
Луна померкла—и въ глубокихъ
Долинахъ тѣни улеглись;
И край небесъ, и долъ съ холмами,
Покрывшись золота струями,
Пурпуровымъ огнемъ зажглись...

Вдали—на холмѣ возвышенномъ,
Облитомъ пламенной зарей—
Сидѣлъ въ безмолвіи священномъ
Природы сынъ—Пѣвецъ молодой,
И ясны, чувства полны, взоры
На токъ, на лугъ, на лѣсъ, на горы,
Предъ нимъ горящи, устремлялъ.
Вздохнувъ, онъ въ думу погрузился...
Вдругъ взоръ его воспламенился!..
Пѣвецъ поспѣшно лиру взялъ.

Притронулся къ струнамъ перстами—
И рокотъ вдругъ и звонъ отъ нихъ
Съ холма понесся вѣтерками...
Пѣвецъ поетъ,—но голосъ тихъ
И выраженъя чувствъ не смѣлы...
Такъ пѣсни юной Филомелы,
При встрѣчѣ первыя весны,
Пріятны, нѣжны, слуху милы,
Но робки—трелей звучныхъ силы,
Порывовъ смѣлыхъ лишены.

Есть Богъ—въ томъ сердце увѣряетъ
Меня біеніемъ своимъ;
Есть Богъ—природы гласъ вѣщаетъ:
Въ ней все живетъ, все дышетъ Имъ!
Повѣтъ ли Зефиръ прохладный;
Блеснетъ ли солнца лучъ отрадный
Небесъ съ лазурной высоты
И долъ покроетъ тонкимъ златомъ;
И воздухъ чистымъ ароматомъ
Наполнить травки и цвѣты;

Раздастся ли Перунъ, гремящій
Изъ облакъ надъ моей главой;
Польется ль дождь изъ тучъ шумящій
И наводнитъ поля собой;
Застонутъ ли лѣса дремучи,
Листъ клубомъ, прахъ, песокъ зыбучій
Съ холмовъ и съ поля илетитъ;

Вихрь облака взволнуетъ, воды—
Весь ужасъ, всѣ красы природы—
Все, все о Богѣ мнѣ гласить!

Кто жъ Богъ сей? Ты, непостижимый
Ты, воли дѣйствиємъ своей
Все сотворившій Духъ,—незримый
Для бранныхъ смертнаго очей,
Умомъ кичливыхъ необъятный,
Но сердцу чистому понятный!
Оно во всей природѣ гласъ
Твой съ тайнымъ трепетомъ внимаетъ,
И отъ любви истаетъ
Къ Тебѣ восторга въ сладкій часъ..

Воззрю ль на небо—тамъ сіянье
Отъ блеска солнца, звѣздъ, планетъ;
На землю—тихихъ водъ сверканье;
Лугъ, поле, холмы—все цвѣтетъ,—
И все, мой Богъ, Тебѣ покорно!..
Ты солнцу рекъ: огонь животворной
Питая, землю согрѣвай,
Доль украшай травой, цвѣтами,
Древа—корой, листомъ, плодами,
Изъ мрака ясный день рождай!..

Къ Н. М. Савостьянову.

(Посвящено Обществу Пріятелей).

Разлуки неизбѣженъ часъ;
Прости другъ незабвенный!
Тебя зоветь на службу гласъ
Отечества священный:
Мы всѣ равно сыны его;
Нашъ долгъ—повиноваться.
О другъ! какъ сладко для него
И съ жизнію разстаться!..
Кто мать надъ своею зрѣлъ

Покойной колыбелью;
 Кто дѣтство тихое провелъ
 Подъ отческою сѣнью;
 Кто нѣжныхъ, юношескихъ лѣтъ
 Пріятныя мечтанья,
 И просвѣщенья тихій свѣтъ,
 Надежды и желанья,
 И все—чѣмъ нашихъ дней весна,
 Какъ юными цвѣтами,
 Для насъ бываетъ убрана—
 Все раздѣлилъ съ друзьями
 Въ предѣлахъ родины святой:
 Тотъ можетъ ли прельститься
 Надеждой ложныхъ благъ пустой;
 Въ край чуждый удалиться;
 Забыть родителей, друзей,
 Родныхъ небесъ сіянье,
 Прелестный видъ луговъ, полей,
 Цвѣтовъ благоуханье;
 И блескъ журчащихъ ручейковъ,
 Зефирами струимыхъ,
 И зелень яркую холмовъ,
 Денницею златимыхъ?..
 О нѣтъ! дары страны родной
 Ему всего милѣе;
 Онъ къ нимъ привязанъ всей душой!
 Какая страсть сильнѣе
 Чистѣйшей къ родинѣ любви?
 Въ чьихъ взорахъ нѣтъ блистанья,
 Огня палящаго въ крови
 И въ сердцѣ трепетанья
 При сладкомъ имени ея?..
 О какъ въ сіе мгновенье
 Волнуется душа моя!..
 Всесильное стремленье—
 Всю жизнь отчизнѣ посвятить—
 Меня, другъ, увлекаетъ;
 Желаніе—полезнымъ быть—
 Мой духъ воспаменяетъ!
 Счастливецъ, ты достигнуть можъ

Сей благородной меты!
 Лети жъ, куда зоветъ твой долгъ...
 Но, милой другъ! обѣты,
 Произнесенные тобой:—
 Неизмѣнять свободѣ,
 Питать огонь дружества святой,
 Послушнымъ быть природѣ,—
 Какъ счастья залогъ, храни;
 Разставшись съ друзьями,
 Себѣ и имъ не измѣни;
 Съ мірскими суетами—
 Стихией праздныхъ—не дружись;
 Наружнымъ не прельщайся:
 Подъ нимъ скрыть часто ядъ; Лансъ
 Коварныхъ удайся;
 Страшись ихъ позлащенныхъ узъ!..
 Все это ослабляетъ
 Въ насъ силу чувства, портитъ вкусъ
 И душу убиваетъ...
 Такъ! море бурное—сей свѣтъ:
 Тамъ страсти всѣ въ волненьи;
 Тамъ счастья не было и нѣтъ;
 Оно въ уединеньи...
 Какъ сладко, другъ, заботъ всѣхъ грузъ
 Съ плечъ сбросивъ,—въ часъ свободы
 Летѣть съ дарами чистыхъ Музъ
 Въ объятія природы!
 Здѣсь наше счастье живетъ;
 Здѣсь все нашъ духъ плѣняетъ;
 Все къ наслажденію зоветъ;
 Все нѣжить, восхищаетъ!
 И свѣтлый сумракъ по полямъ
 Разстелется небеснымъ:
 Ты посвятивши день трудамъ,
 Отечеству полезнымъ,
 Спѣши хоть часикъ помечтать
 Подъ зыбки рощей сѣни:—
 Тамъ будутъ надъ тобой летать
 Друзей незримы тѣни.
 Среди священной тишины,

При мѣсячномъ мерцаньи,
 Въ глухомъ стенаніи волны,
 И въ робкомъ струй журчаньи,
 И въ трепетаніи листковъ
 Висящихъ надъ тобою,
 И въ вѣяніи вѣтерковъ,—
 Растроганный душою,
 Ты сладкій ихъ услышишь гласъ...
 Грудь трепетомъ священнымъ
 Наполнится... и ты, въ тотъ часъ
 Мечтою окрыленный,
 Какъ бы могучій чародѣй.
 Воображенья силой
 Перелетишь въ страну друзей—
 Въ ихъ кругъ священной мирной...
 О другъ! чѣмъ можно замѣнить
 Минуть сихъ наслажденье?
 Съ чѣмъ можно оное сравнить?
 Пусть это заблужденье,
 Мечта!.. почтожь и не мечтать,
 Когда, борясь съ бѣдами,
 Себя намъ можно утѣшать
 Прелестными мечтами?...
 Но часъ насталь... мой другъ прости!..
 Твой спутникъ—Провидѣнье!..
 Будь счастливъ; можешь—посѣти
 Друзей въ уединеньѣ.
 Подъ сѣнью сладкой тишины
 Они живутъ безъ нужды;
 Имъ блага скудныя даны—
 И тѣ ихъ сердца чужды.
 Избытокъ благъ—для сердца ядъ...
 Посредственность святая,
 Свой взоръ на юныхъ Феба чадъ
 Съ улыбкой обращая,
 Какъ другъ, въ ихъ хижинѣ живетъ;
 И трудъ ихъ благодатный
 Отъ вредной праздности блюдетъ;
 И чистый, ароматный—
 Заботъ забвенье—Вакха даръ,

Хоть изрѣдка, блистаетъ
 На ихъ столѣ... и къ Музамъ жаръ
 Въ другихъ воспламенлетъ...
 Какъ возвратишься, другъ, нальемъ
 Мы кубокъ въ знакъ свиданья;
 Послушну музу призовемъ—
 И въ міръ очарованья,
 Презрѣвши свѣта суеты,
 Влетимъ воображеніемъ...
 Намъ вмѣсто благъ даны мечты—
 Въ нихъ наше наслажденіе!—
 Забуду ли часы безцѣнны
 Весеннихъ тихихъ вечеровъ,
 Когда съ небесъ воспламененныхъ
 Къ вершинамъ западныхъ холмовъ
 Катилось знойное свѣтило,
 И вѣтви свѣтлыхъ тополей,
 И лоно зеркальныхъ зыбей,
 И лугъ и поле золотило?—
 Мы, очарованы зарей,
 На холмѣ бархатномъ зеленомъ
 Сѣнистой ивы подъ наклономъ,
 Мечтаемъ сладостно съ тобой:
 То въ міръ фантазіи крылатой
 Летимъ, покинувъ бранный свѣтъ—
 Впереди—нашъ опытный вожатой,
 Богини вѣрный другъ, поэтъ
 Жуковский иѣжный, несравненный;
 Его мы Музой вдохновенны,
 Терялись въ дивныхъ чудесахъ,
 О коихъ онъ друзьямъ вѣщаетъ
 Въ неподражаемыхъ стихахъ,
 И всѣхъ невольно увлекаетъ
 Съ собой, какъ мощный чародѣй
 Плѣнительной игрой своей.
 Сердца въ насъ тихо трепетали;
 И міръ существенный въ тотъ часъ
 Блесталъ прекраснѣе для насъ:
 Мы наслаждались—мы мечтали!..
 Мы бродимъ тихо по кладбищу—

Тамъ обрѣтаемъ сердцу пищу—
Межъ рядомъ камней и крестовъ,
Между обломками гробовъ,
Заросшихъ мхомъ, густой крапивой.
Тамъ спитъ нашъ незабвенный другъ;
Тамъ прахъ его краснорѣчивой,
Какъ въ травкѣ вѣтерокъ, въ нашъ слухъ
Пріятно шепчетъ изъ могилы:
„Не унывайте, други милы!
Смерть не всего лишила васъ:
Я прахомъ здѣсь, но духомъ съ вами;
Не зрите вы меня очами,—
Но въ тихій полуночный часъ—
Какъ все въ природѣ умолкаетъ;
Сквозь дымный завѣсъ облаковъ,
Луна съ полнеба чуть сіяетъ;
Зефиръ на лонѣ спитъ цвѣтовъ;
И вы, обнявшись дружно съ лѣнью,
Покойтесь пріятнымъ сномъ,
Иль съ Музой на струнахъ, тишкомъ
Бряцаете—незримой тѣнью
Надъ вами, нѣжные друзья,
Хранитель нашъ—летаю я...
О други! всѣмъ бѣдамъ презрѣнье!
Здѣсь скорбь минутна; радость—лучъ;
Блеснетъ—и гаснетъ въ мракѣ тучъ...
А вѣчность—ваше назначенье!
Тамъ, сбросивши покровъ земной,
Увидитесь опять со мной...“
И мы, простясь съ его могилой,
Задумчивы идемъ домой:
Ужъ полночь намъ гласитъ унылый
На башнѣ колокола бой;
Вкругъ насъ священное молчанье;
И всюду таинственный мракъ,
Лишь дикое совы стенанье,
Крикъ пѣтеля и лай собакъ
Тревожатъ тишину полночи...
Лишь изъ-за тучи лунный свѣтъ,
Иль, вспыхнувъ, огонь цорой сверкаетъ,

Блудящій въ воздухѣ, намъ въ очи...
 Или въ саду—въ тѣни алей,
 Изъ липъ, акацій, тополей,
 Вверху соплетшихся вѣтвями,
 Гдѣ изрѣдка сверкаль златой
 Вечерній лучъ,—рука съ рукой—
 З... нашъ милый съ нами—
 Мы бродимъ, погружаясь въ мечты...
 И слышимъ, какъ древесъ листы,
 Лобзаясь съ вѣтеркомъ, трепещутъ,
 Какъ страстно въ густотѣ вѣтвей
 Журчить и стонетъ соловей;—
 И тихо съ неба звѣзды блещутъ;
 И златорогая луна,
 Въ печальный кресть облечена,
 Спѣшитъ за лѣсъ по небосклону,
 Къ уснувшему глубокимъ сномъ,
 Прелестному Эндимиону...
 То вдругъ серебристымъ облачкомъ,
 Въ тоскѣ, закроетъ ликъ печальный—
 Безъ милаго не милъ ей свѣтъ—
 То взоромъ, полнымъ слезъ, блеснетъ—
 И устремить въ потокъ кристальный...
 И мы, плѣненные мечтой,
 Какъ очарованы, стояли;
 Прощались съ блѣдною луной,
 И, какъ младенцы, лепетали
 Нескладные стихи ей въ честь—
 Безъ рѣчъ, безъ связи—какъ ни есть—
 Не въ силахъ скрыть сердечна жара...
 Иль въ зимній скучный вечерокъ,
 Сбравшись въ дружеской кружокъ,
 При тихомъ шумѣ самовара,
 При яркомъ свѣчки огонькѣ,
 Съ дрожащей чашкою въ рукѣ,
 Читаемъ страшныя баллады:
 Вотъ надъ стремниной Громобой!..
 Вотъ пиръ... Вотъ колокола бой...
 Вотъ Асмодея грозны взгляды,
 И звукъ цѣпей, и тѣма бѣсовъ

Вокругъ съ разверстыми когтями...
 Вотъ старецъ съ свѣтлыми очами,
 Гремитъ перунъ изъ облаковъ—
 Гласъ милости и отверженья!..
 Вотъ дымъ кадилъ и ликовъ пѣвья—
 И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ...
 Вотъ спящи дѣвы—огнь ланитный
 Какъ у живыхъ;—вотъ верхъ гранитный
 Зубчатыхъ стѣнъ,—утесь у вратъ;
 И дѣвы по стѣнамъ блуждаютъ:
 Приди, Спаситель!—восклицають.
 И вотъ... чрезъ рѣки, горы къ нимъ,
 Страны полночной юный житель,
 Серебрянымъ звонкомъ водимъ,
 Летить желанный искупитель!..
 Тамъ бури свистъ и грома ревъ,
 Вой вихрей, шумъ и трескъ деревъ,—
 Гигантъ,—дѣвица подъ скалою..
 Здѣсь Кіевъ—тронъ съ княжной младою:
 Герой ничѣмъ неколебимъ!

П Ъ С Н Я.

Могу ли я забыть—о другъ мой ты мечтала,
 Что разлюбить легко впервые полюбя;
 Ты прелестей своихъ могущества не знала,
 Ни сердца моего—могуль забыть тебя?

Могу ли я забыть, когда томимъ тоскою,
 Какъ блага отъ небесъ, я ждалъ небытія;
 Ты свѣтлымъ геніемъ явилась предомвою—
 И жизнь я полюбилъ—могуль забыть тебя?

Могу ли я забыть, когда ты взоръ прелестный
 Съ стыдливой робостью склонила на меня
 И трепеть сладостный, и пламень, мнѣ безвѣстный,
 Въ грудь томную влила—могуль забыть тебя?

Могу ли я забыть, когда души въ смятеньи
 Узрѣлъ въ твоихъ очахъ жизнь нову для себя
 И голосъ ангельской услышалъ въ восхищеньи,
 Что я любимъ тобой—могуль забыть тебя?

Но будетъ время, другъ, и сердце въ прахъ истлѣтъ
 Но чувство сладкое, которое твоя
 Возжгла во мнѣ любовь, и *тамъ* не охладѣтъ
 И *тамъ* я не могу забыть, мой другъ, тебя...

Благодѣтелямъ, наставникамъ и друзьямъ.

Трехлѣтнихъ плодъ любимыхъ упражненій,
 Отливъ души, нестройный лиры звонъ—
 Съ которой все: и прелесть наслажденій,
 И тайну грусть, и тихій сердца стонъ,
 И призраки погибшихъ обольщеній,
 Надеждъ исчезнувшихъ какъ легкій сонъ—
 Я раздѣлялъ въ моемъ уединеніи—
 Вамъ посвятить приѣмлю дерзновенье!
 Благотворительность! Ты двѣ хранила
 Моихъ покой отъ колыбельныхъ лѣтъ;
 Любить добро во всемъ меня учила
 И презирать неблагодарный свѣтъ;
 Ты въ вертоградъ наукъ пересадила
 Подъ благотворну сѣнь мой юный цвѣтъ,
 И въ зной и хладъ была ему защита,
 И мыслю ль будешь ты когда забыта?
 Наставники! При вашемъ попеченіи
 Цвѣтокъ мой росъ; предъ вашимъ взоромъ онъ
 Раскрылъ листки; и вашихъ наставленій
 Блистательной зарею озаренъ,
 Отъ вреднаго дыханія растений
 Прекрасною Эгидой огражденъ,
 Пилъ Генія онъ вашего дыханье;
 Вамъ первое его благоуханье!

Въ заключеніе идетъ списокъ студентовъ, подписавшихся на это изданіе—ихъ было 25 душъ и они подписались на 50 экземпляровъ; среди нихъ находимъ Золотарева, Карасева, Левицкаго Н., Корсуна, Шкларевича, Н. Бѣлозерскаго, Ѳ. Сумцова.

Другіе студенты печатали свои произведенія—прозаическія и стихотворныя—въ особыхъ сборникахъ.

Въ настоящее время они составляютъ большую библиографическую рѣдкость — полной коллекціи ихъ нѣтъ и въ нашей фундамен-

тальной университетской библіотекѣ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ мнѣ пришлось выписывать изъ Петербурга, изъ Императорской публичной библіотеки. Обращая вниманіе на основной тонъ и характеръ помѣщенныхъ въ нихъ студенческихъ работъ, мы замѣчаемъ, что на этихъ послѣднихъ какъ и на стихотвореніяхъ Склабовскаго въ сильнѣйшей степени отразились типическія черты времени и настроеній. Извѣстно, что царствованіе Имп. Александра 1-го рѣзко дѣлится на двѣ эпохи — либеральную и реакціонную — поворотнымъ пунктомъ, гранью, отдѣляющею одну отъ другой, являются Наполеоновскія войны. Эпоха реакціи съ особенною силою обрушилась въ то время на университеты — Казанскій, Петербургскій и Харьковскій. Каждый изъ нихъ имѣлъ своего разрушителя, Казанскій — Магницкаго, Петербургскій — Рунича, Харьковскій — З. Я. и Е. В. Карябевыхъ. Послѣдніе чисто внѣшними, канцелярскими средствами насаждали мистицизмъ и пѣтизмъ, противъ которыхъ скоро (при Шишковѣ) возстало само же министерство народнаго просвѣщенія и вообще правительство. Вотъ это то мистическое движеніе захватило и студенческіе круги, привело къ созданію среди нихъ отдѣленія библейскаго Общества и окрасило въ свой цвѣтъ литературныя произведенія Харьковскихъ студентовъ, помѣщенные въ сборникахъ.

1. *Сочиненія студентовъ и вольнослушающихъ Императорскаго Харьковскаго университета, читанныя съ одобренія словеснаго отдѣленія 30 іюня 1817 года, какъ продолженіе экзамена въ семь отдѣленій. Х., въ унив. тип., 1817; 110 стр.* Сюда вошли слѣдующія статьи: 1) разсужденіе объ испорченности природы человѣческой и о помощи, какую доставляетъ намъ истинная философія, къ поправленію оной — Александра Склабовскаго, 2) О любви къ отечеству — Николая Бѣлозерскаго, 3) Мысли объ истинѣ и предразсудкахъ — Георгія Литвинова, 4) Воспоминаніе о родинѣ — Евгенія Бразоля, 5) Воображеніе Ив. Пономарева, 6) О истинномъ счастіи — Дмитрія Сафонова, 7) Сравненіе русской правды съ судебникомъ — Николая Нестеровскаго и, наконецъ, въ видѣ приложенія рѣчь, говоренная 26 іюня 1817 г. въ день торжественнаго испытанія учениковъ Слободско-украинской гимназіи учителемъ Закона Божія іереемъ Петромъ Рогальскимъ. Статья Склабовскаго; философско-религіознаго характера — начинается она картиннымъ изображеніемъ рая. „Вообразите себѣ прекрасныя деревья съ пріятнѣйшими и здоровыми плодами, прелестныя рощицы и луга, вѣчно свѣжею зеленью покрытые и восхитительныхъ для зрѣнія разнообразіемъ цвѣтовъ и спещренныя, гдѣ свѣтлыя воды, съ тихимъ журчаніемъ пробираясь по разноцвѣтнымъ камешкамъ, то дѣлятся на безчисленныя

жемчужныя нити, то, сливаясь постепенно, образуютъ довольно обширные потоки, подъ сѣнію высокихъ вѣтвистыхъ деревьевъ струящіеся. Прибавьте къ этому усладительное пѣніе птицъ, тихое вѣяніе вѣтерковъ, томное трепетаніе листьевъ, чистый никакимъ вреднымъ переѣмамъ не подверженный воздухъ, налитанный одними лишь благовоніями растеній, наконецъ, величественный сводъ неба, всегда спокойнаго, тихаго, утѣшнаго безчисленными миріадами свѣтилъ, днемъ и ночью горящихъ—и все то, что только можно себѣ представить въ неиспорченной еще природѣ прелестнѣйшаго—все это будетъ, можетъ быть, одна только тѣнь красоты того мѣста, гдѣ праотцы наши проводжали счастливѣйшія, блаженнѣйшія минуты первыхъ дней своихъ. И все это было утеряно, благодаря грѣхопаденію первыхъ людей — природа человѣка повредилась. Единственное средство у насъ теперь просвѣтитъ нашъ умъ, образовать и улучшить сердце—науки, въ особенности здравая философія, совершенно согласная съ христіанской философіей. Она говоритъ объ обязанностяхъ нашихъ къ Богу, научая познавать Творца, любить Его, какъ виновника нашего счастья, научаеъ насъ ученіемъ о наградѣ и наказаніи въ томъ мірѣ добродѣтели и отвращенію отъ порока. Она даетъ намъ непорочныя нравы. Были философскія системы въ XVIII вѣкѣ—суетныя системы слабоумныхъ мудрецовъ—и иного рода — они обладали умами западнаго человѣчества, принесли массу вреда ему и нравственности, возставая противъ власти, проповѣдую мечтательное равенство, возбуждая страсти, погружая человѣка въ бездну пороковъ и несчастій. Но эти лже-системы, представлявшія кучу обмановъ и нелѣпостей, проповѣдовавшія безбожіе и невѣріе, можно ли назвать истинной философіей? Люди, проводившіе ихъ, враги человѣчества, изверги рода человѣческаго, достойные того, чтобы Небесный отецъ излилъ на нихъ фіалъ справедливаго мщенія. Совсѣмъ иная философія, не расходящаяся съ христіанской религіей. Сократъ, Платонъ живя до христіанства, живо чувствовали необходимость въ новомъ свѣтѣ—въ откровеніи. Лейбницъ, Августинъ были добродѣтельными людьми въ жизни. И теперь потому мы должны стремиться къ истинной философіи, которая исправитъ нашу нравственность”.

И эта статья, не смотря на всю ея благонамѣренность, была призвана министромъ кн. А. Н. Голицынымъ вредной, антирелигіозной.

Статья „О любви къ отечеству“—общаго литературнаго характера; заканчивается извѣстнымъ стихомъ: О родина святая, какое сердце не дрожить, тебя благословляя?

Мысли объ истинѣ и предразсудкахъ—разсужденія на эту тему автора, который говоритъ о своемъ умѣ, что онъ еще не достаточно образо-

ванъ философіей. Здѣсь разсматриваются истины троякаго рода—физическія, нравственныя и логическія; соображенія авторомъ почерпнуты изъ логики.

Чисто литературнымъ характеромъ отличается и статья „Воспоминаніе о родинѣ“; рѣчь идетъ объ Екатеринбургѣ.

Статья „Воображеніе“ начинается такъ. „Сколь удивительно Провидѣніе! Сколь непостижимы судьбы его!“ Наполнена выдержками изъ поэтовъ. Авторъ статьи „О истинномъ счастьи“ приходитъ къ заключенію, что счастье даютъ только умственные удовольствія, тѣмъ болѣе что они связаны съ удовольствіями вытекающими изъ добродѣтели...

Въ концѣ похвальное слово философіи, которая доставляетъ высокія радости, притупляетъ скорбь и указываетъ на блаженную вѣчность, она одна можетъ быть путеводительницей къ благополучію и даровать роду человѣческому истинное счастье.

„Сравненіе Русской Правды съ Судебникомъ“—болѣе фактическаго содержанія; указывается на сходство и различіе между ними.

II. *Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета, читанные 1818 года іюня 30 числа по окончаніи экзаменовъ изъ Х., въ ун. тип. 1818, 121 стр.*

Открывается сборникъ статью студ. Антона Пафнутаева „О цѣли ученія“, въ которой мы читаемъ между прочимъ слѣдующія строки. „Верхнее и премудрое существо, произведши насъ на свѣтъ, вложило въ насъ, такъ сказать, одно только зерно всѣхъ высокихъ познаній, до которыхъ разумъ нашъ по естеству своему вознестись можетъ, и сіе то зерно познаній нашихъ есть врожденное въ насъ любопытство. Благостроительная десница Промысла, окруживъ цѣлое поприще жизненнаго нашего бытія безчисленными предметами и существами, болѣе или менѣе сопряженными съ нами, болѣе или менѣе подобными намъ, влила въ каждый сей предметъ, въ каждое сіе существо, какую-то магическую силу притяженія, привлекающую къ себѣ наше любопытство,—и человѣкъ, отъ утробы матерней до дверей гроба, не перестаетъ быть ученикомъ окружающихъ его предметовъ. Чѣмъ чаще и чѣмъ продолжительнѣе испытаніе сіе повторяется, тѣмъ примѣтнѣе природная грубость его смягается, и тѣмъ онъ самъ блистательнѣе становится до тѣхъ поръ, пока наконецъ отъ собственнаго его сіянія цѣлая вселенная представится ему въ видѣ безпредѣльнаго зеркала, въ которомъ онъ ничего не видитъ, кромѣ Бога, ничего не чувствуетъ, кромѣ Бога, ни къ чему не стремится, кромѣ къ Богу; и вотъ та верховная черта, на которой пареніе его останавливается.

До сихъ поръ блуждалъ онъ по неизмѣримымъ областямъ мечтаній, сомнѣній и догадокъ; до сихъ поръ онъ наиболѣе разсуждая, кажется, не мыслилъ ничего; но когда остановится на сей неподвижной точкѣ, тогда всѣ мечты его исчезаютъ, сомнѣнія оправдотворяются, и догадки дѣлаются законами. Однимъ словомъ, онъ познаетъ себя, познавъ Бога“.

Студенту Николаю Левидкому принадлежитъ статья О развитіи нравственнаго чувства, въ которой мы читаемъ слѣдующія строки.

„Но неужели первобытный человѣкъ, незнавшій ни наукъ, ни искусствъ, ни художествъ, не знавшій сего просвѣщенія потому, что не имѣлъ нужды ихъ знать, терялъ достоинство своего существованія? Неужели и теперь должно презирать человѣка изъ низшихъ классовъ общества, напримѣръ, земледѣльца, за то только, что онъ съ такою простотою судить о предметахъ, непринлежащихъ къ его занятіямъ? Нѣтъ! такъ говоритъ намъ нѣкоторое внутреннее чувство. Гдѣ же тотъ способъ, которымъ облагораживается онъ наравнѣ съ сильными владыками? Въ добродѣтели и религіи; въ семъ неоцѣненномъ сокровищѣ, которое благодѣтельная десница Всемогущаго вручаетъ всѣмъ съ такою щедростію, не взирая ни на разность племенъ, ни на разность состояній, одѣляя онымъ всѣхъ равно, и раба и повелителя. Нѣтъ сомнѣнія, что чувствованія сіи въ каждомъ человѣкѣ пробуждаются постепенно. Но не такъ сіе происходило, когда посмотримъ въ цѣломъ на великолѣпный храмъ добродѣтели и религіи, обращая особенное вниманіе на ихъ начало, которое по справедливости должно быть отнесено къ счастливѣйшему времени прежде паденія рода человѣческаго, ибо есть ли начать сіе обзорѣніе со временъ варварскихъ, то увидимъ, что развитіе ихъ усовершалось съ каждымъ изъ прошедшихъ вѣковъ. Но сіи высочайшія добродѣтели начально чрезъ постепенное ли развитіе достигли своего совершенства? Вотъ вопросъ, могущій показать все различіе, при рѣшеніи котораго основываются или на мечтательности, всегда невѣрной и обманчивой, или на божественныхъ истинахъ высочайшаго ума—правилахъ религіи, столь ясныхъ, столь точныхъ, признаваемыхъ и человѣкомъ едва начинающимъ углубляться въ свое собственное бытіе, и мудрецомъ перелетающимъ за предѣлы бренности вещей.

Не всякъ изъ насъ можетъ достигнуть познаній Аѳинскаго мудреца; но попечительное Провидѣніе указываетъ на святую религію. Она всегда вручаетъ всякому изъ насъ, если только прибѣгаемъ къ ней, вручаетъ намъ неугасающій свѣтильникъ, вознесенный свѣтомъ немерцающимъ; съ нимъ только можемъ освѣтить и разогнать темноту, скрывающую отъ насъ истины непостижимыя для пустаго, тщеславнаго суетумудрія. Добродѣтель въ изученіи трудна; но религія показываетъ намъ ее

явственно. О святая религія! ты всегда кротка, всегда утѣшительна; ты прощаешь самыя мои слабости, требуя одного только обращенія. Взглянемъ на человѣка, оставляющаго міръ сей. Если онъ исполнялъ святѣйшіе Твоя законы, Ты открываешь предъ нимъ восхитительнѣйшую будущность, и онъ въ смерти видитъ только путь, ведущій его изъ ничтожества къ безсмертному началу. Воззримъ на величайшаго изъ смертныхъ, коего имя сіяетъ въ храмѣ безсмертія, воззримъ на единственный примѣръ и царей, и человѣковъ—на Августѣйшаго Императора нашего Александра I. Сильный въ брани онъ опирался на святѣйшую религію, на нее надѣялся болѣе, нежели на увитый лаврами мечъ свой; съ нею онъ былъ побѣдителемъ-миротворцемъ. Неутомимый для блага нашего—отъ религіи наставленъ управлять народомъ славнымъ, народомъ доблестнымъ, народомъ для сердца его любезнымъ, и его достойнымъ. Пусть онъ будетъ нашимъ примѣромъ,—мы будемъ добродѣтельны и счастливы. Религія у насъ владычествуетъ, міръ процвѣтаетъ. О вождельнное отечество! пламенѣя къ тебѣ любовью, дерзаю восклицать: торжествуй Россія! Величайся! Богъ возлюбилъ тебя и царя твоего, вознесшаго тебя на верхъ славы“.

Изъ другихъ статей сборника отмѣтимъ работу студента Склабовскаго „Историческій взглядъ на Россію отъ основанія монархіи до порабоженія ея татарами—съ 862 по 1240-й годъ“, „О соревнованіи“ студента Назарьева, „Послѣднія минуты Демосфена“—сокращенный переводъ изъ Лукіанова похвальнаго слова этому оратору студента Бѣлоусова и „De felicitate hominis“ (на лат. яз.) студ. Склабовскаго. Стихотворенія также проникнуты религіознымъ духомъ. Таково, на примѣръ, стихотвореніе Шкляревича „Подражаніе 18 псалму“.

„Намъ твердь небесная вѣщаетъ

Могущество и власть Того,

Кто все собою сохраняетъ,

Кто создалъ міръ изъ ничего,

Кто непремѣнными берегами

Морскія бездны оградилъ,

И имъ свирѣпыми волнами

Стремиться далѣ запретилъ.

Весь свѣтъ есть рукъ его творенье—

Онъ все поконитъ и живитъ,—

День дню его благотворенье

И нощи ношъ о немъ гласить.—

Сей гласъ, природы, гласъ священный,

Творецъ! знакъ мудрости Твоей,

Сей чинъ натуры неизмѣнной,
 Быть долженъ внятенъ для людей.
 Всемою своею силой,
 Средь множества другихъ свѣтилъ,
 Дня благотворное свѣтило
 Всевышній солнце утвердилъ.
 Онъ рекъ: отъ края въ край вселенны
 По сводамъ небо протекай,
 И тварямъ, мною сотвореннымъ,
 Свѣтъ животворный проливай.

Онъ рекъ—и, внявъ Его велѣнье,
 Свѣтило лучезарно дня
 Взойдетъ,—вдругъ при его явленѣхъ
 Природа воспрянувъ отъ сна,
 Изъ мрака ночи воскресаетъ—
 Оно, какъ Исполинъ, идетъ,
 Всю поднебесну обтекаетъ
 И жизнь всему творенью льетъ.
 Творецъ всесильный смертныхъ рода!
 О ты, что выше свѣтлыхъ звѣздъ,
 Лазурнаго превыше свода,
 Въ святомъ чертогѣ райскихъ мѣстъ
 Отъ вѣкъ незримо обитаешь,—
 Мы всѣ Тобой сотворены,
 Ты всѣмъ намъ благодать проливаешь,
 О Боже! мы Твои сыны!

Услышь, услышь мое моленье,
 И ухо долу преклони—
 Мракъ сердца моего, сомнѣнье,
 Небеснымъ свѣтомъ разгони;
 Влей въ душу вѣры огонь священный,
 Внуши мнѣ Твой законъ святой,
 И духъ страстями помраченный
 Очисти Боже—успокой.

И кто возмогъ, неозаренный
 Небесной благодатью твоей,
 Познать пороки сокровенны
 Во глубинѣ души своей;
 Кто могъ изъ смертныхъ самъ собою
 На добродѣтели пути,

Всегда безтрепетной стовою,
Не совращаясь идти.

О! если внявъ мое моленье,
Мой духъ Ты въ вѣрѣ укрѣпишь,
Мракъ сердца и души сомнѣнье
Небеснымъ свѣтомъ озаришь;
Тогда враги мои смутятся,
И я прославлюся Тобой—
Тогда строптивы вразумятся,
Что мой Творецъ-Спаситель мой.

За этимъ слѣдуютъ—элегія „Старецъ надъ могилою“ студента Дыздарева, „Заговоръ противъ Кесаря“—переводъ изъ Лессинга студента Петрова, „Къ клавикорду“—переводъ его же изъ Вейса, съ нѣмецкаго языка, „Италія и Римъ“—подражаніе Сенъ Виктору студента Бѣлозерскаго, „Подражаніе Горацію“ его же. Въ приложеніи помѣщена рѣчь прот. Кир. Росинскаго въ Екатеринодарскомъ уѣздномъ училищѣ.

III. *Труды студентовъ любителей отечественной словесности въ Имп. Харьковскомъ университетѣ.* Харьковъ, унив. тип. 1819 г. Одна книга въ 2-хъ отдѣленіяхъ: проза (192 стр.) и стихотворенія (127).

„Въ предувѣдомленіи къ этой книгѣ, говоритъ С. И. Кованько, находится извѣстіе о „дружномъ обществѣ“ любителей отечественной словесности, члены котораго, издавая свои опыты, „не надѣялись удовлетворить просвѣщенному читателю своимъ искусствомъ въ выборѣ и обработаніи матеріи, но были увѣрены, что и самая любовь ихъ къ отечественной словесности и пламенное усердіе по возможности споспѣшествовать общей пользѣ раскрытіемъ и усовершенствованіемъ своихъ способностей, посредствомъ взаимнаго сообщенія своихъ свѣдѣній, мыслей и чувствованій въ дружескомъ обществѣ—заслужить его (т. е. читателя) вниманіе“. Почтенное общество молодыхъ ученыхъ литераторовъ раздѣлило труды свои „на прозу и стихотворенія“, а прозу подраздѣлило на „статьи нравственно назидательныя, изящную словесность и живописную прозу“, подражая въ этомъ случаѣ, прибавимъ мы отъ себя, программѣ „Украинскаго Вѣстника“. По словамъ С. И. Кованька, авторы желали угодить публикѣ, проникнутой въ то время сентиментальностью, подражательностью и нѣмецкимъ мистицизмомъ. „Вотъ причина, по которой статьи въ этомъ изданіи почти все переводныя и подражательныя, за исключеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній. Впрочемъ должно сказать, что въ этомъ годаздо болѣе и вѣрнѣе, нежели въ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ студенческихъ изданіяхъ, отражается тогдашнее состояніе мѣстной публики съ ея

вкусами и требованіями. „Дружное общество“ трудилось не только дружно, но и добросовѣстно—и молодые любители отечественной словесности украсили отечественную литературу, вѣроятно, по ея же навѣваніямъ и желаніямъ публики, цвѣтами, собранными съ латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ и польскихъ разсадниковъ. Стихи, гораздо болѣе нежели проза, показываютъ самостоятельности у харьковскихъ любителей отечественной словесности въ самыхъ заимствованіяхъ, переводахъ и подражаніяхъ и навѣваютъ на читателя то расположеніе души писателей, въ которомъ замѣтно вліяніе съ одной стороны еще Державина, хотя очень мало, а съ другой уже несравненно болѣе Жуковского“ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ полный перечень статей этого сборника.

І. Проза.

Статьи нравственно-назидательныя: 1) „О познаніи Бога изъ природы“ (съ нѣмецкаго), Н. Левицкаго. 2) „Письмо Сень-Мерона къ графу де Позиньи“ (съ польскаго), А. Пафнутьева. 3) „О благотворительности“ (подражаніе французскому), А. Пафнутьева.

Изъясняющая словесность: 1) „Правила искусства писать“ (изъ Бюфона), А. Склабовскаго. 2) „О причинахъ упадка краснорѣчія“ (изъ d' Агессо, его же. 3) „Писатель-литераторъ, въ сравненіи съ другими писателями“ (съ польскаго), Н. Левицкаго. 4) „Взглядъ на первую эклогу Виргилія (изъ Сень-Пьера), П. Говорскаго. 5) „Рѣчь Ганнибала къ своему войску“ (изъ Тита Ливія), Н. Левицкаго. 6) „Окрестности Рейна“ (съ польскаго), его же. 7) „Униженная гордость“ съ итальянскаго), его же. 8) „Густавъ или день рожденія“ (съ французскаго), А. Пафнутьева. 9) „Четыре возраста человѣка“ (изъ Ласепада), А. Склабовскаго.

Живописная проза: 1) „Аллегорическое изображеніе четырехъ временъ года“ (съ французскаго); его же. 2) „Картинное описаніе кладбища“ (изъ Сень-Пьера), Н. Левицкаго. 3) „Шумъ вѣтра между деревьями“ (изъ Сень-Пьера), его же. 4) „Эхо“ (изъ Гердера), его же. 5) „Роза“ (изъ Гердера), его же. 6) „Патріархъ полей при окончаніи прекраснаго дня“ (изъ Рейрака), А. Склабовскаго. Всѣ прозаическія статьи занимаютъ 192 страницы.

ІІ. Стихотворенія.

1) „Гимнъ весеннему солнцу“ (подражаніе Рейраку), А. Склабовскаго. 2) „Гимнъ Богини юности“ (съ французскаго), Н. Петровскаго. 3) „Пѣвецъ“ (А. В. Склабовскому), И. Золотарева. 4) „Къ Д. Л. III—у“, А. Склабовскаго. 5) „Посланіе къ Н. М. Систову“, его же. 6) „Къ И. Я. Золотареву“ (отрывокъ), его же. 7) „Посланіе къ Н. М. Систову“, его же. 8) „Къ друзьямъ въ часъ разлуки“, Н. Савостьянова. 9) „Отрывокъ изъ посланія къ К...“, И. Говорскаго. 10) „Къ А. В. Склабовскому“, П. Савостьянова. 11) „Элегія. Къ Лирѣ“, его же. 12) „Идилія. Приятность берега“ (подражаніе Лео-варду), И. Золотарева. 13) „Идилія“ (изъ Беркена), А. Склабовскаго. 14) „Идилія. Дафна и Коридонъ“ (изъ Карпинскаго), его же. 15) „Къ зарницѣ“ (подражаніе Нарушевичу), его же. 16) „Вечерняя звѣзда“ (изъ Оссіана), Н. Петровскаго. 17) „Романсъ“ (подражаніе Карпинскому), А. Склабовскаго. 18) „Воспоминаніе“, А. Карасева. 19) „Сонетъ“ (подражаніе Бюргеру), А. Склабовскаго. 20) „Умѣренность“ (вольное подражаніе

IV. *Сочиненія и переводы студентов Имп. Харьковскаго университета, читанные 1819 года июня 30 числа по окончаніи экзаменовъ ихъ.* Харьковъ, унив. типографія, 1820, 100 стр. ¹⁾.

V. *Сочиненія и переводы студентовъ, читанные 1820 года июня 30 числа по окончаніи экзаменовъ X.* 117 стр. ²⁾.

Горацію), Н. Петровскаго. 21) „Цвѣтокъ“, А. Склабовскаго. 22) „Къ ручью“ (изъ Нарушевича), его же. 23) „Къ розѣ“, И. Золотарева. 24) „Рожденіе розы“ (изъ Монкрифа), А. Склабовскаго. 25) „Къ Делію“ (подражаніе Горацію), И. Золотарева. 26) „Ночь“ (подражаніе Берни), А. Склабовскаго. 27) „Утро“ (подражаніе Берни), его же. 28) „Старость“, Н. Савостьянова.—Четырестишіе. 29) „Счастливое знакомство“ (подражаніе), И. Гонорскаго. 30) „Путешественникъ“. А. Карасева. 31) „Прохожій и потокъ“ (подражаніе Карпинскому), А. Склабовскаго. 32) „Происхожденіе рифмъ“ (подражаніе польскому), его же. Всѣ стихотворенія занимаютъ 127 страницъ.

¹⁾ Вотъ составъ этого сборника:

I. „Нравственности безъ истинной вѣры не существуетъ“, И. Трошнискаго, 1—16 стр. II. „Разборъ Цицеронова разсужденія о должностяхъ съ примѣненіемъ оного къ высокой нравственности христіанскаго ученія“, Левицкаго. Это переведенное съ французскаго языка сочиненіе—профессора Пави де Совивьи, 7—18. III. „Чистота сердца награждается приближеніемъ къ Богу и зрѣніемъ его“, Феодула Соколовскаго, 19—21. IV. „Историческій взглядъ на Россію отъ покоренія оной Батмемъ до славной побѣды Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ, съ 1240 года до 1380 года“, Склабовскаго. Это продолженіе статьи, напечатанной въ „сочиненіяхъ и переводахъ“ 1818 г. V. „Разсужденіе о движеніи волнъ и звука“, Байкова. 49—58. Составлено изъ основанія лучшихъ математиковъ. Далѣе слѣдуютъ стихотворенія (59—90 стр.). VI. „Гимнъ Богу“, А. Карасева. VII. „Кончина мудраго“, его же. VIII. „Путешественникъ“ его же. IX. „Гимнъ весеннему солнцу“, сочиненіе Склабовскаго, перепечатанное изъ „Трудовъ студентовъ любителей отечественной словесности“. X. „Къ ручью“ (изъ Нарушевича), его же, перепечатано отсюда же. XI. „Цвѣтокъ“, его же, перепечатано отсюда же. XII. „Посланіе къ другу... К...“, Петровскаго. XIII. „Вечерняя звѣзда“, его же. XIV. „Весна“ (подражаніе Карамзину), Трошнискаго. XV. „Къ Делію“ (подражаніе Горацію) Золотарева,—перепечатано изъ „Труд. и проч.“. XVI. „Пѣвецъ“, его же.—перепечатано отсюда же, съ опущеніемъ перваго куплета. Въ прибавленіи къ сочиненіямъ студентовъ помѣщена „Рѣчь о томъ, что для благополучія челоуѣка нужно съ отрочества воспитывать его въ страхѣ Божіи“, произнесенная „при публичномъ собраніи, въ заключеніе испытанія въ Екатеринодарскомъ училищѣ, смотрителемъ оного, Закона Божія учителемъ, ученаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ членомъ, войсковымъ протоіереемъ и кавалеромъ Кирилломъ Россинскимъ, 1819 года іюня 30 дня“.

²⁾ Вотъ составъ этого сборника.

Сочиненія въ прозѣ.

I. „Рѣчь объ отношеніи религіи къ государствамъ“, вольнослушающаго М. Протопопова, бывшаго потомъ профессоромъ въ здѣшнемъ университетѣ. 1—20 стр. II. „Краткое обзореніе начала, постепеннаго возвышенія и успѣховъ Россійской словесности“, А. Попова, 21—38. III. „О томъ, сколь необходимо познаніе исторіи для нашего образованія“, вольнослушающаго Самойловича, 39—44. IV. „О пользѣ

VI. *Сочиненія и переводы студентов Императорскаго Харьковскаго университета, читанные 1821 г. июня 30 числа по окончаніи экзаменовъ ихъ.* X., въ унив. тип. 1821, 157 стр. На первомъ мѣстѣ мы находимъ здѣсь „Разсужденіе о возрожденіи“ студента Дружkevича.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этой статьи.

„Человѣкъ естественный въ настоящемъ его состояніи есть не то, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ быть долженъ. Онъ былъ образъ несозданнаго. Онъ созданъ мудрымъ, непорочнымъ, чувствительнымъ; но разумъ его возгордился, воля уклонилась отъ закона, а сердце прилѣпилось къ тлѣнью. Онъ возмечталъ, воспротивился, преступилъ законъ Творца и унизился съ того времени; внѣшнее восторжествовало надъ внутреннимъ, вещественное надъ духовнымъ, духовная природа человѣка повредилась, нарушилась въ немъ гармонія, перемѣнилось назначеніе. Онъ палъ, и падшій уже долженъ достигать цѣли своей посредственно, чрезъ возрожденіе въ жизнь духовную и преслѣніе въ оной Благодатью совершаемое. Странна и непонятна для человѣка плотскаго мысль о возрожденіи. Доколѣ свѣтъ небснаго ученія не просвѣтитъ чувственностью помраченнаго взора, дотолѣ онъ съ Никодимомъ будетъ вопрошать: какъ можетъ родиться человѣкъ, будучи старъ, и какъ можетъ преуспѣвать въ жизни тотъ, кто почти окончилъ жизнь естественную и уже стоитъ надъ отверстіемъ гроба. Разсмотрѣніе сего вопроса будетъ предметомъ моего разсужденія.

Сѣмя Божественной натуры въ человѣкѣ дотолѣ не возродится и не можетъ возрасти, доколѣ не истлѣетъ покрывающій его прахъ чувственности и тлѣнія. Апостолъ Павелъ говоритъ: „еже сѣеши не оживетъ, аще не умреть“. И такъ, возрожденію въ жизнь духовную должна предшествовать смерть человѣка естественнаго, то есть плотскаго, чув-

народной исторіи относительно познаній и относительно правотъ“, Дружkevича, 32—49. V. „Понятіе о высокомъ“, Трошинскаго, 50—68. VI. „Утреннее размышленіе о Богѣ“, вольнослушающаго Н. Спасакаго, 69—74. VII. „Разсматриваніе природы ведетъ человѣка къ мудрости и добродѣтели“, Любимова-Короставцева, 75—77. VIII. „О верховномъ благѣ человѣка“, Полицкаго, 78—83. IX. „Безмертіе души, доказываемое желаніемъ счастья въ человѣкѣ“ (изъ Шатобріана), Н. Корсуна, 81—89.

Стихи.

X. „Утренняя пѣнь Богу“ (подражаніе Оссіану), Петровскаго. XI. „Развалины Пальмира“ (изъ Вольвея), его же. XII. „Кладбище. Элегія“, Попова. XIII. „Счастіе мудраго“, А. Карасева. XIV. „Уныніе“, его же. XV. „Уединеніе“ (съ польскаго), его же. XVI. „Гимнъ солнцу“ (подражаніе Нарушевичу), Золотарева. XVII. „Къ Валлію“ (вольный переводъ изъ Горация), П. Сендецкаго. XVIII. „Къ Ласточкѣ“ (подражаніе польскому), его же. XIX. „Луга“ (идиллія изъ Жофре), его же.

ственного.—Во первыхъ человѣкъ долженъ умереть умомъ самому себѣ и міру. Чтобы усмотрѣть необходимость умерщвленія ума, слѣдуетъ только обратить вниманіе на помраченіе его и слабость въ сужденіи о вещахъ духовныхъ, на гордость и самолюбіе мудрыхъ вѣка сего, на на тѣ неправые и отъ истины удаляющіе пути, по которымъ руководствуетъ человѣка мірское мудрованіе. Дѣятельный умъ человѣческій, потерявши чистоту свою въ первомъ паденіи, лишившись возможности сообщаться съ существами высшаго духовнаго міра, обратился къ тѣлному, чувственному міру. Человѣкъ чрезъ развратность чувствъ заглушивъ свой разумъ, удалясь до чрезвычайности отъ перваго образа духовнаго своего состава, время отъ времени болѣе и болѣе переходилъ отъ внутренняго къ наружному, отъ духовнаго къ чувственному и, исказивъ понятіе о Божествѣ, котораго какъ врожденнаго ему не могъ совершенно истребить въ душѣ своей, повергнулся въ идолопоклонство. По мѣрѣ того, какъ долженствовало возрастать просвѣщеніе, распространялось невѣжество и заблужденіе рода человѣческаго. И существа мыслящія такъ глубоко погрязли въ своемъ заблужденіи, что міръ духовный казался имъ вымышленною сказкою. Надобно было превратить все духовное въ тѣлесное и удаленное отъ чувствъ обратить въ самую чувственность. Чтобы понимать существо Божіе, надобно было его представлять въ чувственномъ видѣ, подвергнуть его слабостямъ, человѣческой падшей натурѣ свойственнымъ. И самые тѣ, кои хотѣли отличиться отъ толпы обыкновенной, самые мудрые изъ людей, гоняясь за истиною, уклоняясь отъ нея, заблуждали. Имъ невозможно было приобрѣсть истиннаго понятія о Богѣ, которое всегда остается за предѣлами чувствъ; поелику и самыя отвлеченныя ихъ понятія были все еще тѣлесны. Вотъ помраченіе ума съ самаго его начала! Но оно осталось одинаковымъ во всѣ послѣдующія вѣки до нашихъ временъ, и самый христіанинъ, ходящій по плоти, а не по духу, мудрствующій по стихіямъ міра, а не по Христу, столько же не имѣетъ чистаго понятія о Богѣ, какъ и люди, невѣдующіе христіанства.

При всей слабости своей, умъ человѣка естественнаго никогда не думалъ обращаться отъ себя къ неисчерпаемому источнику премудрости, дабы тамъ найти пособіе къ уврачеванію своей слабости. Онъ даже не познаетъ своего заблужденія. Проникаетъ во внутренность природы, открываетъ ея сокрытые законы, измѣряетъ небо, разсматриваетъ планеты, исчисляетъ ихъ бѣгъ, представляетъ себѣ прошедшее и будущее, всему ищетъ причинъ, всему полагаетъ законы; но все относя къ самому себѣ, все обращая въ собственность, мечтаетъ, гордо течетъ по пути заблужденій и бѣдственно погрязаетъ въ топкихъ бо-

лотахъ эгоизма. И спасительная истина, будучи содержима нечестіемъ и неправдою человѣческою въ неправдѣ, находишь подѣ властію прихо-тей едва едва подобно отдаленному свѣту въ хаосѣ изъ мрака сіяла и мудрые вѣка сего, слѣпые вожди слѣпыхъ, никогда бы не узрѣли сего во мракѣ мерцающаго свѣта, еслибы лучъ новой благодати не просвѣтилъ ихъ разсудка.

Единъ Богъ есть источникъ премудрости и разума чистѣйшаго. Есть ли чья мудрость не свыше, есть ли кто не наученъ помазаніемъ отъ Святого, которое всѣхъ насъ учить, ничего не пріять отъ Отца свѣтовъ; такового мудрость есть земная, мудрость человѣческая, мудрость сатанинская: вѣсть сія мудрость свыше нисходяща, но земна, душевна, бѣсовска. Доколѣ такая мудрость мірская духъ человѣчскій плѣннымъ содержать, дотолѣ не можетъ онъ быть причастнымъ мудрости небесной, поелику просвѣщеніе свѣта Благодати есть выше чувствъ и разума человѣческаго. Гдѣ сіяетъ свѣтъ благодатный, тамъ свѣтъ естественный—тьма по словамъ Св. Писанія исчезаетъ; коебо общеніе свѣту со тьмою? И такъ, человѣкъ естественный долженъ отвергнуть собственную мудрость, отложить гордость ума, забыть суетное познаніе всего того, чѣмъ онъ въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ старается казаться пріятнымъ и любезнымъ, словомъ, онъ долженъ умереть умомъ самому себѣ и міру. Простота ума, очищенная отъ предразсудковъ, дѣтская довѣренность, твердо повинующаяся волѣ Отца Небеснаго, радостное упованіе, каковое только одинъ очищенный умъ имѣть можетъ, вотъ таинственная печать, знаменующая новаго человѣка на первомъ шагѣ вступленія его въ жизнь духовную, христіанскую, ежели онъ, живя для міра, мудрствуя о себѣ только и о мірѣ, былъ уже посѣдѣвшимъ старцемъ, закосяѣлымъ и въ заблужденіяхъ, и предразсудкахъ, то здѣсь ему должно сдѣлаться младенцемъ; поелику онъ не можетъ еще тотчасъ вмѣстить въ себѣ всего высокаго Христова ученія. И сами Апостолы по словамъ Христовымъ должны были питаться самою слабѣйшею пищею, питаться млекою, а не брашны, пока Духъ Святый не снишелъ на нихъ; ему должно себя всего и во всемъ ввѣрить единственному наставнику, благодатному Евангелію Христову... Такъ, одна любовь къ Существу Высочайшему есть всѣхъ благихъ нашихъ начало. Любя его, мы любимъ благодѣтельствующихъ и покровительствующихъ насъ, коимъ оно благодѣтельствуетъ щедротами своея руки, любимъ и всѣхъ человѣковъ, какъ самихъ себя, ибо и всеобщій нашъ Отецъ любитъ насъ яко чадъ своихъ. Любя Его, мы и въ жизни сей бываемъ блаженны и никогда не лишимся мзды своея, но насладимся исполненіемъ непреложныхъ его обѣтованій“.